
МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Л.С.Клейн

АРХЕОЛОГИЯ В СЕДЛЕ (Косинна с расстояния в 70 лет)

Leo S. Klein. Archaeology in Saddle (Kossinna in 70 Years Retrospective)

The article offers an analysis of Kossinna's "archaeology of habitation". It first reveals the attitudes towards Kossinna's heritage, ignored by the modern historiography. Then it studies Kossinna's biography and, in this context, development and crystallization of his concept. Most curiously, an observation is made that the racial theory was only introduced into Kossinna's concept at a later stage in its existence.

Then the article offers a systematisation of Kossinna's views, which he, as a matter of fact, did not manage to do on his own. The thirteen positions of his "archaeology of habitation" (Siedlungsarchäologie) are set forth and analysed. Part of these dogmas are concerned with developing ethnic history, origins of peoples and language families (ethnic explanations of archaeological cultures, cultural continuity and typological correlations, migration treatment of a culture's spread, ethnic attribution of a type and matching peoples and races). The other part is concerned with use of results of the study (address to "historical right", selection of archaeological precedents of the modern plans of aggression and the doctrine of primacy). Still a number of other dogmas deal with driving forces in development of a society (declaration of the Germans' mission as cultural carriers, principle of imposition of the past over the present, biological determinism and the principle of drawing ideals and direct lessons from archaeology).

The last part of the article sets forth the arguments supported by Kossinna's critics, and development of the criticism is followed – from his first critics (respectful German scholars of the early century) and Kossinna's Polish adversaries to his West European opponents and Soviet Marxists, as well as West German sceptics.

Evaluating Kossinna's concept, the author maintains the opinion that despite his dilettantism and bias, Kossinna is a classic of the German archaeology. He founded the entirely new direction of ethno-genetic studies in the primitive archaeology, knitted a school together and introduced a series of methodological techniques which were accepted and applied in studies even by his enemies. And it is the fault of the social and historical situation and the spirit of the age in the Germany of the two world wars it initiated that the German archaeology had such a classic in the early XX century.

Часть первая. Отношение к наследию Косинны

1. По следам Косинны (Лирическое введение)

Густав Косинна — крупный ученый, немецкий националист. По иронии судьбы, фамилия у него славянская, от корня *кос-* (*косой*, *косить*). Видимо, дальние предки его — онемеченные славяне. В немецком она пишется со сдвоенными *с* и *н*: *Kossinna*. В современной русской транслитерации, которая стремится к фонетической передаче, почему-то оставили сдвоенное *с* (хотя в немецком оно попросту означает, что произносится *с*, а не *з*), но не стали сдвигать *н*. Правильнее *с* передавать одной буквой, а *н* как раз лучше удвоить: хоть оно означает просто краткость предшествующего слога, но всё же может звучать дольше простого *н*: Косинна.

Странное место занимает этот человек в истории науки. Выдающийся археолог, он за всю свою жизнь был на раскопках всего несколько дней. Он возглавлял целое направление и не-

сомненно обогатил науку. В то же время его повсеместно осуждают, и он безусловно достоин осуждения. За то, чем обогатил науку? За то, как обогатил науку? Или за нечто иное?

Это он, Густав Косинна, сказал: «Подсадим-ка первобытную археологию в седло, а уж поедет она сама!» (Mannus 1, 1909: 13 — см. Gummel 1938: 317–318). Археология была для него чем-то вроде древнего германского рыцаря-крестоносца — в панцире, при оружии и непременно в седле, готовая ехать и завоевывать далекие земли. Почти на полвека его слова стали лозунгом. И она поехала, у, как поехала!

При жизни он возбуждал ненависть и презрение, но пользовался огромной славой и популярностью, получил множество почестей. Тогда же, однако, самый верный и последовательный его ученик (поляк Ю. Костшевский) стал его злейшим врагом и одним из главных противни-

ков. Другой ученик, самый крупный теоретик из всех учеников (Э. Вале), стал его главным критиком. Его главным союзником и наследником стал его самый ненавистный соперник и враг (Карл Шухардт). Через полтора десятка лет после смерти Косинны все его ученики и ученики учеников от него отrekliсь и отвернулись. Но именно в это время его старые заклятые враги — принципиальные противники и ученики его противников (прежде всего советские археологи), ни на минуту не оставляя своей враждебности, переняли и освоили его методы. Так всё ли из его наследия должно оставаться втуне, вне науки? Он был врагом, боролся, побежден. Он сеял зло, он строил злую науку. Но из чего строил, что для этого находил и создавал? Надо разбираться.

Конфликтный, склочный, недоброжелательный, завистливый, воинственный... Психологический портрет злого гения? Разбор его творчества — это что, погружение в потемки его подсознательных стимулов и осознанных стремлений? В детстве, — повествует его панегирический нацистский биограф, — его сильно подавлял и обижал старший брат Рихард (три года разницы). Отсюда появились в нем эта замкнутость, этот комплекс реактивности, пружинной агрессии. В то же время он очень любил играть на рояле (Stampfuß 1935: 9-10, 15). Что же, Вагнер тоже любил и был схож с ним в шовинизме. Но не это важно.

Почему он стал для широких кругов научной молодежи властителем дум? Только ли молодежи? Какие силы истории вознесли его на гребне волны, чтобы затем уронить в пучину забвения? Сколь глубоко это забвение? И кому оно нужно? Где сейчас силы, стоявшие за Косинной? Почему им не нужен сейчас Косинна? Вот вопросы, гораздо более важные. Вопросы волнующие, потому что они задевают основы тяжелой исторической драмы, так недавно потрясшей Германию, Европу и мир. Драмы, оставившей семена недоверия и тревоги.

И еще. Вот я каждое лето выезжал в степь копать курганы. В нашу степь. Под знойным солнцем мы вонзаем лопаты в могучие горбы и к осени стоим глубоко на древней поверхности в кольце обширного отвала. У ног чернеют входы в подземелья, а там в катакомбах лежат скорченные скелеты, с костями, окрашенными в малиновый цвет. Лежат то поодиночке, то парами, по трое и больше. При них горшки с узорами, образованными оттисками шнура и тесмы, каменные боевые топоры, бронзовые ножи и шилья. Так хоронили здесь своих покойников люди бронзового века, II тыс. до н.э. — четыре тысячи лет тому назад. В незапамятные времена, от которых не сохранилось ни письменных, ни устных преданий.

Но очень похожие горшки и топоры находят в курганах Дании и Северной Германии: шнуровая керамика, боевые топоры-молоты. Косин-

на и его ученики имели для этого наготове объяснение: цивилизаторский поход древнейших прагерманцев — один из их многих центробежных походов (по нумерации Косинны десятый) — принес эту культуру в степи России. Наглядный урок для потомков. Сколько усилий потратили наши, и не только наши, но и английские, чешские, польские археологи, чтобы опровергнуть это построение!

Одни доказывали, что всё было наизусть: поход шел из степей Предкавказья и Украины в Центральную и Северную Европу, а не обратно, неверна хронология Косинны, северные памятники — поздние. Недавно радиоуглеродным методом физики установили: северные курганы — древние, относятся к III тыс. до н.э., тогда как наши — ко II тыс. Не мог идти поход с юго-востока на северо-запад. Да и нужно ли было ждать радиоуглеродного метода — ведь наши памятники с металлом, а северные родичи жили еще в каменном веке!

Другие археологи утверждали, что вообще не было тут никаких походов, никаких переселений, никаких миграций. Северные курганы сами по себе, наши — сами по себе: параллельное развитие. Тоже не получается. У северных есть на месте предковые формы (прототипы), у наших — нет. Все попытки вывести новую культуру целиком из предшествующей не выдерживают проверки (хотя, конечно, кое-что из предшествующей культуры сохранилось в новой). У предшествующего населения другая посуда, другие могилы и даже другие черепа.

Наконец, оставался еще один спасительный отвод: ладно, пусть ни местное происхождение, ни поход на северо-запад не подтверждаются, но и приход с северо-запада недостоверен! Не все элементы новой культуры выводятся с северо-запада — например, катакомб там и не бывало, характерных ритуальных сосудов (курильниц) — тоже. Верно, более ранние курильницы близкого типа оказываются на Дунае, а дальний очаг погребений в катакомбах — Восточное Средиземноморье. Как же они все «стеклись» в нашу степь? На каждый элемент — по походу? Но тогда почему походы приносили только по одному — два элемента культуры? Куда девались остальные? Предположить импорт идей? Но как они передавались на далекие расстояния? Ведь телевидения не было. Значит, оставим всё в неясности. Откуда пришли эти племена к нам — неизвестно. Может быть, с юга, востока и т.п. Причина совпадений с северными и западными находками непонятны — может быть, случайность...

Ах, слишком много случайностей. Слишком близки сходства. И главное — слишком проста та гипотеза, которая отвергается. Вышли откуда, пришли сюда, что имели — принесли с собой, маршрут усеяли тем, что теряли по дороге... А было ли в жизни всё так просто? Миграции древних племен не были похожи ни на эту

модель, ни часто друг на друга. Они были все очень разнообразны — этому учит этнография. Переселенцы отрывались от родины, еще не зная, куда идут. Чаще всего их гнал голод, иной раз давление соседей. Не сразу попадали в конечный пункт. Не оставляли по могиле на каждом привале. Недолго сохраняли отечественные традиции, да зачастую и не все традиции знали (если не всё общество снималось с места). Являясь в земли чужих богов, старались приспособиться. Новое впитывали жадно, легко. И выйдя через сотни лет к землям, на которых почему-либо смогли задержаться, приносили туда лишь часть того, что имели первоначально, зато много — захваченного по пути.

Что ж, проверим эту модель. И вот я нахожу по литературе отчетливые следы временного пребывания северян как раз там, где оказались прототипы других наших загадочных явлений — катакомб, курильниц, а именно — на Балканском полуострове, в Подунавье... Вдобавок, в наших степях не все эти элементы соединены вместе. Здесь тоже были разные пришельцы. В том числе, видимо, северяне. Предки германцев? Или славян, балтов и т.п.? Любой вариант нельзя утверждать. Но не исключается.

Это была моя кандидатская диссертация (Клейн 1962; 1966; 1968). Для права на защиту полагается иметь две-три статьи по избранной теме. Я решился представить диссертацию к защите, когда по этой теме у меня накопилось больше двух десятков опубликованных статей. Но диссертация проходила трудно. Много жестких предварительных обсуждений, сама защита — четыре часа. Коллеги были вежливы, ударов ниже пояса не наносили, нападали только на саму аргументацию. Никто не произнес этих слов: «десятый поход Косинны...».

Что же мне удалось доказать всем? Что здесь не одна культура, а несколько. Что все они не местные, а пришлые. Это теперь общепризнано. Что у одной, по крайней мере, есть какое-то родство с северянами и другими европейскими племенами. Что те культуры древнее наших. Что миграции бывали разными. Это всё как будто не отрицается, хотя такого дружного и активного принятия, введения в практику исследований тут уже нет. Наконец, моя конкретная реконструкция миграции (маршрут, даты и т.д.) расценивается как лишь одна из возможных гипотез. Допустимых. С трудом. Но пока она осталась единственной, объясняющей связи с севером. Возможно, появится другая, лучше, точнее, убедительнее — другой маршрут, другая дата... Помогут новые факты, новые методы.

Но если не исчезнут *старые* факты, то новые гипотезы будут вынуждены удерживать ту же основу. А старые факты в науке отменяются чрезвычайно редко. «Теоретически», «в принципе», можно, конечно, понастроить сколько угодно гипотез, развернутых в любых направлениях. Но это если нет фактов. Факты скывы-

вают. Они ограничивают полосу возможных поисков. Они выталкивают с других направлений на одно, пусть еще весьма широкое. Новые факты его сузят. Это направление, ведущее к истине.

И вот обида, выходишь на него — и устанавливаешь: задолго перед тобой по нему прошел этот проклятый Косинна! Скверно прошел. Наследил и напутал. Наставил рогаток и сетей. К полной истине не вышел, увел потом куда-то в сторону. Но прошел. И никуда от этого не денешься. Не сворачивать же на другое направление только поэтому!

Небольшое уточнение. Десятый поход Косинны достигал, собственно, лишь Днепра, дальше его распространяли уже ученики Косинны, ознакомившись с материалами этих территорий. Но и на самом Днепре есть также группа памятников (шнуровая керамика, боевые топоры), судьба которых в науке очень схожа с нашими курганами — с той лишь разницей, что защитники ее местного происхождения, хоть уже и не представляют общее мнение, еще не отказались от своих надежд вывести всё из местных корней. А ведь придется отказаться, это понимание распространяется всё шире.

Другой сюжет. Уже не бронзовый век, а железный. Первое тысячелетие нашей эры. Территория не степной, а лесостепной Украины. На обширных пространствах густо разбросаны могильники и поселения с гончарной (изготовленной на гончарном круге) посудой, свидетельствами развитого земледелия и скотоводства. На могильниках в урнах — прах и пережженные косточки кремированных покойников. Рядом — гребни, застежки-фибулы. Много римских монет. Культура эта, открытая в начале XX века и названная по одному из типичных могильников черняховской, привлекла к себе пристальное внимание археологов.

По территории она включает в себя самое ядро будущего Киевского государства. По высокому уровню развития могла бы объяснить подготовленность восточных славян к образованию государства в самом конце тысячелетия, являясь как бы передаточным звеном в эстафете культурной традиции от скифов-пахарей к историческим славянам-русичам. По облику посуды как будто напоминает славян великокняжеской поры, а что славяне до принятия христианства сжигали своих покойников, известно из летописи, да и следы есть в лексике: мы до сих пор называем останки *прахом*. Наконец, по сведениям византийских авторов, где-то на этой территории в VI-VII веках н.э. обитали анты, славянская принадлежность которых видна из их имен: Доброгаст, Межимир (Мечемир?)...

И черняховская культура была объявлена раннеславянской.

Для Косинны же и его учеников (Stampfuß 1942), да и для всех его немецких коллег было несомненно, что все такие памятники оставле-

ны ранними германцами: очень схожие «поля погребальных урн» покрывают всю Центральную Европу. Это сходство первым заметил немецкий ученый Пауль Рейнеке (кстати, критик Косинны). Что германцы побывали в те давние времена и на Украине, известно из письменных источников. В 238 г.н.э., например, туда вторглись с северо-запада готы, подчинили ряд местных племен и держались там до 375 г., когда их смело нашествие гуннов. Об этом оставил записи готский епископ VI века Иордан. Еще в XVIII веке в Крыму жили остатки этих готов, говорившие на готском языке. Латинские географические и исторические сочинения знают и другие германские племена на побережье Черного моря: герулов, бастарнов, гепидов.

Советские археологи, особенно украинские, положили много усилий на то, чтобы отстоять славянскую принадлежность черняховской культуры, «не отдать» ее готам. Полагали, что готов там было мало, а пребывание их на Украине столь кратковременно, что заметных следов от них не осталось. Отыскивали в Крыму погребения поздних готов, чтобы показать: не похожи. Исследовали сходства с культурой Киевской Руси, с одной стороны, скифов-пахарей — с другой. Более грубую достоверно славянскую культуру непосредственно предшествовавшей Киеву поры — роменскую, раз она означала регресс по сравнению с черняховской, трактовали как периферийную, захолустную. Особенно внимательно изучали хронологию: покрывает ли черняховская культура (вместе с родственной ей зарубинецкой) разрыв между скифами и историческими славянами или вписывается в тот узкий интервал, который заняли готы.

С хронологией, прямо скажем, получалось плохо. Римские монеты с черняховских мест упорно группировались именно в тех веках, которые надлежало отвести готам: III-IV. Ушли готы — и черняховской культуре конец.

Один киевский археолог сумел очень изящно объяснить это противоречие: монеты сигнализируют не продолжительность культуры, а лишь продолжительность торговли с Римской империей. Империя шла к упадку и гибели, торговля с Причерноморьем прервалась — и приток монет прекратился. Черняховская же культура продолжала жить вплоть до VII века. Вот черняховские памятники, в которых найдены очень поздние вещи: стеклянный кубок, глиняная амфора и др. Археолог выступил с блестящим докладом на конференции в Киеве (Доклады 1953).

Я, тогда недавний выпускник Университета, ввязался в этот спор случайно. Написал рецензию на сборник докладов этой конференции. Весьма скептически отнесся к отысканию предков славян среди скифского населения (я тогда специально занимался скифами), а вот о расширении хронологического диапазона черняховской культуры отозвался всего парой слов, притом с некоторой даже симпатией: оригиналь-

ность идеи мне понравилась. Рецензию отослал в московский научный журнал.

Вскоре получил оттуда извещение, что рецензия принята к печати, но редакция просит рассмотреть подробнее именно вопрос о черняховской культуре и рекомендует внимательнее рассмотреть доказательства докладчика. То есть мне был дан намек, что я недостаточно критически воспринял его выводы. Я набрал книг, проконсультировался у старших коллег и засел за проверку. Одно за другим рушились доказательства: и амфора не того века, и стеклянный кубок не того типа, и т.д. Опять остались два «готских» века для черняховской культуры. Об этом я и написал в рецензии. Рецензию напечатали (Клейн 1955). Это была моя первая печатная работа. В том же номере была напечатана большая статья пожилой ленинградской исследовательницы славянских древностей — в статье очень солидно опровергалась непрерывность развития на землях Украины в I тыс. н.э.

Вот уж не ожидал, что поднимется такой шум. В Киевском институте археологии два дня шло обсуждение этих двух статей на расширенном заседании Ученого совета, протоколы обсуждения были опубликованы. Одни участники резко против, другие — за, третьи — ни за, ни против (Максимов 1956). Еще долго появлялись отклики в печати...

С тех пор прошло много лет. Отгремел еще ряд дискуссий по черняховской культуре. Хронология ее установлена прочно — узкая, меньше двух веков. Многочисленными раскопками обнаружена настоящая культура антов VI-VII веков — корчакская или «пражского типа»: увлекшись черняховской, эту как-то не замечали. Теперь она известна — и поселения, и могильники. Керамика грубая, лепная, от руки (сделана без гончарного круга). Культура в целом менее развитая, чем роменская. От нее через роменскую к культуре Киевской Руси идет несомненный и довольно быстрый прогресс. Предки ее носителей пока неизвестны, но это никак не люди черняховской культуры: ничем нельзя было бы объяснить резкий упадок хозяйства, утрату многих технических навыков, да и формы вещей, жилищ, могил несхожие. Сторонники единой линии развития от скифов через черняховскую культуру к Киевской Руси оказались, по печатному признанию одного из них, «у разбитого корыта».

Видимо, предки славян проходили более ранние стадии своего развития где-то севернее и не успели еще тогда воспользоваться соседством с развитой римской цивилизацией — тем, чем явно воспользовались люди черняховской культуры, «черняховцы».

Кто же они? Лишь кое-кто из украинских археологов да один-два москвича долго отстаивали славянскую принадлежность черняховцев. Очень многие предполагают, что под этой культурой скрываются разные племена, однако возглавленные готами. А некоторые современные

российские археологи прямо считают готами всех черняховцев и людей родственной им культуры Молдавии и Румынии, и не только готами, вообще — германцами.

Признали. В соответствии с Косинной. Оказывается, можно признать такой факт, и из него не следуют с необходимостью никакие политические выводы. Вопреки Косинне. Но не причастность ли духа Косинны к этому факту мешала нам спокойно и объективно оценить этот факт раньше? А за черняховскими баталиями до недавних лет оставалась в тени подлинная культура ранних славян...

В самом деле, вот в каком тоне один из последних сторонников славянской принадлежности черняховской культуры писал о своих научных противниках: «Как ни странно, попытка воскресить построения германской националистической науки, отнюдь не пополненные фактическими доказательствами, встретила поддержку у ряда советских археологов». Будто из обвинительного акта. Попробуй теперь, воскреси! И далее: «Не так важно доказывать в настоящее время славянскую принадлежность памятников полей погребений (аргументов в пользу этого мнения приведено множество). Основным требованием в данный период должно явиться обращение к сторонникам миграционной теории происхождения черняховских памятников с предложением предъявить развернутые доказательства в пользу восточногерманской теории происхождения черняховской культуры». То есть нам доказывать нечего, а вот вы давайте, доказывайте! Потому что «указанная тенденциозная теория или должна быть заново доказана и подкреплена фактами, или же она не имеет права на существование» (Сыманович 1970: 83, 87). Любопытно: а если будет «подкреплена фактами», то перестанет быть тенденциозной?

Мне приятно, что именно мой ученик написал наиболее капитальные труды, в которых представлены эти факты, и создал в Эрмитаже многолетний семинар, в котором выросла целая школа исследователей, не боящихся объективно исследовать факты этого плана (Щукин 1977; 1994; Stratum plus 1999, 4).

Третий сюжет. Острый. Очень острый. Еще ближе к нашему времени. Речь идет о призвании варягов. Варягами в нашей истории принято называть тех, кого вся Европа знала как норманнов. Норманны — северные германцы. Нордические. Самые почитаемые Косинной и его последователями.

Восемьсот лет назад записал русский летописец рассказ о том, как призвали новгородцы варяжских князей Рюрика с братьями, как захватили варяги Киевский стол и положили начало династии. Варяги те были от рода Русского, «от них же и ны прозвашася» (от них и мы стали так называться). И вот уже более двухсот лет идет жаркий спор о достоверности этих строк.

Одни (их стали называть норманистами) признали сообщение летописца достоверным и

привлекли в доказательство много других фактов: два ряда названий днепровских порогов в византийской хронике Константина Багрянородного («славянские» и «русские»); значение слова «Русь» (ruossi) в старом финском языке (не славянин, а швед); сообщения арабских путешественников X века (о походах руссов к славянам) и т.д. На этом основании норманисты признали норманнов создателями восточнославянской государственности.

Другие противопоставили этому хронологические неувязки летописных подробностей «призвания», распространенность сказочного сюжета о призвании трех братьев, малочисленность скандинавских заимствований в восточнославянских языках и т.д. На этом основании они отвергли достоверность летописного сообщения и отказались признавать сколько-нибудь существенную роль норманнов в истории Восточной Европы. Этих стали называть антинорманистами.

Первые антинорманисты (от Ломоносова до Костомарова) отрицали вообще, что варяги — это норманны. Варягов они производили от западных славян — поморских и полабских — или, на худой конец, от балтов (латышей и литовцев). Археологические находки лишили эту гипотезу малейшей правдоподобности: типично скандинавские вещи и обряды IX-X веков открыты на обширном пространстве от Старой Ладogi до Киева: застежки-фибулы, шейные гривны с подвесками в виде молоточков Тора, погребения в ладье, «умерщвленные» (согнутые) мечи и т.п. А западнославянских вещей почти нет, балтские — только в северных районах, по соседству с балтскими землями. В наши дни только несколько историков всё еще отстаивают старую идею антинорманистов (впрочем, их голоса, кажется, умолкли).

Большинство антинорманистов вынуждено считаться с археологическими фактами и перешло к иной трактовке: да, варяги — это норманны; да, княжеская династия, оказавшаяся на престолах восточнославянских городов, ведет свое происхождение от них. Но, в отличие от Западной Европы, где именно норманны выступили создателями нескольких государств, у нас они лишь внедрились в почти готовое государство и почти никаких следов в нем по себе не оставили, даже имени, да и вообще их было очень мало, а культура их была не выше, а ниже восточнославянской...

Советские историки-марксисты вначале вообще отказались вести спор в этом плане.

Ведь с точки зрения марксизма народы не делятся на способные от природы к созданию культур и государств и неспособные, а государства не создаются по воле отдельных исторических личностей — государей и героев. Государства складываются на базе социально-экономического развития данного общества. Участие местных и пришлых групп населения в этом процессе может быть самым разным — в зави-

симости от конкретных исторических обстоятельств. Норманнские военные дружины, включившись в этот процесс, могли и ускорить его, выступив объединителями племен и предоставив господствующему классу готовую отделенную от народа вооруженную силу — необходимую часть государственной машины. Ничего зазорного в этом для восточных славян нет. Бывало, что и они ускоряли ход истории в каких-то областях мира. Всяко бывало.

Но тут послышались голоса Косинны и его учеников. Они становились всё громче и яростнее. Для этих всё было ясно. Конечно, норманны принесли восточным славянам и государственность, и культуру, иначе и быть не могло: ведь только норманны, эти нордические германцы, и могли создать то и другое на Востоке. Без Рюрика и его братьев славяне и по сей день прозябали бы в бескультурье, невежестве и неорганизованности. Упование на пришествие современных варягов остается и сейчас единственной перспективой для славян удержаться в числе цивилизованных народов. Для германцев же цивилизаторская и культуртрегерская миссия получает историческое обоснование: вот они, следы древних северных германцев в Восточной Европе — фибулы, погребения в ладье, согнутые мечи и т.д.

— Нет, — возразили советские археологи, — фибулы могли попасть сюда в результате торговли; мечи у самих-то норманнов не свои, а франкские; погребения в ладье, может, вовсе и не норманнские; вот разве что молоточки Тора — но их так мало... Варяги здесь если и были, то в ничтожном количестве и никакой существенной роли не сыграли, а культура их...

И спор перешел в прежнее русло: норманизм — антинорманизм. Гипотезы? Тенденциозны. Факты? Недостоверны. Признания? Вредны.

В самом деле вредны?

И в этом споре у меня была своя личная заинтересованность, своя доля участия. Тоже втянулся как-то незаметно. Обратил внимание на очень уж натянутые доводы антинорманистов, на сдвиг от позиций, казалось бы, марксистских, к старым, явно националистическим. Стал излагать свои сомнения по этому поводу в выступлениях на дискуссиях и в лекциях. Среди

идеологических заправил факультета возникли недоумения — как же так? Ведь эти самые мысли провозглашает — кто? Достаточно ли у вас аргументов, чтобы выдвигать столь ответственные (или безответственные) утверждения? Заинтересовалась молодежь.

И вот сложился в моем семинаре коллектив молодых археологов, занявшийся поначалу сбором и проверкой всех материалов по «варяжскому вопросу» (позднее задачи расширились, и этот вопрос стал лишь частью тематики семинара). Старались, чтобы сбор был полным, методика строгой и продуманной. Трудились несколько лет. В 1965 г. противники вызвали нас на публичную дискуссию, которая собрала неожиданно большую аудиторию и прозвучала громко. В дискуссии удалось отстоять свою позицию и, по крайней мере, право на существование в советской науке (Клейн и др. 1970; Клейн 1999).

Но может быть, наша работа неуместна, ненужна, вредна? Может быть, признавая «неприятные» факты, мы льем воду на мельницу врагов нашей страны? Может быть, «как ни странно», мы делаем «попытки воскресить» и т.д.? Может быть, мы забыли, что именно Косинна и его ученики утверждали, что... и т.д.?

Тогда для нас особенно опасными были обвинения в противоречии марксизму. Но мы ссылались на классиков марксизма. А вот Энгельс (1964: 366) писал дочери Маркса Лауре: «говорить: *белое*, только потому что мой противник говорит: *черное* — значит просто подчиняться закону своего противника, а это ребяческая политика». А вот Ленин (1961: 49) писал о философах и историках прошлого, что они «науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды». А Маркс и вовсе был, по нынешним оценкам, норманистом...

Нет, мы не собираемся «воскрешать» Косинну. Мы не воспылали к нему любовью, раз в Западной Германии от него отреклись, а в Англии и США игнорируют. Но мы и не будем говорить «белое» обо всем, что Косинна называл «черным». И мы не будем отвергать то, в чем он продвинул науку вперед «несмотря на свои реакционные взгляды» — если продвинул. Мы хотим разобраться.

2. Наш ярлычок косиннизма (Историографическое введение)

Нет археолога, сочинения которого выдержали бы столько изданий, сколько книги Косинны. Полвека вся европейская археология ожесточенно спорила, прав он или не прав. Но в объемистой историографической книге Даниеля, озаглавленной «Сто лет археологии», имя Косинны упоминается лишь однажды, в случайном контексте, и не вынесено в указатель (где есть, однако генерал Рой и мисс Эдвардс), а его учению не уделено ни строчки (Daniel 1950: 241). Молчание — не всегда знак согласия, чаще

— разновидность критики. Но не лучшая разновидность, особенно для историографа. Неужто Косинна был настолько непримечательной фигурой в истории науки? Можем ли мы, положив руку на сердце, сказать, что от его вклада не осталось ничего в современной археологии? Или все дело в том, что Косинна был малопривлекательной личностью, что с его именем связаны мрачные страницы истории немецкой науки и хочется поскорее о них забыть? Но историк не вправе забывать и вычеркивать. На то и исто-

рия науки, чтобы извлекать из нее уроки. А для этого необходимо штудировать все страницы — трагические и веселые, скучные и увлекательные, удручающие и патетические. Анализировать, рассматривать в перспективе времени, оценивать, различать.

В декабре 1931 г. умер Косинна, не дожив всего полутора лет до воцарения нацизма в Германии. Косинна стал предтечей и основоположником гитлеровской археологии, и его учение вошло в идеологический арсенал национал-социализма. Естественно, что крах нацистского государства и падение его идеологии означали дискредитацию учения Косинны, — пожалуй, особенно в Германии. «Вторая мировая война, — пишет Прейдель, — не только передвинула политические границы, она также устранила некоторые духовные ограничения, которые до сих пор сужали наш кругозор, она отрезвила и очистила всю атмосферу. Полюбившаяся и ставшая родною картина мира зашаталась, мы утратили всякую твердую основу и вдруг узнали, как непрочен и далек от действительности был наш мир идей, в котором мы до того жили» (Preidel 1954: 7). Этот мир для немецкой археологии был в значительной мере миром Косинны. «Разве верит сегодня еще хоть кто-нибудь, — воскликнул сразу после войны (1946) Якоб-Фризен, — в его «доббертинцев», в его 14 индогерманских походов или в его расово-психологический закон...?» (Jacob-Friesen 1951: 3). Конечно, бывает, что промелькнет и в наши дни в литературе писанина какого-нибудь лондонца Роджера Пирсона о культуртрегерских завоеваниях нордической расы (Pearson 1966), но все понимают, что это не более, чем редкостный патологический казус, курьезный анахронизм, стоящий вне науки.

У Косинны никогда не было недостатка в противниках и критиках, но теперь критиковать Косинну стали все. Вернер выступил даже (против Отто) в защиту приоритета западнонемецких археологов перед восточнонемецкими в критике Косинны, ссылаясь на работу Вале 1941 г. (Werner 1954). Российские археологи могли бы включиться в этот спор, напомнив о статьях 30-х гг. Равдоникаса и др. В свою очередь, поляки могли бы потребовать пальму первенства для Костшевского, выступавшего с критикой Косинны еще раньше. На это немцы могли бы возразить, что Костшевский критиковал Косинну методами, которыми он выучился у самого Косинны, а вот гораздо раньше с Косинной начал войну Шухардт. Ну, относительно Шухардта советские археологи уже давно определили, что он, несмотря на свою академичность и все нелады с Косинной, занимал позиции, очень близкие Косинновским. Не лучше ли уже припомнить старых немецких и австрийских археологов и историков, Гёрнеса, Шрадера, Эд. Мейера, Рейнеке, критиковавших Косинну еще в самом начале века? И не окажутся ли тогда первыми в скептическом отношении к Косинне те, кто пер-

выми применил к нему фигуру умолчания скажем, Мух, Мерхард? Но в таком случае спор, начатый Вернером, мог бы решить разве что господь бог, потому что ему одному ведомо, кто, когда и о чем молчал.

Да и не столь важно, кто первый сказал (или промолчал) «а». Важнее другое: сколь различны были сами критики и как они по-разному и за разное критиковали Косинну? Но ведь это и в наши дни так. А кто и за что сейчас критикует Косинну? Странное дело, до чего различны современные критики в своем подходе к учению Косинны, в своем понимании сути этого учения, в определении его социально-исторических корней, места и значения в истории науки!

В Советском Союзе долго было принято отождествлять с учением Косинны миграционизм вообще (напр., Брайчевский 1968: 11; Монгайт 1952: 17), а так как миграционизму на практике относили любое признание значительной роли миграций (особенно в расселении индоевропейцев), а нередко и любую констатацию конкретного переселения, то рамки школы Косинны в представлении советских археологов непомерно раздвигались и в его сторонники попадали не только такие люди, как Шухардт (это бы еще было не столь парадоксально), но и такие, как Чайлд (Богаевский 1931). В Германии же Косинну было принято именовать не миграционистом, а наоборот — автохтонистом, поскольку он отстаивал автохтонность германцев на Севере Европы, откуда и расходились все его миграции. Миграционистами же оказывались лишь те, кто отстаивал противоположные направления древних переселений. Рамки школы Косинны чрезвычайно сужались, и даже его ученик Костшевский, несмотря на преемственность в методике, уже выпадал из охвата.

В недавние годы Брюсов усмотрел в работах Хойслера признание дальних миграций народа шнуrowой керамики на восток и расценил это как наследие Косинны (Брюсов 1965: 47-49). Хойслер, который, кстати, вообще скептически относится к констатациям дальних переселений, конечно, отверг это обвинение. Более того, намекая, видимо, на гипотезу самого Брюсова о движении катакомбной культуры в Центральную Европу (а всего-то там есть только аналогичные боевые топоры да одна молоточковидная булавка), Хойслер мягко заметил: «Я думаю, что не меня следует упрекать в миграционистских построениях Косинновского размаха» (Гейслер [Häusler] 1966: 323). Здесь критерием уподобления Косинне стало уже не направление миграций, а размах построений в сопоставлении с незначительностью и узостью фактологической базы. В устных дискуссиях автору этих строк тоже доводилось встречаться с подобными намеками — в связи с его гипотезой о ютландском происхождении одного из составных компонентов донецкой катакомбной культуры (Клейн 1962; Klejn 1966; 1969) — в этом случае и направление миграции пошло бы в счет!

По иному пониманию, идущему от Вале, краеугольным камнем здания Косинны и истоком всех бед было отождествление археологической культуры с этносом. Польский археолог Мошинский именно это отождествление принял за основу «косиннизма» и, пользуясь этим критерием, отнес всех советских археологов к последователям Косинны, сделав единственное исключение для автора этих строк (Moszynski 1957: 10-12). (Впоследствии он уже не мог бы провести столь всеобъемлющее обобщение: многие советские археологи поставили под вопрос уравнение «культура — этнос». — см. Монгайт 1967).

Расплывчатость представлений о содержании косиннизма была одной из причин, по которым советские археологи поначалу не замечали важных изменений в теоретических взглядах последователя западнонемецкой науки. Монгайт (1952: 17) оценивал господствующую ситуацию еще в 1952 г. следующим образом: «Реакционные идеи Косинны возведены в идеал, к которому наука должна стремиться. Миграционизм в его наихудшей форме, националистические, расистские идеи культивируются австрийскими и западнонемецкими археологами особенно усердно». В 1963 г. Монгайт (1963: 46-47) должен был уже признать: «Косинна умер уже 30 лет назад, и уже почти не осталось его учеников и последователей...». Он, однако, добавляет: «От нордического мифа ничего не осталось, но реакционные шовинистические идеи продолжают жить в буржуазной науке, и борьба против них остается важнейшей задачей советских исследований». Через еще 4 года Монгайт подробно и сочувственно изложил взгляды западнонемецких критиков Косинны, противопоставив их косинновскому отождествлению культуры с этносом, признанному многими советскими археологами. Имея в виду презрительную оценку вклада Косинны Вернером (Werner 1954), Монгайт возражает: «... сколько бы ни говорилось, что учение Косинны — «детская комната археологии» (Й. Вернер) и что мы его давно преодолели, надо сказать, что его концепции лежат в основе многих построений современных археологов». Скоро стало ясно, что и собственная дефиниция культуры Монгайта все эти годы раз-

вивалась в русле Косинновского картографического восприятия культур (Клейн 1970: 40).

В. Хенсель (Hensel 1971: 465-491) в своем историографическом обзоре «Археология обитания и ее предшественники» показал, что учение Косинны нередко отождествляется с этнической идентификацией культур вообще и что либо из правомерности этой постановки вопроса выводят правомерность догм Косинны, либо из дискредитации учения Косинны легко делают шаг к отвержению самой постановки этого вопроса.

Так нечеткость историографических представлений порождает забавную путаницу в методологических оценках современных исследователей, ведет к смещению позиций. Западнонемецкий археолог Гахман оценивает ситуацию совсем иначе, чем его цитированные выше коллеги: «мышление Косинны, — утверждает он, — действует в германистике до сего дня» (Nachmann 1970: 181). Констатируя у самого Вале и других критиков Косинны повторение важных особенностей Косинновского подхода к исследованию, Гахман находит в этом даже нечто вроде оправдания для Косинны: «было бы неверно также стремиться подчеркивать недостатки Косинны, которые он нашел готовыми и попросту перенял в мышлении своего времени — времени, в котором он вырос как ученый. Как тяжело ему, должно быть, было найти истинную дорогу, видно хотя бы из того, что его «ошибки» до сего дня едва ли верно опознаны» (Nachmann, Kossack und Kuhn 1962: 23-24). «Во всяком случае, — отметил Гахман в другом месте, — не каждый критик сознавал, что он работает в основе тем же методом, что и Косинна» (Nachmann, Kossack und Kuhn 1962: 13).

Не пора ли разобраться более основательно в том, что же, собственно, такое «косиннизм», «археология обитания»?

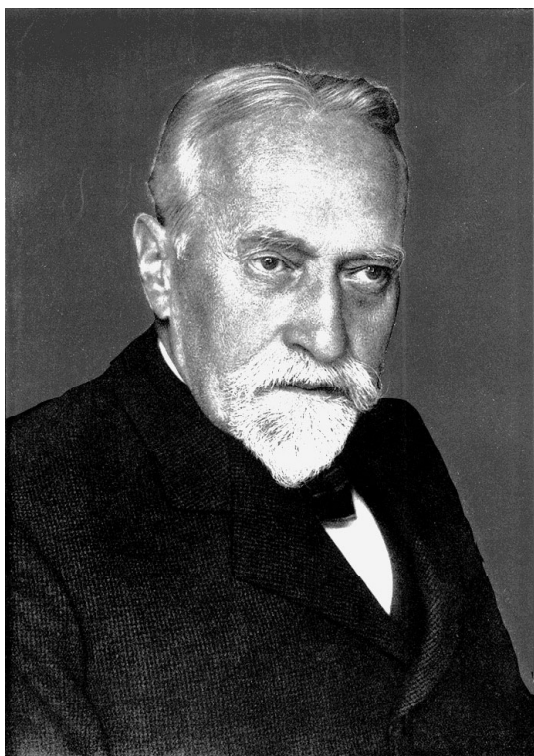
Для лучшего понимания логической связи всех основных положений в косинновском учении и для выяснения исторической основы и социальных корней этого учения есть смысл проследить по этапам, как и в каких условиях это учение создавалось. Небезынтересна в этом плане и личность основоположника.

Часть вторая. Становление концепции

1. У истоков «доисторической этнологии»

Кроме трудов самого Косинны, мы располагаем несколькими обобщающими работами о его жизни, деятельности и учении — это биографическая сводка Г. Гане (Hahne 1922), апологетическая биография пера Р. Штампфуса (Stampfuß 1935) и ряд разделов в замечательной книжке Г.-Ю. Эггера «Введение в доисторию» (Eggers 1959), которой надежнее всего следовать в изложении канвы биографических фактов.

Густав Косинна (Gustaf Kossinna) родился в 1858 г. в Тильзите (позже Советск, б. Восточная Пруссия) в семье учителя гимназии. По обычаям того времени Густав переменял ряд университетов — учился в Гёттингене, Лейпциге, Берлине и Штрассбурге, слушал лекции по классической и германской филологии, истории и географии. Особенно увлекли его в Берлине лекции К. Мюллengoфа, а в Штрассбурге Р. Геннинга по германскому и индоевропейскому языко-

Г. Косинна.

знанию — проблема «индо-германской» прародины захватила его воображение. Диссертацию Косинна защитил в Штрассбурге в 1881 г. на чисто лингвистическую тему: «Древнейшие верхнефранкские письменные памятники».

Затем молодому филологу пришлось зарабатывать на жизнь сначала в Граце, потом в Бонне, а с 1892 г. — в Берлине службой в библиотеке, которая стала его основной профессией.

Увлекаясь письменными древностями германцев, памятниками их языка и духовной культуры, Косинна, конечно, должен был ознакомиться и с памятниками их материальной культуры. С середины 80-х годов он штудирует археологическую литературу, начав с работ Тишлера по археологии Восточной Пруссии — вероятно, потому, что сам Косинна оттуда родом. Проведенное Тишлером разделение древней Восточной Пруссии на несколько культурных областей и, главное, попытки Тишлера (Tischler 1886-90) объяснить это разделение племенными различиями произвели на Косинну огромное впечатление. Он сразу безоглядно поверил в правильность такого объяснения. И стал соображать: значит, в археологическом материале могут отразиться и границы расселения древнегерманских племен — предмет длительных споров историков: ведь указания древних писателей очень скупы и часто противоречивы, а здесь всё так точно! Конечно, своеобразие тех или иных групп памятников и даже возможности их соотнесения с теми или иными древними народами отмечались и другими археологами,

но ни у кого Косинна не встречал такого упора на районирование, такого четкого проведения границ!

Впоследствии в работах Косинны не раз упоминается с явно преувеличенной оценкой «самый выдающийся из всех немецких преисториков прошлого века ... отличный ученый Отто Тишлер» (Kossinna 1941: 154).

Интерес к первобытному прошлому, к археологии привел Косинну в Берлинское антропологическое общество, основанное еще в 1869 г. Вирховом и Бастианом. Его учитель Геннинг был зятем Вирхова.

Около трех десятков лет Вирхов стоял во главе германской первобытной археологии. Этот медик, политик и этнолог сделал и сам ряд важных археологических открытий, в частности он определил «городищенскую» керамику как славянскую, оставляя предшествующие этой культуре поля погребений раннего железного века за германцами. В более глубокой древности, в бронзовом веке, он обнаружил культуру «урн с выпуклинами» (Buckelurnen), названную впоследствии лужицкой, и воздержался от ее этнического определения. Созданное им общество издавало «Журнал по этнологии» (Zeitschrift für Ethnologie), «Доклады» (Verhandlungen) и «Сообщения о немецких археологических находках» (Nachrichten über deutsche Altertumsfunde).

В обществе царило горячее увлечение первобытностью и ощущалась конкурентная неприязнь к античной, классической археологии — старшей и более зажиточной сопернице. Об одном из археологических конгрессов Вирхов сказал: «Тут появились мы, презренные антропологи, в известной мере как пролазы на паркет классической археологии» (Virchow in Korrespondenzblatt 1886: 72). Директор Майнцского музея Л. Линденшмидт (в свое время главный противник системы «трех веков» Томсена) иронически называл классических археологов «олимпийцами» (Gummel 1938: 205-206).

После его смерти разгорелась борьба за руководство этим музеем между античниками и первобытниками. Вирхов, выступая в Берлинском антропологическом обществе, докладывал об этом в таких словах: «...Наше дело казалось почти безнадежным, так как новички нашли энергичную поддержку в администрации германского государства. Кризис наступил, когда исследование лимеса представило как людей, так и находки, и когда эти люди с решимостью повели к тому, чтобы оккупировать дотоле независимый музей для своих целей...» (Virchow 1900: 579). Дело закончилось компромиссом — стороны сошлись на кандидатуре Шумахера. Такова была атмосфера в антропологическом обществе Вирхова.

Косинна прилежно посещал ежемесячные заседания этого общества в Музее этнографии, где другом Вирхова (также медиком) А. Фоссом

была собрана единственная в Германии коллекция по археологии всей Европы. С заседаний Косинна обычно возвращался вместе с Альфредом Гётце, который жил неподалеку от него. Это сблизило их.

Гётце был вторым немцем, получившим профессиональную подготовку именно по первобытной археологии (первым был Бушан): он учился в Галле у Клопфлейша — одного из нескольких профессоров, читавших тогда первобытную археологию, и защитил в 1890 г. диссертацию по первобытной же археологии. Когда в Трое понадобился специалист по первобытным древностям, Вирхов рекомендовал туда А. Гётце. В эту кампанию раскопок, проведенную уже после смерти Шлимана, именно Гётце и опознал в VII городе Трои черепки лужицкой керамики. Он обнаружил их также во многих музеях Подунавья. Ввиду того, что у Геродота фракийцы самый большой народ после индов, Гётце определил лужицкую культуру как фракийскую, тогда как большинство считало ее германской.

Гётце не любил писать (его диссертация — это тоненькая книжечка, хотя в ней аккумулирован огромный труд). Но он охотно делился мыслями с коллегами. И мысли Гётце были выражены на бумаге — но в работах Косинны. «Гётце, — пишет Эггерс, — сам так и не собрался опубликовать свое “троянское открытие”, иначе он и был бы сегодня открывателем “великого переселения” народа “полей погребальных урн”» (Eggers 1959: 207).

Но если лужицкая культура Центральной Европы — не германская, то где же в бронзовом веке жили предки германцев железного века? Косинну интересовали прежде всего именно германцы. Ответ он должен был увидеть в первых же новаторских исследованиях шведского археолога Монтелиуса, которые, конечно, не могли пройти мимо внимания членов Берлинского антропологического общества. К концу 80-х годов Монтелиус уже разработал типологический метод, применил его к бронзовому

веку Северной Европы и продвигал в неолит. В работе 1884 г. (немецкий перевод — 1888) он высказался в том смысле, что по смене археологических культур можно устанавливать вторжения древних племен, а проследив с помощью типологического метода непрерывное развитие в культуре Дании, Швеции и Норвегии в глубь веков — от древних германцев через бронзовый век вплоть до неолита, мы вправе заключить, что германцы жили здесь уже в неолите. «Культурная преемственность свидетельствует о постоянстве населения» (Montelius 1888: 151-160).

Но Монтелиус бросил эту идею мимоходом. Типологический метод был для него в основном средством установления относительной хронологии (по крайней мере декларативно), а как способ выявления генетических связей культур разных эпох — не интересовал. Что германцы жили здесь уже в неолите, было любопытно, и только. Какие точно земли они занимали, где проходили границы расселения — опять же ему было безразлично.

Иное дело Косинна — именно территорию, именно границы он жаждал узнать. Уже в исследованиях его немецких коллег и предшественников — Вирхова, Гётце, Тишлера — всплывал вопрос о территориях культур как этнических областях народов, о которых сообщают древние авторы. Косинна же поставил его во главу угла. Идея Монтелиуса послужила путеводной нитью для заполнения еще более древних культурных ареалов этническим содержанием.

Так были подготовлены основы метода Косинны — «археологии обитания». Ее разрозненные элементы уже существовали у его предшественников: обнаружение отдельных культур, занимающих определенные территории; этническое определение их; объяснение сходств дальними переселениями, а различий — вторжениями; прослеживание генетических связей по археологическим остаткам; автохтонность германцев в Северной Европе; филиппики против античной археологии...

2. Начало «археологии обитания»

Ежегодно немецкие исследователи первобытного общества съезжались на свое общее собрание — каждый раз в ином городе. В 1895 г. очередным местом съезда стал Кассель. Там 37-летний библиотекарь Косинна выступил с докладом на тему: «Доисторическое распространение германцев в Германии» (Kossinna 1896). Это был знаменитый «Кассельский доклад» Косинны — первое применение нового метода, важность которого сам автор отнюдь не склонен был недооценивать.

На заре истории, утверждал Косинна, мы везде, где письменные источники указывают германцев, застаем своеобразные погребения и вещи. Это позволяет провести границы ран-

негерманской территории гораздо более точно, чем по указаниям письменных источников. Карт, которые могли бы подтвердить это утверждение, докладчик не предъявил, но заявил, что всегда готов это сделать. По аналогии он распространил это утверждение и на доисторические времена — и тогда «культурные области» должны были означать территории народов.

Каких народов? Следуя указанию Монтелиуса, Косинна проследил по археологическим материалам на Севере Германии и в Южной Скандинавии преемственность между культурой достоверных, засвидетельствованных классическими авторами, германцев раннежелезного века и предшествующей культурой бронзового

века, для которой письменных источников нет, и перенес на эту более древнюю культуру название германцев. Тем самым он указал территорию, обитаемую германцами в бронзовом веке, и провозгласил глубокую древность германцев в Северной Европе — удревнил их проживание там на полтысячи или даже на тысячу лет. Был им выдвинут и тезис о том, что волны распространения культуры с юга на север объясняются передачей элементов культуры, а направленные с севера на юг — переселением народа.

Дальше этого он тогда не пошел (о чем вскоре пожалел).

Косинна был твердо убежден, что своим кассельским докладом не только превратился в археолога высокой квалификации, но и совершил переворот в археологической науке. Исходя из этого, он сразу же стал тяготиться своим местом библиотекаря и подумывать о должности профессора, но в Берлинском университете этот пост был занят Вирховом.

Между тем претендент не имел профессионального археологического образования, не участвовал в раскопках и не обрабатывал музейных коллекций. Доклад, правда, заинтересовал специалистов свежестью постановки проблемы, открытием нового направления исследований, любопытными предложениями, но никого не убедил, да и не мог убедить: он не содержал доказательств. Одни ученые ограничились вежливыми, но сдержанными похвалами (как А.Гётце, П. Рейнеке), другие, скептически настроенные, пока вообще не отзывались, и немногие, которым доклад импонировал, выражали свой энтузиазм с оговорками. Так, националистически мыслящий профессор Зиглин писал в те годы: «Косинна сейчас бесспорно самый значительный исследователь в области германской первобытной истории, которого мы имеем... Он соединил в себе такое сочетание знаний, как никто кроме него; он понимает ход развития германских древностей, как никто иной. Если бы Косинна был вдруг отнят от науки до того, как он опубликует свои исследования, это означало бы потерю для нас, которую в обозримом времени нельзя было бы восполнить. После смерти Мюллленгофа наука о германских древностях попала в нечто вроде застоя... Из этого застоя нас мог бы вывести только своеобразный талант Косинны, если он опубликует результаты своих исследований в сводном труде» (Sieglin, цит. по Eggert 1959: 215).

В 1901 г. появилась книга известного австрийского археолога М. Муха «Родина индогерманцев в свете первобытной археологии» (Musch 1901). Мух применял совершенно иной метод, чем Косинна, а именно — поиски прямых соответствий в археологическом материале облику или, точнее, лингвистической характеристике индоевропейского пранарода. Пользуясь этим методом, Мух пришел к выводу о том, что на

севере Европы располагалась общая индоевропейская прародина, т. е. не только древний очаг германцев, но и колыбель всех «индогерманцев». Косинна же до этого не додумался — в Кассельском докладе прародина «индогерманцев» помещалась на Среднем и Нижнем Дунае.

Теперь Косинну осенило, что корни германцев на Севере Европы можно и нужно было прощупать и глубже рубежа неолита и бронзового века; что если германцы там испокон веков сидели, то, значит, — и тогда, когда еще не выделились из индогерманского пранарода и, стало быть, там жил и этот пранарод, а уж оттуда шло расселение его потомков по Европе; что принцип расселения с севера надо было распространить и на праиндогерманскую эпоху... Не сделал этого. Оставалось кусать себе локти.

Но не таков Косинна, чтобы уступить за здорово живешь приоритет в деле, которое должно остаться его исторической миссией и в котором если даже другой опередил его, то лишь по недоразумению, каковое немедленно должно быть исправлено. Он тотчас разразился громовой статьей «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный», в которой обрушился на Муха с обвинениями чуть ли не в плагиате. «М.Мух в своей новой книге ... ныне полностью взобрался на мои плечи и опознанную мною прародину германцев объяснил одновременно как родину индогерманцев, соответственно моему давнему убеждению, что эти обе области первоначально совпадали. Но он умудрился во всей своей книге намертво умолчать мой столь знаменитый в свое время доклад и вообще мое имя» (Kossinna 1902: 163). А между тем, в своем «знаменитом» докладе Косинна ведь помещал прародину на Дунае, к тому же Мух работал совершенно иным методом!

Мух выводил из языкознания характеристики пранарода и затем искал археологические пути от исторически достоверных индоевропейцев к культуре этого района. Косинна же заявлял: «Все снова я прихожу к выводу: сначала археология, потом языкознание. Там, где археология еще совсем молчит или мы не понимаем еще ее языка и не можем объяснить, исследованию лучше бы потерпеть» (Kossinna 1902: 185).

Надо отдать должное самообладанию и эпическому спокойствию Муха: уже в 1904 г. он выпустил второе издание своей книги, в котором снова ни о Косинне, ни о его методе и претензиях нет ни малейшего упоминания. Мы же вправе видеть в Мухе еще одного из предшественников Косинны, поскольку от Муха заимствовано и включено в концепцию одно из важных ее положений. Чтобы оправдать свои претензии на лидерство, Косинна постарался в этой статье задним числом придти к упущенному результату уже своим методом — реализовать идею расселения из Северной Европы в связях археоло-

гических культур, но эти его поспешные попытки оказались очень общими, декларативными и голословными.

В обеих работах — в Кассельском докладе 1895 г. и, так сказать, «поправочной» статье 1902 г. — ни новые методические принципы, ни конкретные археологические выводы не были обоснованы и детализированы. Они были провозглашены в общей и крайне категоричной форме, так сказать, *ex cathedra*.

Впрочем, кафедра (*cathedra*, *Lehrstuhl*) была пока лишь воображаемой и желанной. Но после выхода названной статьи, в том же году появилась и реальная кафедра: умер Вирхов, и, как это ни странно, Косинна действительно получил пост профессора археологии в самом влиятельном среди тогдашних университетов Германии — Берлинском. Сорокачетырёхлетний библиотечарь отнюдь не воспринял это как нечаянный дар судьбы. Наоборот, его душило негодование: почему так поздно и почему в такой унижительной форме (он был назначен экстраординарным, т. е. внештатным профессором — это означало: жить на пенсию библиотечаря). И всё же налицо был важный успех: дело было не только в официальном признании и в укреплении авторитета, но и в том, что высвободилось время для более детальных исследований и появилась возможность формировать по-своему научную молодежь. Косинна не преминул воспользоваться тем и другим.

В 1905 г. появилась его большая статья, которой, по мнению Эггера, суждено было остаться лучшей из работ Косинны, — «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев» (Kossinna 1905). В этой статье Косинна на конкретном примере детально реализовал свое этническое объяснение археологических «культурных провинций». Установленную лингвистами и совершенно неизвестную античным авторам дуальную классификацию германских племен (разделение их по

диалектным особенностям на восточных и западных) Косинна усмотрел на археологической карте памятников I тыс. до н.э., продемонстрировав тем самым превосходство в данном вопросе археологических источников над письменными. Он увидел это деление в размещении наконечников копий, фибул и глиняных сосудов, т. е. старался учесть разнообразные части культурного комплекса. Но этой комплексностью характеризовался лишь **подход** к данной работе. **Выход** же из нее, т. е. полученный результат, как его понял Косинна, оказался противоположным, что отражено в названии статьи: и один элемент, одна категория вещей, может послужить опознавательным признаком этноса.

Эггерс отметил, что из этой работы Косинны выросли как ее продолжение и развитие первые крупные работы трех лучших учеников Косинны — Эриха Блюме, Мартина Яна и Юзефа Костшевского (Blume 1912; Jahn 1916; Kostrzewski 1918). Можно лишь добавить, что в их работах нашла развитие лучшая сторона этого исследования Косинны — его комплексный подход к культуре, тогда как сам Косинна в своих дальнейших работах продолжил разрабатывать худшую сторону — ему впоследствии весьма пригодилась завоеванная тогда свобода спекуляций отдельными категориями вещей как опознавательными признаками народов.

Окруженный покорными учениками и вдохновленный их восторженным и юношески некритическим восприятием новизны его идей, Косинна быстро утратил последнюю возможность выслушивать критику со стороны коллег. Раздражаясь и приходя в ярость от малейшего возражения, он всё больше проникался мыслью о необходимости захвата ключевых позиций в археологической науке, чтобы беспрепятственно внедрять свои идеи и направить всё исследование в новое русло. Здесь на его пути встала другая крупная фигура германской археологии его времени — Карл Шухардт.

3. Противостояние и борьба за господство

На год младше Косинны, уроженец Ганновера, Шухардт изучал классическую филологию и археологию в Лейпциге и Гейдельберге, диссертацию защитил по классической филологии, а затем, поступив домашним учителем в семью румынского князя Бибеску, использовал пребывание в Румынии для изучения валов Траяна. Отчет молодого учителя заинтересовал знаменитого историка Т. Моммзена, который предложил Шухардту стипендию для путешествия по археологическим памятникам античного мира.

В 1886 г., т. е. в то самое время, когда Косинна взялся за штудирование классической литературы, Шухардт принял участие в раскопках Пергама. Когда в том же году Шлиман решил поручить составление сводного труда о своих раскопках квалифицированному «способ-

ному археологу», специалисту по первобытной археологии, Вирхов рекомендовал ему для этой работы молодого Шухардта, который весьма успешно справился с этой задачей — в 1889 г. вышла его книга «Шлимановы раскопки в Трое, Тиринфе, Микенах, Орхомене, Итаке в свете сегодняшней науки» (Schuchhardt 1889).

Затем Шухардт возглавил музей в Ганновере и объединил в одну организацию все музеи Северо-Западной Германии, обильно публиковал памятники, явился инициатором создания в 1906 г. на месте Limeskommission знаменитой Римско-Германской Комиссии, действующей и поныне. С участием Шухардта в исследовании римских укреплений были открыты пятна ямок от столбов, по которым археологи стали реконструировать деревянные конструкции. Ко вре-

мени смерти Фосса, директора Берлинского музея (1906 г.), за плечами Шухардта было 20 лет раскопок, музейной работы и публикационной деятельности. Немудрено, что именно Шухардт и был назначен в 1908 г. директором археологического Берлинского музея (точнее, археологического отдела «Берлинских музеев»).

Как был поражен Косинна! Он считал себя единственным законным претендентом на этот пост (собираясь совмещать его с преподаванием в Университете), так как Шухардт в его глазах — не специалист, пусть занимается своей античной археологией, а первобытные древности — не его дело!

Тем временем Шухардт начал раскопки первобытного городища Рёмершанце близ Потсдама и перенес в практику первобытной археологии анализ столбовых конструкций. Раскопки Шухардта шли поблизости от резиденции кайзера, и тот часто посещал их, любовался ямками от столбов. Августейшую особу очень позабавили слова Шухардта о том, что «нет ничего более долговечного, чем простая дыра» («nichts ist mehr dauerhaftes als ein ordentliches Loch»), хотя шуточка была нечаянно злой: всего несколько лет оставалось до краха империи Вильгельма II.

Побывал там и Косинна. Шухардт впоследствии вспоминал об этом так: «И на Рёмершанце потом меня посетил Косинна. Они тут, конечно, со своим учеником Блюме, которого он привез с собой, беседовали, собственно, исключительно о различных сортах черепков; с деревянными конструкциями в валу и очертаниями ворот покончили мимолетным взглядом. Я уже тогда видел: наблюдения в поле — не дело Косинны» (Schuchhardt 1909).

Всё же, когда Шухардт в 1909 г. вместо упраздненных «Сообщений» основал «Преисторический журнал» («Prähistorische Zeitschrift»), он вначале имел в виду редактировать журнал вместе с Косинной: видимо, особых идейных разногласий с Косинной у него не было. Но этому воспротивились коллеги: нетерпимость, неуживчивость и бесцеремонность Косинны успели уже приобрести общую известность. Косинна был взбешен: его опять обошли! Он демонстративно вышел из Берлинского антропологического общества и основал собственную организацию — Немецкое общество доистории (Deutsche Gesellschaft für Vorgeschichte), а на членские взносы стал с того же года издавать свой журнал «Маннус» («Mannus» — для названия взято имя одного из героев древнегерманской мифологии) и серию приложений к нему («Mannus-Bibliothek»). Девизом для общества были избраны слова Косинны: «Подсадим-ка первобытную археологию в седло, а уж поедет она сама!» («Setzen wir die Vorgeschichte in den Sattel, reiten wird sie schon können!»).

В числе основателей журнала был и еврей — известный историк-индогерманист Зигмунд

Фейст. Вскоре он ушел или от него избавились, во всяком случае, поместили статью против его работ (он отвергал идею трактовки германцев как оставшихся на месте индогерманского очага, отвергал и особую чистоту наследия у них).

На обложке и титульном листе «Маннуса» была помещена виньетка с плохонькой и неясной прорисовкой бюста юноши. Выбор этого изображения Косинна мотивирует так: Маннус — мифологический родоначальник северных индогерманцев. «Их тип, однако, в наибольшей чистоте сохранился у германцев. Поэтому напрашивалось само собой избрать в качестве изображения нашего Маннуса для титульной виньетки одно из прекраснейших и красноречивейших воплощений этого типа — хранящийся в Берлинском музее бюст германца, блещущего самым расцветом юности — прежде он шел под именем императора Викторина» (Kossinna in Mannus-Probeheft 1909).

Уже во втором томе «Маннуса» Косинна поместил большую статью некоего Ф. Кноке «Карл Шухардт как римско-германский исследователь». Статья должна была, по словам Косинны (в редакционном примечании) охарактеризовать «научно-моральную индивидуальность Шухардта» или, как выразился сам автор, «вывести деятельность этого человека на свет божий». Кноке старался подробно доказать, что вся научная биография Шухардта, все его раскопки и публикации — это сплошная серия ошибок и провалов и что даже в классической археологии он всего лишь нахальный дилетант, не говоря уж о первобытной (Кноке 1910).

Печатаемая в своем журнале отчеты о Потсдамских раскопках, Шухардт определил городище с его лужицкой культурой как германское, основываясь на своем понимании Тацита (Schuchhardt 1909). То есть посмел уклониться от косинновской диспозиции, по которой германцам надлежало жить в Северной Германии! Косинна немедленно ответил в своем журнале:

«Здесь он ссылается на своего друга Тацита, который ему сообщил, что в его время «в Лунице» (так говорит Шухардт) сидели семноны и что они были очень древним народом; следовательно, заключает Шухардт, с очень древних пор, т. е. уже во времена лужицкой культуры эпохи бронзы должны были сидеть там.

Так вот я ему отвечаю: мои ученики знают это лучше. Они знакомы также с их Тацитом, с которым они регулярно беседовали целый зимний семестр, и им он сделал совсем иные сообщения. Они в частности указали ему сначала на статью Косинны об «орнаментированных железных наконечниках копий», где показано, что...» и т.д. (что семноны во времена Тацита жили гораздо севернее).

«... Когда Тацит услышал это мнение моих учеников, то он сказал: Мне было очень интересно услышать это. Но это вообще не отличается от того, что я слышал в Риме... Если, одна-

ко, вы знаете настолько больше, чем господин Шухардт, то почему же он не спросит сначала у вас, прежде чем печатать такие сказки о моих взглядах и о моей «Германии»? И почему бы ему не поработать пару семестров в вашем семинаре вместе с вами, прежде чем публично обсуждать эти вопросы?

На это мои ученики не могли дать Тациту вразумительного ответа. И я, — заключает Косинна, — тоже не могу» (Kossinna 1911b: 325 — 326).

Чувство юмора и вкус Косинне явно не были даны. Шухардт же впоследствии вспоминал, что ему доставило огромное удовольствие читать эти строки (Eggers 1959: 227-229). Но он не поспешил в семинар Косинны изучать Тацита.

Между тем Косинна решил, что пришло время разделиться и с другими корифеями, посмеившимися усомниться в благотворности нового метода и достоверности его результатов. Со скептическими отзывами теперь уже успели выступить маститые ученые.

Глава школы историков древнего мира Эдуард Мейер высказался до обидного пренебрежительно: «С такими аргументами, которые приводятся в пользу длительного заселения берегов Балтики индогерманцами, — заявил он, — можно доказать преемственность населения почти для каждой страны на свете», и в частности назвал Грецию (Meier 1907, II: 673; также 1899 II: 55, 673, 735, 752, 787, 800). Авторитетнейший австрийский археолог Мориц Гёрнес написал, что готов был бы принять «эту упрощенную идентификацию доисторических горшков с историческими племенами за шутку, ... пародию, если бы не святая серьезность автора» (Hoernes 1903: 141; см. также 1905: 233). Наконец, известный лингвист и историк культуры Отто Шрадер, автор капитальных трудов по индоевропейской проблеме, призывает «полностью отвергнуть» гипотезы Муха и Косинны, хотя и не отрицает, что «также и в этих трудах, в частности в труде М. Муха, содержатся некоторые тонкие... важные наблюдения». В адрес обоих Шрадер выдвигает пять обвинений, указывая на

1) «излюбленные обоими исследователями бездоказательные отождествления известных культурных районов с определенными народами, особенно с пранародом индогерманцев», у Косинны здесь — «голая аксиома»;

2) «объяснение различных культурных групп *переселениями народов* (а не, скажем, торговлей или передачей культуры) — у Муха почти полностью, а у Косинны полностью бездоказательно»;

3) отсутствие доказательств, что переселения шли с севера на юг и с запада на восток, а не в противоположном направлении;

4) «фактический материал, особенно у Косинны, неопишимо скуден»;

5) «у обоих ... материал происходит почти исключительно из западной половины Европы... Так, например, у Косинны арии (индо-иранцы) с

помощью шаровидной амфоры продвинуты до Днепра, после чего безнадежно предоставлены собственной участи» (Schrader 1906-1907, I: 118-119, II: 472-473).

Таковы были суровые отзывы представителей трех наук — истории, археологии и лингвистики. Отзывы эти относятся и к результатам и к основам самого метода. Самое время было бы и дать, наконец, систематическое изложение и обоснование самого метода, до тех пор отсутствовавшее. Настоятельную необходимость этого чувствуют и ученики — Эрих Блюме даже сам предположил своей работе главу методическую, выполненную в 1908 и напечатанную впервые в 1910 г.

Мэтру надо поспешить: его опережают ученики! В 1911 г. также в этнологии вышел знаменитый учебник Ф. Гребнера, так и озаглавленный «Метод этнологии». Там были сформулированы важные для миграционизма критерии родства схожих предметов. И Косинна быстро (в 1911 г.) откликается тоненькой книжечкой «Происхождение германцев. К методу археологии обитания» (Kossinna 1911a).

Конечно, — притворно смиренничает Косинна, — можно было бы «в ответ на дилетантские скептические разговорчики пройти мимо, с усмешкой пожимая плечами... Но мои друзья и ученики в последнее время так сильно давили на меня, побуждая (в интересах науки и влияния «нового направления» в преистории) впредь не игнорировать эти нападки, что я поддался их пожеланиям» (Ibid. 13). И вот так нехотя, «поддавшись» давлению, этот «простой немецкий ученый», как он тут же себя аттестует, вдруг скидывает маску смиренной благодати и с остервенением набрасывается на инакомыслящих.

Эдуард Мейер, увы, «король в мире древней истории» (Ibid. 8), и с ним приходится еще соблюдать некоторую вежливость. «Конечно, я охотно преклоняюсь перед выдающимися достижениями, которые представляет «История древности» Мейера. Каким, однако, односторонним выступает Мейер в кругозоре чистого писателя истории, отовсюду отлученный. Ему отказано в верном взгляде, когда речь идет о вопросах, которые с высшей культурно-исторической точки зрения являются решающими и для которых необходимо овладение известными естественнонаучными познаниями, как, например, расовая история при разработке индогерманской проблемы, где Мейер, к сожалению, так полностью заблуждается». После такого предисловия можно ответить и на само возражение. Мейер приводит Грецию в доказательство невозможности установить преемственность. Так ведь Греция попросту плохо исследована. «Страны с недостаточной исследованностью еще не созрели для достоверного ответа на мои вопросы» (Ibid. 6-7).

Мейеру этого будет достаточно. «Теперь нам, к сожалению, надлежит еще разделиться с дву-

мья другими названными учеными, которых приходится отнести лишь «*dii minorum gentium*» (второстепенным божествам)... — обоими талантами, сила которых состоит не в комбинировании, как того Роон требует от историков, а только в компилировании. Строгая критика — не их удел» (Ibid. 8-9).

Из пяти обвинений Шрадера Косинна считает нужным ответить здесь только на два первых. Шрадер отвергает отождествление культурных провинций с народами — Косинна перечисляет (только перечисляет) ряд примеров, когда народы, известные истории, можно связать со специфическими памятниками: викинги в Нормандии, Британии и России, венды в Центральной Европе, скифы в Юго-Восточной Европе и т.д. Весь перечень уместается на половине одной страницы и в первом абзаце следующей страницы. Кроме того, Шрадер не согласен с манерой объяснять распространение культуры исключительно переселениями народов, тогда как может ведь идти речь и о торговле или о полной передаче культуры. «Ну, речь о них может идти только для того, кто касается этих вещей в качестве начинающего, — терпеливо разъясняет Косинна, — а не для того, кто эти вещи разрабатывает в полном вооружении историка культуры, затем как всесторонне образованный археолог и одновременно как антрополог» (Ibid. 9).

Дав мимоходом столь полную и лестную характеристику своей квалификации (еще не вполне очевидную для большинства его коллег), Косинна совершенно отвергает возможность полной передачи культуры без одновременного переселения людей и обращается к торговле. В состав культуры входят такие элементы, которые не продаются и не покупаются. «Итак, — иронизирует Косинна, — торговля не только определенным оружием, орудиями, украшениями, глиняными сосудами, но одновременно и определенным могильным ритуалом, даже определенной расовой принадлежностью... Так что дело идет о поистине удивительной торговле!» (Ibid. 11).

Для вящего усмирения он еще и пригрозил Шрадеру: «Отдельная полемическая рукопись против Шрадера, хочу я открыть этому ученому, покоится в моем письменном столе и будет храниться на грядущие оказии, если Шрадер меня к тому вынудит, готовый к печати».

Заставив трепетать Шрадера, автор восклицает: «Но тут ведь я еще, как я вижу, к сожалению, не рассчитался с третьим противником ... Морицем Гёрнесом». Ну, с этим и вовсе просто, потому что «его приходится поставить еще одной ступенькой ниже Шрадера, почти на самый низ учености — на уровень чистого компиляторства. С некоторых пор обсуждение этнологических познаний доисторической археологии действует на Гёрнеса, как красная тряпка. Десять лет он так усердствует против этих занятий пре-

истории, как если бы от этого зависело его существование. Они ему не даны, у него нет для этого ни малейшего дарования, и всё же он чувствует в себе позывы всё снова и снова подавать голос об этих вещах... Это упражнения ядовитой издевки и желчной злобы...» (Ibid. 14).

И Косинна возмущается: «Разве ж я когда-либо просто горшки идентифицировал с народами?... Разве я не рассматривал всегда скорее целые культуры?... Какое богатое содержание подразумевается, когда специалист упоминает простое слово «шнуровая керамика», очень хорошо известно исследователю-преистории, но, конечно, не дилетанту» (Ibid. 11).

В полемике у Косинны был свой стиль. Здесь для него всегда дело шло не о том, чтобы совместно с оппонентами искать истину или чтобы убедить его, и даже не о том, чтобы припереть противника к стенке и уязвить парой шпильек. Достичь удовлетворения Косинна мог лишь тогда, когда, пустив в ход кулаки и дубину, валлил врага наземь и топтал его ногами.

Итак, всем сестрам по серьгам. А как же с обоснованием метода?

В полемике с критиками сформулированы и взяты под защиту три положения: 1) этническая трактовка археологических «культурных провинций», 2) реалистичность прослеживания этнической преемственности по археологическим данным и 3) необходимость объяснять распространение культур переселениями народов. Обоснования по-прежнему не развернуты, сжаты до предела. В упомянутой работе Блюме рассмотрено лишь первое из этих положений, которое тот постарался подтвердить не примерами, как Косинна, а логическим осмыслением данных истории и этнографии — мотивировать закономерность и неизбежность совпадения.

У Блюме самый метод еще именуется «этнографическим» («ethnographische Methode»), что, очевидно, отражает тогдашнюю терминологию Косинновского семинара. Косинна тоже иной раз именуется свое направление «этнографической доисторией» («ethnographische Vorgeschichte» — Kossinna 1911a: 13) или «доисторической этнологией» («Vorhistorische Ethnologie» — Ibid. 16). Позже он яростно возражал против сближения двух наук: «От сильного пристрастия этнографии я могу лишь предостеречь; европейская культура и внеевропейская — это всегда были два совершенно различных мира» (Kossinna, цит. по Eggers 1959: 239).

Но в подзаголовок книги 1911 г. вынесено уже другое наименование — «метод археологии обитания» (Methode der Siedlungsarchäologie). В нашей литературе термин *Siedlungsarchäologie* иногда переводят как «археология поселений», следуя основному значению слова *Siedlung* и трактовке косинновского ученика Кикебуша. Последний, разъясняя этот термин в словаре Макса Эберта и, видимо, учитывая интересы и убеждения этого ученика Шухард-

та, быстро свернул изложение «тождеств» и перевел разговор на изучение поселений (Kikebusch 1928). Чаще у нас дают перевод «археология расселения», имея в виду миграционизм Косинны. Но этому не соответствуют ни точный перевод слова *Siedlung*, ни то значение, которое сам Косинна вкладывал в свой термин.

Оно разъясняется из следующего текста Косинны. Мотивируя необходимость разработки особого метода для реализации идеи, которую Монтелиус применил без сложных разработок, Косинна поясняет, что для замкнутой Скандинавии достаточно простых указаний Монтелиуса. А вот «для такой области, как Средняя Европа, открытой со всех сторон притоку чуждых масс населения и всегда скрывавшей в себе много очень различных культур, способ доказательства Монтелиуса. Он должен быть пополнен тем, что я ввел в доисторические исследования, — изучением мест обитания (*Siedlungskunde*), нанесением культур, нанесением культур, т. е. всего ... материала находок на карту страны...» (Ibid. 16). Здесь, конечно, не имеется в виду изучение только поселений, какое-то «поселковедение»: на карту наносится «весь материал находок» — также из могильников, кладов и проч. Не имеется в виду и перемещение народов. И единственная карта, приложенная к этой книжке, озаглавлена: «Области обитания германцев, кельтов и карподак...» («*Siedlungsgebiete der Germanen, Kelten und Karpodaken...*»). На ней не обозначены поселения или захваты — выделенные области заштрихованы сплошь.

Слово «расселение» хотя и может в русском языке употребляться как синоним слову «обитание», всё же меньше подходит для точной передачи рассматриваемого термина, так как

имеет и второе значение, выражая динамику (синонимы: «расширение границ», «освоение новых территорий»), чего Косинна в данном случае не имел в виду.

Отныне термин *Siedlungsarchäologie* («археология обитания») стал официальным наименованием нового направления, а *siedlungsarchäologische Methode* («метод археологии обитания») — названием нового метода. Это название устраивало Косинну больше, чем прежние, вероятно, потому, что подчеркивало ориентировку на территориальное изучение памятников и не содержало нежелательного для Косинны оттенка зависимости от другой науки — этнографии.

Выдвижение особого, апробированного названия, так же как формулировка и обоснование методических принципов, безусловно способствовали дальнейшей консолидации формирующейся научной школы, ее выделению и обособлению, так сказать кристаллизации сил на базе фракционного самосознания и противопоставления другим научным течениям. Эти другие не были столь унифицированы идейно. Шухардт, Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес не стремились к созданию собственных методологических платформ или общей платформы, к монополизации науки. Из них только у Шухардта были сильные позиции в немецкой археологии и широкая организационная база — поэтому, хотя он как раз менее других нападал на методологические принципы Косинны, он и был для Косинны врагом номер один.

В ближайших последующих своих произведениях Косинна сумел соединить тактические операции конкурентного характера против Шухардта со стратегическим развитием своего учения в духе шовинизма.

4. «Чрезвычайно национальная наука»

В том же 1911 году, когда вышли из печати оба полемических сочинения — рецензия на отчет Шухардта и книжка с нападками на Э. Мейера, Шрадера и Гёрнеса, — Косинна выступил в Кобленце на третьем годичном собрании своего общества с докладом, сопроводив его 60-ю «очень содержательными диапозитивами». Снабженный нескладным, но броским названием и «рассчитанный ... на широчайшие круги интересующегося наукой мира», этот доклад лег в основу книги, вышедшей в следующем, 1912, году под тем же ударным названием: «Немецкая доистория — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912). Кобленцкий доклад и эта книжка означали наступление нового этапа в истории учения Косинны.

В предисловии к книге Косинна писал: «Наше сегодняшнее воодушевление наследственным немецким искусством не имеет поистине ничего общего с экзальтацией, обязанной голому чувству, а покоится на глубоком, надежном и

нерушимо прочном основании могуче развитых историко-естествоведческих знаний». Но это были одни слова. Именно «экзальтация», именно «голое чувство»!

Книга написана как бы одним духом, со страстью и вдохновением, которые во многих местах должны закрыть слабость или отсутствие доказательств. Через все главы красной нитью проходит одна фанатически отстаиваемая идея — что, вопреки сообщениям античных писателей и мнению современных ученых-классиков, ранние германцы и их предки индогерманцы не были варварами, что, наоборот, они в основных проявлениях культуры стояли выше всех других народов (в том числе и народов Древнего Востока), обладая приоритетом на ряд крупнейших культурных открытий и феноменов.

Так, мегалиты возникли в Португалии и оттуда проникли сперва в Северную Европу, затем в Переднюю Азию (вопреки утверждению противоположного направления у Монтелиуса).

Лошадь одомашнена восточными индогерманцами и от них заимствована народами Востока. Алфавит возник у европейцев еще в каменном веке — значение семитов (финикийцев) неправомерно преувеличено. Азиатское происхождение бронзы можно взять под сомнение, а по качеству металлических изделий германцы бронзового века безусловно превзошли всех соседей: «Если мы исследуем металлическую продукцию эпохи бронзы Южной Германии и Швейцарии, или Франции и Англии, или Восточной Германии и Венгрии или Австрии и даже Италии, то ни одна из них не может сравниться с северогерманскими достижениями!» (Ibid.).

Книга пестрит такими подзаголовками отделов, как: «Превосходство германского художественного вкуса в производстве оружия, в частности мечей», «Величие (Großartigkeit) германской спиральной орнаментации», «Меньшую ценность представляют бронзы кельтов» и т.д. И лишь в одном допущено противоположное соотношение: «Отставание германцев в керамике» — северогерманские грубые лепные горшки уж никак не поставят выше лужицкой или критской керамики! Но от гордого народа воинов и не приходится ожидать, чтобы он преуспевал в таком прозаическом ремесле: всё его внимание было отдано металлу.

Общий вывод из этого перечня: «Такой народ, как германцы, который уже имел за собой тысячелетнюю культуру, который пережил такой период, каким мы узнаем и с изумлением изучали германский бронзовый век, нельзя же в конце концов называть варварами, хотя бы это и делали римляне, а больше, собственно, романские наследники римлян, а с особенным пристрастием — сегодняшние французы. Это тем менее нас трогает, что они иногда предпочитают нас сегодня так называть — поскольку они особенно рассержены одним из наших успехов (Косина имеет в виду Седан. — Л.К.) — невзирая на свое собственное *действительное* варварство, свидетельства которого немецкая Рейнская провинция сегодня еще повсюду выдает. *Древний* же Рим говорил о германцах только с высочайшим уважением...» (Ibid. 62).

За этим следует рассмотрение внешнего облика ранних германцев, как их изображают римские скульпторы. «Из всех германских образов выступает спокойное чувство собственного достоинства, сдержанная сила и энергия, телесная мощь и духовная настроенность, которая отличает немцев: спокойное соразмеренное мышление, но также и неудержимая тяга к свободе, своевольный индивидуализм. Во всяком случае — телесная красота, высокая духовная одаренность, твердый характер.

Такой народ — это были не какие-нибудь ленивые лежебоки, которые прерывали свою дремоту только для того, чтобы выпить «еще по одной» («immer noch eins») и затем насмерть разодраться в свалке. Нет, подобные классичес-

кие побасенки годятся лишь для бульварных листов да потешных кабацких песен, но не для серьезного исторического изложения, — хотя бы историки-классики и сохранили на сей счет особое мнение» (Ibid. 83). Впрочем, известно, что Косинна сам с большим запалом пел кабацкую песню, припев которой гласил: «Древние немцы пили ведь тоже!» («Die alten Deutschen tranken ja auch!») (Kossinna 1935: 71). «С первобытных времен мы были не дураками выпить (gute Trinker) и таковы же мы сейчас; но мы пьем не постоянно, и мы пили также не постоянно; сначала мы исполняли свой долг с энергией и упорной выдержкой... Так было и у германцев; так и *должно* было всегда у них быть... Ведь только насквозь мужественному, могучему народу было под силу в конце римского времени завоевать мир» (Kossinna 1912: 83).

В этих разработках приведенная выше краткая мотивировка к выбору виньетки для «Маннуса» получила весьма полное развитие.

Столь безмерному возвеличению германцев противопоставлена трактовка отображения их южных и восточных соседей в римском искусстве. У кельта в лице — «мужицко-варварское уродство», те же черты — у дака, «о неблагородстве этого национального типа по сравнению с типом германца и говорить незачем» (Ibid. 80). Что же касается гетов, мизийцев и фракийцев, то «все они, с их одутловатым, вялым телом, с их сбитыми в длинные тугие космы волосами, обрамляющими слишком узкое и слишком пухлое мужиковато-топорное малоинтеллигентное лицо, уж очень живо напоминают грубые проявления сегодняшних племен того же края в южной России...» (Ibid. 81).

С этой характеристикой уместно сопоставить сообщение одного из учеников Косинны — знаменитого польского археолога Ю. Костшевского. «Когда в преисторическом семинаре в Берлинском университете, — вспоминает он, — дошли до рассмотрения культуры раннесредневековых славян, профессор Косинна в присутствии меня и второго славянина болгарина Чилингирова — выразился так: а теперь будем разбирать славянскую культуру, точнее, отсутствие культуры у славян» (Kostrzewski 1964: 213).

Носителями культуры — культуртрегерами — у Косинны выступают только северные индогерманцы и их прямые и наиболее чистые наследники — германцы. Несколько характерных пассажей: «Из северной части Средней Европы, от берегов Балтики и далее с верхнего и среднего Дуная тогда, в третьем тысячелетии до Р. Х. выходили великие движения народов, которые наполнили всю Европу, прежде всего Южную Европу и Переднюю Азию тем населением, которое говорит нашей речью, речью индогерманцев. Повсюду там среднеевропейская кровь дала господствующий класс, и даже там, где она постепенно растворилась без остатка или почти без остатка, она для вечного напоминания

о всемирно-историческом призвании наших племен оставила там по крайней мере наш язык — неизгладимым отпечатком по всей стране» (Ibid. 82).

«Здесь нет надобности в пространном изложении ныне уже, пожалуй, достаточно известного факта, что культуры Южной Европы и частично также Востока достигли своей важной для мирового развития, истинной высоты только после того, как выбросы северного населения овладели этими областями...

Как для других оплодотворенных Севером народов, так и для последнего остатка сохранившегося на прародине расового капитала индогерманской Европы, т. е. для германцев Севера, настал, наконец, час, когда они должны были отрешиться от своей сдержанности... Теперь только, в теснейших трениях с чуждой культурой, могли сохранившиеся наиболее чистыми германцы показать, чего они способны достичь в соревновании со всем миром, и постепенно наступали времена, когда немцы, а с ними и другие германские народы всё больше становились во главе европейской и, наконец, мировой культуры, — времена, принадлежащие уже новой истории» (Ibid. IV — V).

«Вот то великое, что возвещает доисторическая археология...» (Ibid. 82).

И теперь самая квинтэссенция всей книги: «Но всё, что мы в этих кругах еще ожидаем от германства, — всё это содержалось в нем изначально...

Откуда нам, однако, лучше узнать наших предков, как не из их древнейшего и доступнейшего проявления? то есть из доисторического прошлого! И каким путем чище, чем из рассмотрения их собственных творений на родине? Всего этого нам не узнать из древней истории, которая предоставляет нам лишь естественно односторонние и ограниченные мнения отдельных хотя бы и отечественных писателей о нашем народе, а если речь идет о глубокой древности, то лишь злобную клевету иностранных критиков.

Кто хочет поддаться воздействию нашего древнейшего и самобытнейшего искусства, чистого и неискаженного, тот должен обратиться к первобытной археологии (Vorgeschichte). Вот почему эта молодая наука обладает столь чрезвычайной современной ценностью, столь высоким национальным значением» (Ibid. V). «Ибо пробуждать воодушевление, даже больше того, страстную преданность, — ни одна национальная наука не приспособлена к этому лучше, чем наша преистория...» (Ibid. 86).

Так объясняется необычное название книги. «Чрезвычайно национальная археология» раскрывается как *шовинистическая археология*.

Косинна не преминул сослаться на руководящее указание наследника престола ученым «подчеркивать немецко-национальную народность в противоположность интернационали-

зирующим стремлениям, грозящим промотать нашу здоровую народную самобытность». Заручившись этой опорой, докладчик восклицал (и это в неизменном виде отпечатано в книге):

«Вы видели и слышали, высокоуважаемые дамы и господа, насколько немецкая доистория, правильно понимаемая, в точности подходит — будто специально создана — к тому, чтобы повсюду и непринужденно выполнять требование нашего кронпринца» (Ibid. 84).

Косинновская преистория действительно была «будто специально создана»...

Конечно, потенциальные возможности такого использования можно усмотреть и в начальном варианте учения Косинны — в гипотезе о северной прародине «индогерманцев». Уловивший это О. Шрадер еще в 1910 г. (напечатано в 1911) иронизировал по поводу «столь популярной сегодня и тешащей наше национальное тщеславие доктрины о северноевропейском происхождении индогерманского пранарода» (Schrader 1911: 152). Но одно дело *возможность* злоупотребления гипотезой, которая вне зависимости от этого может оказаться верной или неверной, а другое дело — *реализация* этой возможности. Есть достаточно оснований полагать, что «национальное тщеславие» с самого начала было в числе стимулов, определивших увлечение Косинны северной прародиной германцев и индогерманцев. Но и это обстоятельство, важное в *историографическом* аспекте, не может определять степень достоверности самой гипотезы и не должно влиять на оценку *содержания* самой гипотезы.

Теперь «национальное тщеславие» было включено органической составной частью в само содержание концепции и должно было определять характер ее использования. Возможность злоупотребления была реализована.

Как с присущим ему своеобразным представлением о скромности, но, видимо, и без преувеличения, неоднократно отмечал Косинна, его Кобленцкий доклад был встречен «прямотаки бурной овацией», а выход в свет книги вызвал «поразительно сильный и радостный отклик в немецком народе: несмотря на немалую цену, тираж в тысячу экземпляров разошелся за десять месяцев» (Предисловие ко второму изданию — см. Kossinna 1941: V; см. также Kossinna 1913:1).

Итак, Кобленцкий доклад пополнил несколькими новыми положениями Косинновскую версию конкретной картины первобытной истории Европы: он «упразднил» представление о ранних германцах как варварах, провозгласил их древнее культурное превосходство над всеми другими народами и великую культуртрегерскую миссию — «всемирно-историческое призвание». Методический арсенал «археологии обитания» тоже обогатился, хотя новые методические принципы были применены опять же без предварительного обоснования и поначалу

без четких формулировок. Они подразумеваются, и читателю предоставлено судить о них по их конкретным проявлениям, по их реализации в конкретных трактовках, да еще по мимолетным замечаниям. Таких принципов можно отметить три:

1) деление народов на *Kulturvölker* и *Naturvölker*, активные и пассивные, творческие и воспринимающие, высшие и низшие, призванные господствовать и обязанные повиноваться (ср. постоянный приоритет Севера, превосходство «северных достижений», «оплодотворенные Севером народы», «всемирно-историческое призвание», «под силу завоевать мир», «господствующий класс с средневропейской кровью»);

2) признание неизменности национальных особенностей, исключительной устойчивости национальных традиций («таковы же мы и сейчас», «так было и у германцев, так и должно было у них всегда быть»);

3) наделение первобытной археологии функцией идеологического воздействия на народ, задачей национального воспитания на этих «неизменных» традициях, в духе разжигания национализма («то великое, что возвещает доисторическая археология», обращение к «широчайшим кругам интересующегося наукой мира», «поддаться воздействию»), в частности воспитания научным обоснованием националистических эмоций («ничего общего с экзальтацией, обязанной голому чувству», «на глубоком и прочном основании ... знаний»).

Всё это связано в единую последовательно логическую цепь: народы не равны («низшие» — «высшие»), это извечно, что и надлежит внушить всем.

Здесь содержится многое для того, чтобы увенчать всю концепцию последним тезисом — принципом расовой обусловленности (ср. особое внимание к физическому типу). Проскальзывают и отдельные словечки, показывающие, что эта идея уже питала вдохновение мэтра («средневропейская кровь», «расовый капитал», «историко-естествоведческие знания»). Более того, в предисловии к книге эта идея даже высказана: «Еще очень почитаемый нами Пауль де Лагард мог ... в 1853 и 1874 гг. говорить: «Немецкий дух не в крови, а в душе» («Das Deutschtum liegt nicht im Geblüte, sondern im Gemüte»). Сегодня мы понимаем это иначе и громко исповедуем: кровь и определяет душу (Das Geblüt macht erst das Gemüt)... Наши давно почившие предки передали нам в наследство не только свою плоть и кровь, но и свои мысли, свой дух и свой характер...» (Ibid. IV).

В год выхода книги о «чрезвычайно национальной» Косинну постиг тяжелый удар — выстрелом из пистолета был убит любимый ученик, 29-летний Эрих Блюме, гордость и надежда Косинны: «копия моей собственной научной индивидуальности» — называл он его. В некро-

логе Косинна в обычной для него манере писал не столько о покойном, сколько о себе: «Он учился от меня признавать ценность германского духа и германской деятельности для прошлого еще больше, чем для современности. Также он достаточно слышал от меня о благородном облике германского физического типа, о ценности неразбавленной примесью германской крови, воспринял эти истины в сокровищницу своей веры и часто достаточно их защищал».

«Ценность не разбавленной примесью германской крови» имела для Косинны не только чисто теоретическое значение. Блюме был убит своей женой. «Если, — писал об этом Косинна, — учение и жизнь вступили у него в острейшее противоречие из-за того, что он возжегся сильнейшей страстью к существу, которое не только явно представляло выразительно не-германский тип, но даже отталкивающие черты вполне дегенеративной помеси..., то это объясняется только гипнотическим влиянием, которое эта особа приобрела на Блюме...» (Kossinna 1912b).

Но эта милая сердцу Косинны «истина» о ценности германской крови осталась пока не освоенной в книге, нереализованной в ее материале. Ее час еще не пришел.

Книга содержит и, так сказать, оргвывод частного, ведомственного характера. Если доисторическая археология настолько выше, ценнее и патристичнее классической, античной, то «как вяжется» с этим тот факт, что она не представлена «в нашей самой уважаемой научной корпорации — Берлинской Академии Наук»? «Как долго будет еще продолжаться, что немецкая доистория будет полностью игнорироваться первыми представителями германской науки — германистами Берлинской Академии? Как долго еще будет немецкая археология лишена тех величественных организаций, которые сумели создать внутри Академии наук представители римской, греческой, египетской и восточной археологии, этих чуждых отраслей археологии? Я взываю здесь изо всех сил к чувству чести и патриотизма тех берлинских академиков, которые прежде всего призваны придти на помощь...» (Ibid. 84 — 85).

Академики зашевелились и почувствовали, что придется действительно что-то сделать для немецкой доисторической археологии. Они решили избрать в свою среду ее ведущего представителя. И вот в Академию наук был избран новый член: Карл Шухардт (Eggers 1959: 229).

Это был второй тяжелый удар. Но за ним последовал еще один — третий.

16 мая 1913 г. на территории латунного завода близ Эберсвальде (севернее Берлина) рабочие, копая котлован для фундамента, наткнулись на большой глиняный сосуд, до краев наполненный золотом: 8 чеканных чаш, гривна, браслеты и прочее — всего 81 предмет общим весом в 2,5 кг. Это был самый большой клад золотых вещей бронзового века в Европе. Ра-

бочие приняли вещи за латунные и вручили хозяину завода. Тот, сообразив, с чем имеет дело, обратился к кайзеру с просьбой принять сокровище в дар. А кайзер, надумав поручить квалифицированному археологу роскошное издание клада, немедленно призвал, конечно же, своего хорошего знакомого — Шухардта.

Этого Косинна уже не мог перенести. Ведь найдены вещи его древних германцев! «Это событие, — писал он о находке, — явилось мне как кивок древнегерманского бога неба и солнца, чтобы я не уставал в прилежном тцании просвещать наш народ обо всем великолепном из прагерманского наследства». И, захватив с собой фотографа, он помчался в Эберсвальде. Там, получив «любезное разрешение» хозяина завода осмотреть и сфотографировать «отдельные предметы» и отстранив молодых людей из музейной охраны, он обследовал и заснял всё. Уже через несколько месяцев в «Библиотеке Маннуса» вышла тоненькая книжечка «Золотой клад Латунного завода близ Эберсвальде и золотые культовые сосуды германцев» (Kossinna 1913) — это была исследовательская публикация клада. В публикации, откуда взяты и приведенные выше строки (Ibid. 1), читателю между прочим сообщалось также следующее:

«Когда я уже был в разгаре работы по фотосъемке, мне показали копию составленного на Латунном заводе каталога находок (стало быть, и каталог был уже составлен! — Л. К.).

Я тотчас увидел, что он, видимо, сработан не специалистом, а интересующимся любителем или, возможно, начинающим в области первобытной археологии. Золотые спирали, в частности, названы «петельными кольцами» («Noppenringe»). То есть составитель каталога находок, видимо, читал или по меньшей мере слышал что-то из профессиональных выражений науки; но эти выражения не связаны у него с ясными представлениями о вещах, к которым эти выражения относятся. Вот ему и пришлось в голову применить здесь совершенно неподходящий термин «петельные кольца», который, возможно, потому звучал привлекательно для него, что так учено выглядит...

На мой вопрос, кто же составил этот список, мне было сказано: *Карл Шухардт* из Берлина.

... Через некоторое время кем-то неизвестным мне была прислана вырезка из газеты..., где находилась короткая статья, написанная самим Карлом Шухардтом, о новонайденном кладе золота. Какие же новости узнаем мы из нее? ... Мы узнаем, что еще вопрос, были ли эти золотые сосуды *местной, германской* работы или прибыли *с чужбины*. Ну, для специалистов этот вопрос давно решен в первом смысле. Но такова печальная привилегия дилетантов быть другого мнения и ковылять на 50 — 100 лет позади науки» (Ibid. 8 — 9).

Дилетантом он называл Шухардта не сгоряча — обвинение было обдуманное, выношен-

ное и, надо признать, не вовсе голословное. «Noppenringe» послужили только лишним доказательством и поводом. Готовя в те же месяцы второе издание «чрезвычайно национальной», Косинна внес туда пространную филиппику против не названных по имени «школяров классической археологии», которые «с присущей им врожденной скромностью... полагают себя в силах во мгновение ока (in Handumdrehen) стать не только образованными преисториками, но (слушайте и изумляйтесь!) даже лучшими, априори самыми лучшими... Между тем эти две отрасли «не имеют между собой ничего общего», первобытная археология «гигантски превосходит классическую по своим задачам (та — всего лишь часть искусствоведения), географическому охвату, арсеналу методов («в доисторическое исследование входит, наконец, важная часть созданная мною археология обитания»).

Далее упоминается без имени «этот господин, между прочим прежний представитель классической археологии в Берлине», который «чувствует в себе призвание» к первобытной археологии, хоть и будучи в ней «полнейшим профаном», и который, по слухам, угрожал сделать ей каюк (Garaus machen) (Kossinna 1941: 262-263).

Да и в публикации клада Косинна не ограничивается этими «Noppenringe». Перечислив еще ряд грехов Шухардта, частью действительных (отнесение сосудов к лужицкой культуре и семнонам, датировка сосудов VII-VIII вв. вместо XI-XII вв. до н.э., определение их как парадной бытовой посуды, тогда как они должны быть культовыми) и констатируя, что «вряд ли найдется другой такой научный фельетон», который бы содержал «в 72 .. строчках такую уйму ошибок», Косинна приканчивает противника последним ударом: «И эти неосновательные утверждения преподносятся не только неосведомленному кругу читателей, нет, они наверняка преподносятся также нашему кайзеру...» (Kossinna 1913: 10-11).

Для Косинны золотые сосуды из Эберсвальде были дополнительным материалом к его идее о превосходстве древней германской культуры. «Кто прочтет эту книжечку, пожалуй, будет заново изумляться и спрашивать себя, как же это объяснить, что именно германцы снова создали нечто самое прекрасное во всей Европе?» (Ibid. 2).

Но Карл Шухардт, прочтя «эту книжечку», не стал «изумляться и спрашивать себя». Не заметил на сей раз и юмористической стороны в ней. Он ответил гневной рецензией в своем журнале.

«Господин Косинна, — писал он, — очень быстро издал публикацию Эберсвальдского золотого комплекса. Он даже чувствует потребность обосновать эту спешку». Далее, приведя ссылку Косинны на кивок древнегерманского бога неба и солнца, Шухардт продолжает: «Так

он и решился... А вот о разрешении на публикацию от владельца нет ни слова». Шухардт не отрицает погрешностей в каталоге, но язвительно замечает: «Несмотря на то, что он так недоволен моим каталогом, он всё же взял из него цифры веса...»

Рассмотрев затем рассуждения Косинны о радиальном и циркульном орнаменте на днищах, долженствующем отображать культ солнца, рецензент резюмирует: «Так и идет дальше в фантастической игре, без всякого представления о том, как вообще возникает орнаментика...» И вывод:

«Книга Косинны — поверхностная и несимпатичная халтура (Machwerk), ибо всякий заметит, что поверхностность проистекает от спешки, с которой он старался опередить другого — того, кому была уже поручена официальная публикация. «Мое или твое» — был вопрос, и этот вопрос Косинна решал не по тягостным правилам человеческого общества, а по свободному закону своего германского солнечного бога, который там вверху светит над правыми и виноватыми» (Schuchhardt 1913). Впервые Шухардт употребил столь резкие выражения. Вскоре вышла его публикация клада (Schuchhardt 1914).

Всё было кончено между ними. Пропасть легла не только между Косинной и Шухардтом — она разделила надвое всю первобытную археологию Германии.

С одной стороны Шухардт, Римско-Германская Комиссия Немецкого Археологического Института, Берлинское Археологическое Общество. С другой стороны — Косинна, Берлинский университет, Немецкое общество доистории. Органом первых являлся «Преисторический журнал» («Prähistorische Zeitschrift»), а позже (с 1917 г.) к нему был добавлен еще один журнал — «Германия». У вторых были «Маннус» и «Библиотека Маннуса», а с 1929 г. — еще и «Вестник доистории» («Nachrichtenblatt für Vorgeschichte»).

Ученики и приверженцы Шухардта — Макс Эберт, В. Унферцагт, Ф. Бен, Губерт Шмидт,

К. Шумахер, Г. Швантес, Г. Берсу, Ф. Кёпп и др. Объединенные прежде всего в Римско-Германской Комиссии, они осели главным образом в музеях южной и западной частей Германии — по Рейну и Дунаю, где у Комиссии было больше всего работы, и на Северо-Западе — в исконном очаге Шухардта. В общем, в промышленной части Германии. Их дело — раскопки, составление сводов и археологических карт, музейная работа и публикационная деятельность. Они прежде всего накопители и препараторы материала. В первобытной археологии венцом их усилий явился коллективный труд — гигантская многотомная энциклопедия первобытной археологии («Reallexikon») под редакцией Макса Эберта, незаменимый справочник, до сих пор не сходящий со стола любого археолога-первобытника.

Ученики Косинны — Эрих Блюме, Ганс Гане, Мартин Ян, Вальтер Шульц и др. — штамповались семинаром Косинны в Берлинском университете (они иногда называли себя Берлинской школой) и преимущественно осваивали музеи и университеты восточной половины Германии — на землях Прусского королевства, т. е. в старом очаге прусского юнкерства и офицерства, и вообще по соседству со славянами — в Саксонии, Силезии, губернаторстве Польском. Их забота — переосмысление всей первобытной археологии в духе идей их учителя, яростная полемика с инакомыслящими, теоретические заключения и популяризация археологии с определенным политико-воспитательным запалом. Они активизировали теоретические исследования в археологии, выделили и разработали (хотя и односторонне) некоторые интересные в этом плане категории материалов и технические приемы работы. Но самые капитальные результаты деятельности их наиболее сплоченного круга выходили за пределы археологии и не составляли их исключительного и безраздельного достояния — здесь было лицо соавторство с другими, более могучими силами. Эти результаты — две мировые войны и Третий Рейх.

5. Война и могилы

Первую мировую войну Косинна встретил с ликованием — как исполнение вскрываемого им «предназначения» немецкого народа. Предисловие ко второму изданию своей «чрезвычайно национальной» он многозначительно датирует: «Берлин, 1 августа 1914 г., в день указа о всеобщей мобилизации» (Kossinna 1941: VIII).

Когда в 1915 г. в ходе военных действий в Мазурских лесах был обнаружен Лётценский урновое кладбище, фельдмаршал Пауль Гинденбург, видимо, сразу же оценивший политическое звучание вопроса о том, *чьи* могилы находятся на этой земле, велел военному геологу фон Вихдорфу приступить к раскопкам и тотчас

вызвал Косинну. Тот приехал в ставку и с ходу сделал доклад о похороненных там древних германцах. Раскопки (уже без Косинны) шли полгода с лишком, и каждые неделю или две их навещал Гинденбург; «он тогда даже проштудировал мою книгу», — умиляется Косинна. «При виде высоко развитой древнегерманской культуры, — отчеканил свой вывод фельдмаршал, — мы должны заново уяснить себе, что только в том случае останемся немцами, если научимся держать наш меч всегда острым, а нашу молодежь — всегда готовой к оружию» (Kossinna 1934: 225).

Ученики Косинны быстро испытали на себе

пагубные следствия агрессивных идей: добрый десяток участников Берлинского семинара сложил свои головы на фронтах мировой войны — «Маннус» в эти годы пестрел некрологами.

Тяжело переживая поражение в войне, 60-летний Косинна отнюдь не утратил своей активности. С волнением воспринял он в 1918 г. весть о том, что на Версальском конгрессе началось обсуждение вопроса о передаче «данцигского коридора» (к морю) Польше. Тут же он садится за стол и пишет книжку о прошлом этого района, суть которой предельно четко выражена в ее названии: «Немецкая Восточная марка — родная земля германцев» (Kossinna 1919). В переизданиях название было видоизменено: «Повисленье — родная земля германцев». Основной аргумент — этническое определение культуры лицевого урна как германской. Пытаясь как-то повлиять на ход событий, Косинна даже послал рукопись своего произведения в Версаль участникам конгресса, наивно надеясь убедить их.

В этой работе (она издана в 1919 г.) Косинна пополнил свое учение новым положением принципиальной важности. Вся книга пронизана идеей о том, что права народа на территорию определяются и измеряются древностью его пребывания на ней, что прежние, хотя бы и очень давние хозяева земли вправе сгонять с нее нынешних жителей, что больше прав на нее имеет тот, кто раньше ею владел, и что, следовательно, археологические факты, интерпретирован-

ные методами «археологии обитания», являются законными аргументами в территориальных спорах. Археология становится орудием внешней политики и средством ее оправдания, источником обоснования территориальных претензий и агрессии, полем для национальных столкновений и «войны на картах».

Эта идея, брезжившая в глубоком подтексте прежних сочинений Косинны, книгой 1919 г. была впервые ясно декларирована в конкретной специальной разработке. В этой идее выдвинутая прежде «политико-воспитательная» установка археологии на утверждение веры в превосходство собственного народа над другими получила поддержку и дополнение. Косинновская археология приобрела более широкий выход в политику.

Сделав первобытную археологию «чрезвычайно национальной» и весьма политической, Косинна еще более прежнего проникся сознанием собственного величия. Отмечая в 1920 г. четверть века своего учения, он утвердил печатать в «Библиотеке Маннуса» сборники под редакцией своего ученика Ганса Гане «25 лет археологии обитания. Работы из круга Берлинской школы» (Hahne 1922), а сам поместил в журнале «Маннус» собственную статью под беспрецедентным в научной литературе названием: «Победоносное внедрение моих научных взглядов как результат моего научного метода» (Kossinna 1920).

6. Нордические арийцы и их 14 походов

Осенью 1924 г. Косинна выступил в Берлине с новым докладом, который зимой 1924-25 гг. ему «по требованиям со всех сторон» пришлось «вопреки обыкновению» несколько раз повторить — в Берлине же и других местах. Затем доклад, уже по обыкновению, был переработан в книгу, которая вышла в свет двумя частями в 1926 и 1927 гг. под названием «Происхождение и распространение германцев в до- и раннеисторическое время» (Kossinna 1926-27).

Берлинский доклад явился новым шагом в развитии учения Косинны, пожалуй, последним шагом.

Прежде всего, он завершил вооружение «археологии обитания» расовой теорией. Уже давно О.Шрадер констатировал, что с самого начала теория северноевропейского происхождения индогерманцев коренилась не только в гипотезе об автохтонности на севере от неолита или даже мезолита, но и «в этих представлениях о белокуром и длинноголовом народе индогерманцев» (Schraeder 1912: 152). И мы видели, что эти представления незримо и даже зримо присутствовали в разных работах Косинны, но лишь как фон, не участвующий в основном рисунке. На то были свои основания: судьба нордической расовой теории в Германии не прямолинейна.

Как известно, доктрина о превосходстве нордической расы появилась впервые не в Германии, а во Франции. Граф де Булэнвиллье первым додумался до идеи, что господствующей слой Франции происходит от германского племени франков, а низы — от завоеванного теми галло-романского и кельтского населения (Boulainvillier 1727). Граф Артур де Гобино в середине XIX в., расширив эту идею, объявил в своем «Рассуждении о неравенстве человеческих рас», что не только Франция, но и весь мир обязаны всеми культурными достижениями арийской расе, вторгшейся из Азии и оставившей в белокурых европейцах своих самых чистых представителей. Кстати, немцев он таковыми не считал, а евреев ценил высоко (Gobineau 1853-55). Приносившая учение именно к немцам, его всячески популяризировал в Германии композитор Рихард Вагнер, основавший вместе с Г.Шеманом в 1894 г. даже специальное общество — «Объединение Гобино» (Gobineau Vereinigung). Черпая свое вдохновение для музыкального творчества в образах древнегерманской мифологии, Вагнер в своих политических писаниях разжигал агрессивные и националистические инстинкты, особо подчеркивая, между прочим, антисемитский акцент.

Однако всё это оставалось на уровне диле-

тантских наблюдений и «рассуждений» со ссылками главным образом на облик выдающихся индивидов и древние изображения. Чисто антропологические исследования не давали не только подтверждений расовой теории, но и надежды на возможность таковых. Рудольф Вирхов, десятки лет трудившийся над задачей опознать древние взаимоотношения и передвижения народов в распределении их расовых типов (по древним черепам и современным измерениям), примерно к 1890 г., т. е. незадолго до косинновского «этнографического метода» в археологии, отчаялся и отказался от этих попыток: расы не удавалось связать с этносами (Schuchhardt 1926: 280). Группа антропологов (Пенка, Вильзер, Аммон) выдвинула еще в конце XIX века догадку о единстве и скандинавском происхождении расового типа «индогерманцев», но даже на Косинну их исследования произвели впечатление «дилетантских» (Kossinna 1902: 161). В немецкой науке, с ее традиционным культом обстоятельности и фундаментальности, эти неудачи не могли остаться без последствий — расовая теория претерпела известную трансформацию.

Англичанин Хаустон Стюарт Чемберлен, пасынок Вагнера, стал автором первого немецкого труда о культуртрегерской роли германцев в истории, вышедшего в 1899 г. под названием «Основания девятнадцатого века» (Chamberlain 1899). Чемберлен придал расизму мистический характер, ослабив биологическую сторону: для него, англичанина, важно не тело, а дух. «Кто своими делами проявит себя германцем, тот германец, какова бы ни была его родословная». «Можно легко стать евреем, ... достаточно только иметь случайные сношения с евреем или читать еврейские газеты». Это придало учению известную гибкость и защитило наиболее уязвимые места (черноволосых гениев и завоевателей можно было объявить «арийцами по духу»), но в то же время несколько размыло жесткий и четкий вначале каркас учения, перенеся акцент с биологических проявлений на культурные.

С этих пор и в этом виде гобинизм распространился в Германии. Кайзер читал своему сыну вслух книгу Чемберлена и очень заботился о ее популярности среди офицеров в армии (Daniel 1950: 110-111). Но попытки вернуть расовой теории ее биологическое обоснование не прекращались. Одновременно с книгой Чемберлена в Германии во Франции вышла книга Ваше де Ляпужа «Ариеи и его роль в обществе» (Lapouge 1899). Автор собрал уже немало фактов в пользу распространения светлого нордического расового типа у «индогерманцев» (правда, игнорируя факты противоположного характера). Немецкий профессор Зиглин, тот самый, который с энтузиазмом приветствовал первые работы Косинны, выступил в 1901 г. с докладом, в котором заявлял, что древние греки, италии и

даже семиты были блондинами (Sieglin 1902; см также 1935). Но этого было мало, и в своей работе 1902 г. («Индогерманский вопрос, археологически разрешенный») Косинна, упоминая с симпатией эти работы, прямо указывает, что всё же приходится воздержаться от привлечения антропологии, так как нет еще солидных обзорных трудов и так как конкретные культуры пока не удается связать с чистыми расами; краниологических материалов мало, а те, которые есть, обнаруживают за культурами смешение разных расовых типов, «запутывая» картину (Kossinna 1902: 217-218).

За первое десятилетие XX века положение, однако, изменилось. В 1908 — 1915 гг. гейль-бронский антрополог и археолог Шлиц, отойдя от огульного рассмотрения широких географических районов, исследовал краниологические серии из памятников конкретных культур европейского неолита и сумел показать, что каждой из них присущ свой особый физический тип населения. Дальнейшая группировка этих серий привела к совпадению антропологических характеристик с археологическими критериями объединения в три круга: нордический, шнуровой керамики и ленточной керамики.

В 20-е годы этой проблемой занялся антрополог Ганс Гюнтер, который, расширяя круг привлекаемых материалов, стал всё более и более целеустремленно направлять всю эту работу на обоснование расовой теории (Günther 1925; 1926a; 1926b; 1928; 1930; 1934; 1935 и др.). Вскоре он уже выделил в Европе 5 рас, из которых «нордической» наиболее близка «западная» (по старой терминологии «средиземноморская»), «восточной» — «восточнобалтийская» (к ней относятся славяне), а особняком стоит «динарская» (по старой терминологии — «альпийская»). Проследивая их в палеоантропологических материалах (из археологических памятников), Гюнтер затем подбирал живых индивидов (в частности, известных исторических деятелей современности), соответствующих своим физическими характеристиками этим расам (например, «нордическую» расу у него представляли Фридрих Вильгельм III и фельдмаршал Мольтке, «восточнобалтийскую» — Достоевский и т.д.).

Перенесение известных (и достаточно субъективных) характеристик психики, характера и жизненных результатов этих лиц на древние народы позволяло разрабатывать биологическое объяснение культурных и исторических явлений, а произвольность выбора индивидуальных представителей обеспечивала свободное достижение желательных выводов. Для националистически настроенных людей, эмоциональных, субъективных и предубежденных (а таким, несомненно, был Косинна), этот наглядный способ доказательств обладал огромной убедительностью. В самом деле, вот решительный и ясно мыслящий победитель Мольтке —

ну, разве не типичный германец? Вот Достоевский с его слабовольными полубезумными героями — о эта загадочная «славянская душа»! А что немецкому фельдмаршалу можно было противопоставить Суворова, Ломоносова или, скажем, Петра Великого — это никак в голову не приходило.

Характерен и нарочитый подбор фотоснимков массовых представителей современных рас: «нордические арийцы» представлены эстетически привлекательными (по крайней мере для Косинны) лицами, представлять славянство отобраны как можно более отталкивающие физиономии, с уродливо гипертрофированными «расовыми признаками». Недаром еще достаточно молодым Гюнтер добился бешеного успеха в послеверсальской Германии (к 1928 г. вышло уже 12 изданий его «Расоведения немцев») и впоследствии некоторое время он был основным теоретиком расоведения в III Рейхе.

В своем Берлинском докладе Косинна смог уже опереться на результаты работ Шлица и Гюнтера. Докладу непосредственно предшествовала также серия собственных работ Косинны, направленных на увязку культур с расами, «нордической расы» — с «индогерманскими» народами и с древнейшим Севером Европы: «Zum Homo Auriḡnasensis», «Нордический физический тип греков и римлян», «Индогерманцы. Очерк. I. Индогерманский пранарод» (Kossinna 1910; 1914; 1921).

В книге «Происхождение и распространение германцев» (1926–27) разбору антропологических вопросов посвящено из четырех глав две целиком и еще в одной — разбросанные отрезки. «С определенными телесными признаками, — повторяет вслед за Гюнтером и другими расистами Косинна, — связаны и определенные душевно-духовные силы или, по крайней мере, особые способности, которыми они частично проявляются». И далее конкретизирует этот тезис в приложении к европейским расам: «Северный длинноголов — это собственно творческий, культуросозидавательный, изобретательный человек прогресса, аристократический и героический, который жизнь воспринимал как постоянную серьезную борьбу, к тому же волевой и отважный, гордый и презирающий смерть, всегда беспокойный, даже авантюристичный и особенно склонный к путешествиям и деятельный в завоеваниях; высокий моральный закон для него — нерушимая верность своей семье ... , но он, далее, прирожденный завоеватель моря, блестящий техник. Но он не охоч работать наподобие муравья или пчелы равномерно, машинообразно, предпочитает — рывками.

Совершенно иным оказывается восточный короткоголов с широким лицом. Более консервативный, упрямо косный, он — прилежный работник, но слаб в мышлении; удовлетворяющийся тем, что есть, и экономный, он уклоняется от высоких планов, особенно от военных

походов, всегда держится за унаследованные жизненные привычки, больше думает о своей собственной выгоде, чем об общественных интересах..., склонен к зависти и демократической уравниловке. Он восприимчив к религии и одарен в поэзии и музыке. Короче — человек настроения с темной или светлой окраской, ... не имеет ни военных способностей, ни качеств вождя» (Ibid. 94 — 95).

Это противопоставление иллюстрируется без тени юмора редкостными портретами двух норвежских крестьян, из которых длиннолицый дебил с выражением жесткого фанатизма на лошадиной физиономии должен отображать аристократические качества северной расы, а туповатый подавленный кретин с недоверчивой и кислой миной — особенности демократической восточной расы (Ibid. Fig. 135-136 на стр. 94).

Отметив, что древние народы, представленные в археологии культурами, обладали значительной расовой чистотой, так что расовые подразделения совпадают с археологическими культурами, Косинна с сожалением признает, что теперь всё смешалось. В современном немецком народе в целом 60% северной крови, но людей чистого северного типа — только 6 — 8%, да и то их количество убывает. Восточная раса быстрее размножается, и стоит призадуматься над проблемой «восточной опасности». Правда, у северной расы есть свои недостатки, а у восточной — свои достоинства, «но северная раса всё же несомненно более ценна в нашем народе» (Ibid. 96).

«Археология обитания», родившаяся, так сказать, под сенью расовой теории, с самого начала поглядывала на нее с симпатией и под конец стала постепенно вползать на ее позиции и осваивать ее аргументацию — Берлинским докладом 1924 г. этот процесс был завершен. Расовая теория в своем нордическом Гюнтеровском варианте была включена в догматику «археологии обитания» и стала одним из ее основных методических принципов. У Косинны в этой части не было ничего оригинального — всё было взято в готовом виде у Гюнтера: и систематика, и терминология и даже многие фотоснимки.

Освоение нордической расовой теории не только придало внутреннюю связность и завершенность всей концепции Косинны, введя в нее биологическое объяснение силы и устойчивости культурных традиций. Увязка культуры с расой позволила Косинне преодолеть одно старое и очень неприятное препятствие в решении «индогерманской» проблемы.

Дело в том, что, прослеживая ретроспективным методом в глубь веков культурную преемственность на Севере Европы, Косинна в прежних работах добрался только до II периода эпохи бронзы, а на первом периоде традиция обрывалась (типы бронзовых изделий оказываются не местными), и в неолит Косинна пере-

браться конкретными исследовательскими операциями уже не мог. Еще в «Происхождении германцев» в 1911 г. он называл носителей культуры бронзового века «первыми немцами в Германии» и лишь предполагал прибытие их из Ютландии и Скандинавии (Kossinna 1911: 25). Правда, в этой и следующей книге и даже в нападках 1902 г. на Муха он довольно смело говорил об индогерманской принадлежности мегалитических культур неолита Ютландии и Северной Германии, но конкретных доказательств привести не мог и старался обойти самый вопрос об их необходимости. Приходилось довольствоваться общими соображениями: раз нет заметных приливов населения в Европу на рубеже неолита и бронзы, значит, праиндогерманцев надо ожидать где-то поблизости от германцев бронзового века. Но всё это было на уровне пустых разговоров.

Теперь Косинна пишет, что лишь «Вначале препятствие кажется непреодолимым. Мы должны, значит, перевернуть предмет и рассмотреть с другой стороны. Мы должны двинуться отсюда сюда...» (Kossinna 1926-27: 51). Оптимистические нотки появились оттого, что он увидел возможность перепрыгнуть через разрыв, опираясь на антропологию. Не навести мостик, а именно перепрыгнуть, и не на противоположный край разрыва, в конец неолита, а гораздо дальше — к самым истокам индогерманского пранарода, в начало неолита или даже в мезолит. И уже отсюда двигаться плавно к более поздним временам навстречу пройденному ранее маршруту. Ведь если индогерманцам от эпохи бронзы до современности присущ нордический расовый тип, а раса очень тесно связана с этносом и культурой, то очаг происхождения нордической расы будет одновременно и очагом происхождения индогерманцев вообще. Ну, а место происхождения нордической расы в принципе ясно — это Север Европы, палеоантропологические находки помогут установить более точно границы ареала...

Таким образом, Косинна изменил своему ретроспективному методу — там, где этот метод отказал. Нововведение же оказалось каким-то подобием старого метода Муха, только с тем отличием, что вместо опоры на сопоставление лингвистических данных с археологическими Косинна в своем прыжке оперся только на антропологию. То есть в решении этого вопроса вообще он отказался от столь громогласно декларированного прежде первенства археологии («единственный надежный указатель», «только она одна», «на чисто археологической основе» и т.п. — ср. Kossinna 1911: 1-2).

Но теперь нужно было от ранненеолитических индогерманцев, отмеченных хорошими длинными черепами и весьма примитивной культурой кьёккенмеддингов, именуемой у Косинны «культурой Эллербек» (остродонная мешковидная керамика, макролиты, костяные ши-

лья и проч.), провести линии генетических связей не только к местным культурам последующих времен, но и во все концы индоевропейского мира, к культурам всех потомков «индогерманского пранарода» от Испании до Индии. Таких возможностей материал не предоставляет: культуры этих народов отнюдь не выглядят продолжением и развитием «культуры Эллербек». Задача была бы невыполнимой, если бы Косинна не ввел еще одно методическое облегчение.

Вот когда пригодился полученный за 20 лет до того вывод о том, что и один тип, и одна категория вещей **может** быть опознавательным признаком этноса. Между «может» и «должен» расстояние для Косинны невелико. Оно было преодолено во мгновение ока (in Handumdrehen). Забыты были добродетельные возмущения вроде «Разве ж я когда-либо просто горшки отождествлял с народами?... Разве я не рассматривал всегда скорее целые культуры...?» Теперь надо было проследить центробежное движение «целых культур», а культуры, увы, упорно оставались на месте. Распространение целых комплексов культурных явлений за пределы старых границ оказывалось чрезвычайной редкостью. Зато гораздо чаще, конечно, вылезало за старые границы «целой культуры» распространение какого-нибудь одного ее элемента, каждый раз (у каждой культуры) иного — то это были мегалитические сооружения, то боевые топоры, то какая-нибудь категория глиняной посуды.

По одному элементу можно было проследить «передвижку населения» за пределы определенной культуры на земли, занятые позже другой культурой. Затем оставить его и посмотреть, какой элемент этой другой культуры выходит за ее пределы и приводит к ареалу третьей культуры, и т.д. Так, на перекладных, меняя лошадей, можно было, глядишь, и доехать от ютландской «культуры Эллербек» до весьма отдаленных Индий.

И Косинна реконструирует в деталях 14 завоевательных походов нордических «арийцев», носителей индогерманской речи, походов, осуществленных в неолите, так и именую эти походы порядковыми номерами: «der erste Indogermanenzug», «der zweite Indogermanenzug»... — совсем как в какой-нибудь диспозиции старого прусского генерального штаба: «die erste Kolonne marschiert...», «die zweite Kolonne marschiert...».

Первый поход был направлен на запад и принес мегалитическую культуру Дании и Шлезвиг-Гольштейна в Голландию. Второй поход распространил ее отсюда же на восток и юг, в Центральную Германию, где в результате образовалась рёссенская культура. Третий поход переносит эту рёссенскую культуру в Юго-Западную Германию, на Рейн. В результате четвертого похода, исходящего из мегалитической Северо-Западной Германии, на Средней Эльбе возни-

кает вальтерниенбургская культура. Пятый поход — это ее продвижение на восток, в северный Бранденбург. Шестой поход приносит из начальной области (Ютландия и смежные районы) новую волну переселенцев в Центральную Германию, и там возникает культура шаровидных амфор. Седьмой поход опять же берет начало в Ютландии и приносит оттуда в Центральную и Восточную Германию шнуровую керамику. Это предки кельтов, италиков и иллирийцев. Восьмым походом поздние воронковидные кубки разносятся по Висле, Одеру, Мораве и создают в Чехии и Словакии носвицкую и баденскую культуры. Девятый поход направлен из Бранденбурга в Силезию и Моравию — он расширяет ареал культуры шаровидных амфор. Десятый поход продвигает шнуровую керамику из бассейна Одера на юго-восток до Днепра. Одиннадцатый поход выводит из области носвицкой культуры на юг создателей культуры Мондзее — ядро будущих греков. Двенадцатый поход приводит их в Грецию. Тринадцатый продвигает шнуровую керамику из Центральной Германии в Юго-Западную, а четырнадцатый приносит зонные кубки, возникшие на базе развития северо-западных ответвлений шнуровой керамики, в Англию.

Прямые же потомки мегалитических индогерманцев остались сидеть на месте и, пополнив убыль северным прафинским населением, образовали позднейших германцев. Под действием восточных волн индогерманизации где-то образуются фракийцы, балтославяне и иранцы.

Маршруты первых нескольких походов установлены по карте распространения воротничковых фляг, шестого и девятого — картой распространения шаровидных амфор, одиннадцатого — шестигранных боевых топоров и т.д. Если взять генетическую линию, соединяющую греков с индогерманской прародиной (походы 8, 11 и 12), то одно и то же движение из Ютландии на юг прослеживается на первом этапе по шаровидным амфорам, на следующем — по боевым топорам, а на третьем — и вовсе не прослеживается, а лишь предполагается.

Суть этого метода «путешествия на перекладных» Косинна нигде специально не излагал и правомерность принципиального превращения каждого отдельного элемента культуры в опознавательный признак этноса нигде специально не декларировал и не отстаивал. Наоборот, даже, как мы видели, высказывался в противоположном смысле. Но на деле применил именно этот метод, этот принцип, когда проби́л час решающего испытания — на самом трудном участке доказать реальными разработками превосходство своей методики над старой методикой Муха, Шрадера и др.

Иными словами, Косинна и в этом изменил своей методической системе в решающий момент и на самом ответственном участке. То есть

молчаливо признал ее банкротство в столкновении с той основной исследовательской задачей, для решения которой эта система и была создана, — задачей отыскания «индогерманского пранарода», реконструкции расселения «индогерманцев».

Если до того методическая система Косинны, пополняясь новыми положениями, просто благополучно росла и расширялась, то оба последних методических новшества, введенных со спасательными целями, противоречили некоторым важным старым положениям и явились их отрицанием. Система заметно видоизменилась и приобрела внутренне противоречивый характер и двойственность. С одной стороны, археология декларируется единственным надежным средством реконструкции расселения пранарода; с другой — признается, что она пасует на важном участке и ее предлагается заместить антропологией. С одной стороны, единственно правильным путем признается последовательно-постепенное ретроспективное продвижение по археологическим культурам вглубь веков; с другой стороны, рекомендуется прыжок через эпохи с опорой не на археологию, а на антропологию. С одной стороны, и один тип допущено считать опознавательным признаком этноса — лишь постольку, поскольку установлен принцип точного совпадения с этносом всей культуры, во всех ее проявлениях. С другой стороны, разрешено опознавать этнос по одной категории археологического материала и при отсутствии совпадения с нею остальных категорий.

Конечно, между старыми и новыми положениями можно найти логическую связь — в этом смысле система остается внутренне цельной. Ее противоречивость и двойственность проявляются в действии: из старых и новых положений вытекают противоположные рекомендации. Одни — более строгие (для сравнительно легких задач). Другие — более свободные (для «крепких орешков»).

Методическая система «археологии обитания» приобрела свой окончательный вид. Это и была та система, которая обеспечила Косинне выполнение его «жизненной цели» — разработку генезиса «индогерманцев» на базе нордической гипотезы.

Сочтя свою задачу выполненной, Косинна семидесяти лет оставил кафедру (в 1927 г. в торжественной обстановке он прочел свою прощальную лекцию) и уступил кафедру, как ни странно, без боя Макс Эберту — хоть и занимавшемуся в семинаре Косинны, но другу и соратнику Шухардта. В последние годы жизни Косинна вернулся к исходному пункту своего путешествия в глубь веков — к германцам I тыс. н.э., культуру которых решил на досуге исследовать фундаментально. Но он успел лишь подготовить к печати первый том. Через три года после обнародования концепции «14 походов», в 1931 г., ученики и поклонники Косинны устро-

или торжественное празднование 50-летия докторской диссертации Косинны, а в декабре того же года 73-летний юбиляр умер.

Уже через год после его смерти в томе «Маннуса», посвященном памяти Косинны, пришлось поместить признание, что голова германца, ко-

торая в течение всех лет была на титульном листе, оказалась фальшивкой; ее придется заменить другой (Mannus 24, 1932: 584). Признание, что ложны и многие предпосылки учения, вдохновлявшего «Маннуса», тогда сделано не было.

7. Личность и наследие

Густав Косинна... «Перед мысленным взором того, кто его лично знал, — пишет один из последователей, — при звуке этого имени возникает небольшая подобранная фигурка со всегда воинственно напряженными чертами, с избытком вихрящихся мыслей...» (Hammer in Kossinna 1941: 303). Портреты дополняют эту характеристику: немного одутловатое лицо, под насупленными бровями — водянистые глаза слегка навывкате (возможно, щитовидка не в порядке), большие чуть подкрученные усы пруссака и седенькая треугольная бородка. На общем снимке одного конгресса он стоит впереди между величественно-монументальным шведом Гильдебрандтом и спокойным тяжеловесным Брауном из России. Кривобокий, как-то скобочившись, он — весь в движении, резко развернувшийся, будто готовый к драке (см. Mannus 1912, вклейка после с. 444).

«При звуке этого имени» возникает также весьма своеобразный стиль исследовательской работы и ознакомления научной общественности с ее результатами, а равно не менее своеобразная манера полемики.

Косинна обычно очень мало заботился о логическом и фактическом доказательстве своих положений, особенно методических. Он выдвигал их как аксиомы, как догмы, как символ веры. Для него каждая из них — с самого начала «тысячекратно доказанная и постоянно заново подтверждаемая», а против возможных возражений — вместо доказательств: «да будет здесь воздвигнута очевидность противоположного со всей определенностью» (Kossinna 1911: 3). Но ведь это заклинания, а не научные доказательства!

И тем не менее ученые встречали их «бурными овациями» и принимали, как Эрих Блюме, «в сокровищницу своей веры»... Огромную роль в способе утверждения идей играл у Косинны эмоциональный фактор — это была замена доказательств, а нередко — и исходная посылка для выводов.

Вот характерный пример. Двое исследователей, Бенковски и Шумахер, интерпретировали на римских рельефах женские фигуры в штанах как изображения германок в повседневном костюме. Косинне же это представлялось несовместимым с германской моралью, строго ставящей женщину «на свое место», и он выступил со следующим опровержением: «Мнение, что стыдливые германские женщины и именно только они разгуливали в узких брючках

(Trikothosen), столь чудовищно и прямо-таки оскорбительно для германского чувства, что без внутреннего негодования этот пункт даже трудно обсуждать». Упомянув римские символические изображения Германии в виде женщины с обнаженной верхней частью тела, Косинна победоносно вопрошает: «Не думают ли Бенковски и Шумахер, что германки и в самом деле, подобно индийским женщинам, показывались так?» (Kossinna 1912a: 251). Бедный Косинна! Как ему повезло, что он не дожил до второй половины XX века — а то бы увидел своих немцев, не только разгуливающих в узких брючках, но и «показывающихся так» — в бикини и даже в завезенных из Англии *topless*! Я уж и не говорю об ФКК¹...).

Свободно манипулируя методами в зависимости от их удобства для желательных выводов, Косинна отстаивал, в сущности, дилетантизм в науке. О его дилетантских настроениях свидетельствует его резкое неприятие закона об охране памятников — он же нарушит свободу раскопок! (Mannus 2, 1910: 329). Впрочем, сам Косинна копал всего 14 дней в своей жизни...

Дилетантскому характеру работы Косинны вполне соответствует и его средневековая манера полемики: если нет доказательств, то идеи приходится отстаивать с помощью удвоенной и утроенной категоричности, оглушать крикливой фразой, ошеломлять грубой бранью и апломбом. Отсюда все эти косинновские *argumenta ad hominem*, презрительные клички противникам, удары ниже пояса. «Это безобразная манера Косинны, — писал выведенный из себя Шухардт, — личные высказывания, скажем, из писем или от пивного стола, да еще нарочито искаженные, класть в основу своей книжной полемики — «Маннус» дает тому достаточно примеров» (Schuchhardt 1913: 586, Fußnote 1).

В некрологе по поводу смерти Косинны в Шухардтовском журнале Г. Зегер писал: «Его работы полны жесточайших нападок не только на инакомыслящих, но и на единомышленников, которые по какому-либо поводу ему не понравились. Он не знал никаких уступок, никаких смягчающих обстоятельств. Кто не был его безусловным сторонником и другом, того он рассматривал как своего личного врага. Не случайно, что в конце концов он стоял почти один сре-

¹ ФКК — Freie Körper-Kultur, «культура свободного тела». Так называются в Германии пляжи, где посетители обоего пола совместно купаются и загорают вовсе без одежды.

ди своих ближайших коллег» (Seger 1931: 295). Да, если считать маститых ученых — Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес, Фейст, Мух, Шухардт, Рейнеке, Софус Мюллер, Шумахер, даже Шлиц — всех он успел оскорбить и обидеть, всех шокировал, все от него отвернулись, а с ними их друзья и ученики, чуть ли не весь ученый мир, особенно Германии и Австрии. В этом мире Косинна остался один. Но он создал себе собственный мир, свой круг сотрудников и приспешников.

«При звуке этого имени» возникает целая толпа учеников. Среди них известные впоследствии археологи. Из ранних заметны четверо: Ганс Гане, Эрих Блюме, Макс Эберт и Альберт Кикебуш. Но двое последних стали вскоре сотрудниками Шухардта. Затем появились Эрнст

Вале, Вальтер Шульц, Мартин Ян и поляк Юзеф Костшевский. Далее, в первые послевоенные годы в семинаре занимались Герберт Кюн и испанец Педро Бош-Гимпера. Позже народ мелькает — в годы увлечения мэтра расовой теорией и 14 походами вокруг него толпятся личности (уже не только прямые ученики) вроде Рейнерта, Штампфуса, Хюлле, Лехлера, Гешвандта, Бикера, Гуммеля, Гаммера и др. — из этих мало кто оставит прочный след в науке, зато многие заметно наследят в политике.

Но что «при звуке этого имени» выступает прежде всего «перед мысленным взором» всякого, кто знал и кто не знал Косинну, — это написанные им книги и статьи, воспитанные им ученики и его учение, «археология обитания», косиннизм.

Часть третья. «Археология обитания»

А. Состав наследия Косинны

Сам факт расхождения определений «косинизма», основанный на возможности выбора разных критериев определения, говорит о том, что «косиннизм» — явление сложное. Очевидно, чтобы избежать упрощений, при таком разборе надо будет исходить из того, что косиннизм, как и всякое цельное и деятельное учение, представляет собой логически последовательную систему основных положений, что он сохраняет свою специфику лишь как совокупность всех или, по крайней мере, многих этих основных положений и не может быть сведен к одному из них. Каждое из них, взятое в отдельности, может, конечно, и сохранить некоторые существенные органичные особенности всего учения, но может и не нести в себе подобного заряда, удерживая лишь первое время «аромат» всего учения в субъективном восприятии людей. Любое такое положение могло существовать и до всего учения, одновременно с ним вне его, а затем и после него — в других системах. В них оно может иметь и другой смысл.

Более того, если учение Косинны было не просто переносом некоторых политических идей в археологию, а в каких-то отношениях необходимым звеном в логическом развитии одной науки, то такие переходящие элементы, инварианты, как их называют философы, должны с неизбежностью в нем оказаться. В этом случае закономерен вопрос, не перейдут ли они в новые концепции, сменившие старую и даже спорящие с нею, в каком виде и в каком наборе перейдут, какие именно и в какие концепции. Другое дело, что какие-то из элементов учения были особенно важными для исполнения его социальной функции, его идеологической роли, его использования в политических целях — в данном случае явно злонамеренных. Любопытным может оказаться вопрос о том, в каком отношении эти элементы окажутся к инвариантам,

войдут ли в их число, сохранят ли при этом свои политические потенции и претензии, в какие и чьи концепции попадут. Надобно проверить справедливость утверждения Брюсова (1956: 16-17), что Косинна все ценное заимствовал, а сам ничего не внес в науку, кроме тенденциозных и шовинистических идей.

Что учение Косинны с самого начала создавалось под определенным политическим стимулом, вполне очевидно. Оно должно было внушать немецкому народу сознание несправедливости доставшейся ему доли в империалистическом дележе мира, воспитывать чувства национального превосходства и агрессивные устремления. Это лежит на поверхности. Этого не скрывал и сам Косинна. Западнонемецкие критики также отмечали (обычно вскользь) это обстоятельство, но совершенно упускали из внимания социальную обусловленность этого настроения Косинны, связь со спецификой развития германского империализма. Именно в советской археологической литературе рассмотрена эта сторона дела (Равдоникас 1932; 1935; Артамонов 1937).

В 1888 г. к власти в Германии пришел кайзер Вильгельм II, сторонник пангерманизма. Через два года, в 1890, ушел со своего поста канцлер Бисмарк, который провел объединение Германии, но стремился ограничить это объединение, не включая в него всех немцев Европы, — дабы не восстановить против Германии остальные крупные государства Европы — Россию, Англию. Итак, уже соседи — Франция, Австро-Венгрия и Дания — были задеты. Кайзер же был молод и агрессивен.

В политике кайзера особую остроту приобрел вопрос о территориальных границах Германии. Издавна при попытках перекройки границ дипломаты обращались к так называемому «историческому праву». И не случайно именно в

это время на рубеже XIX-XX вв. именно в германской археологии отыскиваются средства установления древних границ обитания германцев, создается «археология обитания». Случайно лишь то, что это сделал Косинна — так сложилось стечение многих обстоятельств, по отношению к общим закономерностям истории — случайных. При небольших изменениях роль Косинны мог выполнить (может быть, иначе) и кто-то другой. Мы знаем, что у Вирхова были подобные мысли, только он не разработал их в систему. Ратцель создал систему антропогеографии и сформулировал принципы миграционизма в этнологии и культурной антропологии. Его «Антропогеография» выходила с 1882 по 1891 гг. Идеи витали в воздухе Германии.

Но закономерность появления косиннизма имеет и другой план, более широкий. Рубеж XIX и XX веков был переломным моментом в развитии теоретической мысли историков культуры в целом. Четко обозначился кризис эволюционизма. Даниел (Daniel 1950: 239) верно подметил ряд причин этого кризиса (демонстрация одновременности разнотадальных явлений, охват культур всего мира археологическими исследованиями, влияние географии расселения и антропологии, интеграция разных отраслей археологии), но упустил из виду его связь с общим кризисом прогрессивной буржуазной идеологии вообще. Выступления пролетариата и социалистическое революционное движение подорвали веру в безоблачность перспектив и в дальнейший прогресс и подъем буржуазного мира, в закономерность эволюции вообще. Но так как трудно отрицать движение, будучи на подступах к XX веку, то стали подыскивать другое объяснение движению — на месте качественного и количественного роста было подставлено перемещение в пространстве. Одни стали объяснять основные перемены и нововведения миграциями, другие — влияниями. «Нордическая теория» Косинны — не единственная разновидность моноцентрического миграционизма (немало сторонников имел и понтский центр расселения), а моноцентрический (центробежный) миграционизм — не единственная разновидность миграционизма (полицентрическая представлена у Брейля). Трансмиссионизм (нередко называемый диффузионизмом, хотя это не одно и то же) можно рассматривать как функциональную параллель миграционизму — у них схожие методологические основы, поэтому обе теории были выдвинуты, развивались и пришли в упадок одновременно (косинновская разновидность миграционизма, будучи сильно дискредитирована своими политическими приложениями, рушилась на десятилетие раньше других). В этом смысле Брейль, Косинна и Эллиот Смит, несмотря на все свои различия, — порождения одного и того же духа времени.

За всем этим открывается еще и третий план, в котором должны быть рассмотрены работы

Косинны. Это план гносеологический, определяемый последовательностью движения по дороге познания, внутренней логикой развития науки. Поскольку общественная наука как развивающаяся система является подсистемой не только идеологии, но и научного знания в целом, она не только отражает социальные силы, но и обладает определенной относительной автономией, имеет собственные законы развития, внутреннюю логику. Облик теорий определяется взаимодействием всех этих и упомянутых выше факторов. Поскольку Монтелиусом был создан исследовательский механизм прослеживания процессов культурного развития, то дело не могло ограничиться применением этого инструмента только к выявлению относительной возможности преемственности.

Сам Монтелиус эту возможность даже реализовал (Montelius 1888), но мельком, без размаха и концентрации внимания на этом. Интенсивное приложение этого средства к изучению культурно-генетических связей было делом времени и интересов. К началу XIX в. открытые археологические памятники представляли собой немногие далеко разбросанные точки на обширном белом поле. Никакой интерес к географии не мог бы привести к выявлению культурных провинций на этой базе.

К началу XX века поле покрылось густой россыпью открытий, и отдельное рассмотрение по территориям стало возможным. Понятия типа и замкнутого комплекса, разработанные эволюционистами, приучили исследователей фиксировать внимание на повторяемости вещей и их сочетаемости. Распространить эту установку на повторяемость локализации вещей и на сочетаемость их не только в замкнутом комплексе, но и — шире — в одном районе было логически естественным следующим шагом и когда-нибудь должно было произойти. То, что произошло именно в конце XIX — начале XX вв. и осуществилось больше всего в Германии, — результат факторов первого и второго планов. Этим же определен и конкретный облик, который приобрела концепция. По сути, уже Вирхов и Тишлер выделяли «культурные провинции», а Шлиман группировал древности по «цивилизациям»: и Вирхов, и Шлиман связывали их с определенными древними народами (Gummel 1938: 277; Daniel 1950: 243). Одновременно в далекой России тишайший Спицын (1899), картографируя типы височных колец, реконструировал расселение летописных славянских племен. Все это вне зависимости от Косинны, но все без той интенсивности, того размаха и той систематической разработанности, которые придал этим операциям Косинна. Деятельность Косинны стояла в русле логики развития самой археологической науки, наиболее ярко выражая определенное звено логической цепи этого развития.

Следовательно, мы вправе ожидать, что в учении Косинны окажутся какие-то важные ин-

варианты, и вполне правомерен вопрос о содержании, характере и размере вклада Косинны в археологию наших дней. Для советской и восточногерманской (в ГДР) археологии вопрос этот был особенно острым: можно ли говорить о положительном вкладе столь одиозной личности? Но я мог сослаться на классиков марксизма. Ленин (1961: 49) писал о философах и историках прошлого, что они «науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды». По своим основным воззрениям Косинна был несомненным противником марксистской концепции исторического процесса, но было бы ошибкой отвергать все, что он говорил, только потому, что это говорил он, и выдвигать нечто прямо противоположное по этой же причине. Энгельс (1964) писал дочери Маркса: «говорить: **белое**, потому что мой принцип говорит: **черное** — значит просто подчиняться закону своего противника, а это ребяческая политика». Не стоит упрощать. Надо разобраться.

Научное наследие Косинны в настоящее время являет собой весьма пеструю массу утверждений, поучений, деклараций, гипотез и трактовок: «этническое объяснение» (*ethnische Deutung*), ретроспективный метод, северная прародина, превосходство древней германской культуры и нордической расы, длинная хронология, 14 неолитических походов «индогерманцев» и т.д. — все это обычно подставляется выборочно или все скопом под каким-нибудь из примелькавшихся терминов: учение Косинны, косиннизм, «археология обитания», работы «Берлинской школы...»

Запутанность этого нагромождения немало способствовала тому, что, как отметил Гахман, «к идее проверить методологические предпосылки так наз. “метода Косинны” в их полном объеме еще никто не пришел» (Nachmann 1970: 176).

Для более основательной оценки взглядов и утверждений Косинны их нужно рассмотреть в полном объеме и упорядоченном виде. Постараемся проделать эту работу за Косинну — сам он систематизации своих принципов не дал. Не сделал этого и никто из его учеников и критиков.

Вся совокупность научных результатов Косинны и его «берлинской школы» состоит в основном из двух систем положений: **конкретно-фактоведческой** и **принципиально-установочной (методико-методологической)**.

Под **первой** следует разуметь разработанную Косинной и его учениками конкретную источниковедческую трактовку и историческую интерпретацию археологических материалов. В эту систему входят, прежде всего: автохтонность германцев в Северной Европе, ютландско-северогерманская прародина «индогерманцев», вытеснение прафинской культуры «доббертинцев» (маглемозе) в Скандинавию, германская принадлежность культуры «Эллербек» (кьёккен-

меддингов Эртебёлле) и мегалитической культуры воронковидных кубков, выведение саксоторингской шнуровой керамики из ранней балльбергской и датской культуры одиночных погребений, 14 неолитических походов «индогерманцев», связь «индогерманизации» Европы с деятельностью нордической расы, изобретение бронзы в северной Европе и превосходство северных бронз над всеми другими, длинная хронология европейских древностей, иллирийский этнос лужицкой культуры, дуальное деление археологической культуры германцев железного века и т.п. Эти трактовки археологических факторов являются основными в конкретной картине первобытного прошлого, которую рисовал Косинна, опорными для его общих идей.

Отдельные детали картины, создававшейся Косинной и его учениками, у них не раз заменялась. Скажем, мегалиты Косинна вначале выводил из Ютландии и Скандинавии, позже склонялся к приоритету Португалии, лужицкое городище Рёмершанце вначале отдавал иллирийцам (и ожесточенно спорил с Шухардтом), позже признал германским; культуру линейно-ленточной керамики вначале не включал в индоевропейский круг, затем объявил «южными индогерманцами», а позже отказался от этого термина и отнес названную культуру к «несеверному субстратному населению»; зато мегалитическую культуру воронковидных кубков объявил индогерманской, хотя вначале не относил к предкам германцев; и т.д. Ученики тоже позволяли себе заменять некоторые кирпичики из этого здания другими. Здесь сказывались и наращивание методической системы, и накопление новых материалов, и субъективные представления. Еще больше было опровергнуто противниками.

Правда, сам Косинна и его ученики шли на замену лишь второстепенных положений или, если вставал вопрос о слабости более важных, старались заменить их похожими, но более удачными. Противники часто нападали на положения основные, опорные для Косинновских общих идей. Но опровержение еще какого-то или каких-то из этих опорных вряд ли само по себе способно погубить связанную с ним идею — она может найти другие воплощения, не говоря уже о том, что вся сплошная идейная концепция нередко может обойтись и без той или иной частной идеи — одной из составляющих.

Нельзя забывать и о том, что какие-то из конкретных положений Косинны могут ведь и подтвердиться. Отрицать такую возможность и даже вероятность не приходится: некоторые как будто уже и подтверждаются. Так, весьма вероятно длительность обитания германцев в Северной Европе; радиоуглеродные датировки упорно возвращают археологов к длинной хронологии европейских древностей; почему бы и тому или иному из «14 походов» не найти соответствия в новейшей реконструкции неолитичес-

ких миграций, хотя бы в первом приближении?

Как предпосылки построения рассмотренной системы, так и ее значение коренятся во **второй** из указанных систем — в системе принципов и связанных с ними методов исследования и истолкования археологических фактов. Эта вторая система, которую и есть резон называть **учением Косинны** или **косиннизмом**, состоит из двух частей, двух логических рядов. **Первый**

определяет работу в **этнической истории** (решение задач о происхождении и расселении родственных по языку народов, изучение этнических передвижений). **Второй** ряд составляет принципы, определяющие разработку **истории культуры** (исследование движущих сил культурного процесса).

Первый ряд состоит из 9 основных положений.

Б. Косинновские принципы разработки этнической истории — происхождение народов и языковых семей

Шесть из этих положений определяют, как выяснять происхождение народов и языковых семей.

1. Этническое истолкование (ethnische Deutung) археологических культур.

Суть этого принципа сформулирована Косинной в знаменитых правилах: «Резко ограниченные археологические культурные провинции (Kulturprovinzen) во все времена совпадают со вполне определенными народами или народоплеменными общностями (Völker oder Völkerstämmen)» (Kossinna 1911: 3). «Четко ограниченные, резко замкнутые археологические провинции безусловно совпадают с территориями определенных народов и племенных общностей» (Kossinna 1926: 21).

И в лаконичных формулах :

«мое уравнение: культурная группа = народ» (Kossinna 1911: 9).

«уравнение: культурные области — это народоплеменные общности» (Kossinna 1911: 4).

«Наш принцип: территории культур — это территории народов» (Kossinna 1911: 5).

На практике до Косинны из этого принципа исходили Вирхов, Тишлер и др. Сам Косинна доказательств не выдвигал (да их и не требовали!), он только привел перечень примеров (не всегда надежных) из древности и раннего средневековья, а экстраполяцию вывода на первобытные времена считал естественной. Логические доказательства подобрал его ученик Блюме. Он ссылаясь на племенную организацию и первобытную изоляцию. Он же дал и определение «культурной провинции» как «суммы одинаково распространившихся форм культуры» (Blume 1912: 1-7).

Принцип этот требует картографирования находок и превращает его в необходимый прием исследования и доказательства в реконструкции этнической истории (позже стали говорить о «картографическом методе»). Ссылаясь на специфику Центральной Европы, Косинна пишет, что его здесь «Монтелиусов способ доказательства уже не удовлетворяет. Он должен быть пополнен тем, что я ввел в доисторические исследования, — изучением мест обитания (Siedlungskunde), нанесением культур, т. е. всего ... материала находок на карту страны ...» (Kossinna 1911: 8). Требование «карт обитания»

дало и одну из кличек всему направлению (Siedlungsarchäologie).

2. Этническое истолкование культурной преемственности.

«Если надо войти в происхождение германцев, — писал Косинна, — то это возможно только одним единственным изобретенным мною ... очень простым способом. Надо исходить от самых ранних историй засвидетельствованных областей распространения германцев и проследивать век за веком назад (т. е. еще дальше вглубь веков — Л. К.) их границы, частью меняющиеся, частью остающиеся неизменными, пока не дойдем до начала или до препятствия, не дающего продвигаться дальше» (Kossinna 1926: 5). На деле суть «изобретенного мною» способа была сформулирована уже Монтелиусом (Montelius 1888): «преемственность культуры (Kulturkontinuität) указывает на постоянство населения». И для прослеживания этой преемственности не было предложено ничего нового в дополнение к типологическому методу Монтелиуса, лишь потерявшему в новых облегченных приложениях первоначальную строгость. У Косинны лишь был перенесен акцент с хронологических задач на этногенез и более четко, чем у Монтелиуса, сформулирован технический рецепт прослеживания — от поздних времен вглубь веков, получивший впоследствии название **ретроспективного метода**. Прослеживание Косинна начинал не от современности, а, ради экономии, от самого раннего из периодов, освещенных письменной историей, пусть даже не собственной, но хотя бы сообщениями письменных источников (древних авторов) из соседних стран. Таким образом, все движение вглубь веков начиналось с наделения археологических культур именами народов, известными древним авторам, и наделение это производилось в соответствии с географическими, этнографическими и другими сведениями этих авторов.

3. Этническое истолкование типологических соотношений.

Возможность по сходству культур заключать о родстве народов, по различию культур — о неродственности и по степени сходства — о степени родства нигде Косинной не сформулирована, но везде подразумевается и используется. Количественная оценка типологических

сходств или различий даже у Монтелиуса не получила строгого методического воплощения, а уж у Косинны и подавно. Археологическое определение родства не было доведено до уровня строгого метода. Но и в таком виде этот прием позволял Косинне переносить этнические определения с тех групп населения, которые были освещены в письменных источниках (или генетически связаны с таковыми), на те соседние, которые не были освещены, и таким образом заполнять этнические карты первобытной Европы, находить древние границы между крупными этноязыковыми общностями (семьями народов).

В последовательном ряде карт отражались передвижки этих границ, передвижки культур и групп культур.

Все три рассмотренных принципа имеют одну суть: этническое истолкование культурно-исторических связей и общностей в статике и в динамике.

4. Миграционная трактовка распространения культуры.

Косинна (Kossinna 1911: 9-11) подчеркивал, что многие категории культурных явлений, в отличие от вещей, не продаются и не покупаются, и полная передвижка всего состава культуры немыслима без переселения людей (проблему заимствований и диффузии он при этом игнорировал). Этот принцип он заимствовал у Ратцеля. На основании подобных высказываний и под впечатлением пресловутых «14 походов» Косинну принято считать типичным представителем миграционизма. Между тем, миграционизм как общий методический принцип подразумевает тенденцию к тому, чтобы всякое распространение культурных явлений, более того — всякое сходство в культуре разных мест объяснять миграциями. Таков полицентрический миграционизм (например, в известной мере, у Брейля). Миграционизм Косинны относителен и ограничен. Моноцентрический миграционизм Косинны оставляет место и для автохтонного развития, но только одно место — на северной прародине германцев.

«Одним из наиболее ясно познаваемых принципов — писал Косинна, — было для меня, что волны распространения культуры, идущие с юга на север, — это только культурные волны или их характерных частей, направленные на юг, должны рассматриваться как свидетельства переселения народов» (Kossinna 1902: 162). Никаких фактических доказательств, что с севера на юг шла полная передвижка культуры, а с юга на север — неполная, конечно, не было предъявлено.

В методике исследований реализация этого принципа в лучших случаях сводилась к эволюционно-типологическим рядам, положенным на карту.

5. Этническая атрибуция типа.

Исходным для Косинны было романтичес-

кое представление о культуре как эманации народного духа. Согласно этому представлению, в каждом отдельном элементе культуры сказывается этот специфический дух народа, свойственный только ему и недоступный другим. В первобытное время это должно было проявляться особенно ярко из-за слабости межплеменных контактов.

Начав с этнической атрибуции культур, Косинна быстро перешел к этнической атрибуции отдельных типов вещей. Сперва он проводил этот принцип лишь в практике исследований, подспудно, не декларируя в теории и даже отkreщаясь от него в полемике: «Разве ж я когда-либо просто «горшки идентифицировал с народами»?... Разве не рассматривал я всегда в гораздо большей мере скорее целые культуры...?» (Kossinna 1911: 11).

Постепенно, однако, в «Берлинской школе» накапливались опыты этнической атрибуции конкретных типов и некоторые соображения в пользу правомерности такой атрибуции. Поддержка пришла из этнографии, где этот принцип был в 1904 году провозглашен Гребнером (Westphal-Hellbusch 1969: 170).

В 1905 году Косинна определил «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев» (Kossinna 1905). В теоретической работе 1911 года он подчеркивал особое значение керамики для проследивания этнических отношений (Kossinna 1911: 9-11). Его ученик Блюме отмечал: «то, что необходимо для одежды, как фибулы и другие булавки, также часто встречающиеся украшения, оружие и т.п. как раз были, как правило, германскими, постоянными для племени изделиями... Если уж культурные изделия, которые могут распространяться торговлей, все же дают возможность этнографических разграничений, то в еще большей мере это должно относиться к тому достоянию, которое туго идет в торговлю или вовсе не идет. Костюм, устройство дома и поселения наверняка выступали, как правило, в различных племенных разновидностях... В способах обхождения с покойником, в могильном устройстве и снаряжении инвентарем мы находим значительные различия, и здесь часто более резкие границы, чем у предметов, распространяемых торговлей. Так способ погребения иной раз разделяет племена там, где отказывают формы орудий и утвари» (Blume 1912: 5, 7, 8). У учителя и его учеников не было ни тени подозрения, что границы ареалов разных категорий находок и за вычетом импорта могут не совпасть.

В методике исследований приложение этого принципа позволило подставить карты типов (Turpenkarten) вместо карт ареалов культур в качестве карт распространения народов. Это существенно облегчило конструирование миграций, необходимых для развертывания идеи о северной прародине «индогерманцев» (куда не

простирались культуры, шли типы) и было широко использовано в концепции 14 походов...

6. Совмещение народов с расами.

Представление о белокуром длиноголовом арийце с самого начала вдохновляло Косинну, но в его концепции антропологическая аргументация была включена не сразу. В 1902 году он только ссылался на вывод Ляпужа о связи индогерманской языковой общности народов со светлыми нордическим расовым опытом, но не считал возможным жестко увязать частные археологические культуры с расами (Kossinna 1902). Через несколько лет он уже преодолел это препятствие: «с 1908 года, — пишет он в 1911 году, — благодаря Шлицу мы знаем, что каждое более или менее значительное подразделение больших культур обладает собственным расовым подвидом» (Kossinna 1911: 11). Он и сам выпускает несколько работ (Kossinna 1910; 1914; 1921) о связи индогерманцев с нордическим расовым типом. Но лишь в 1924–27 гг.

этот принцип был включен в методологическую систему Косинны и реализован в прослеживании генетических связей (Kossinna 1926). Теперь на тех участках, где в археологическом материале связь между культурами слабеет и обрывается, Косинна стал заполнять брешь, прослеживая расовую связь. Антропология у него подменяет в таких лакунах археологию.

Тезис о принципиальном совпадении археологических культур с расами сам по себе не предполагает непереносимости связи с расовой теорией. Это зависит от того, ищут ли его обоснование в идеях о зависимости облика культуры от биологических особенностей популяции или в представлении о значительной разобщенности древнего человечества. В аргументации Косинны первое постепенно брало вверх над вторым.

Изложенные 6 принципов определяют у Косинны методику исследования проблемы происхождения народов и языковых семей.

В. Этническая история — использование результатов

Продолжение ряда составляют принципы, которыми определяются у Косинны оценка и использование получаемых результатов, а вместе с тем — и дальний прицел исследования.

7. Апелляция к «историческому праву».

Задолго до Косинны в юридических и дипломатических спорах способом обоснования территориальных прав нации и утверждения национальных претензий и амбиций были ссылки на историческую давность обитания. Но обычно экскурс в прошлое ограничивался несколькими предшествующими поколениями или веками, а в поисках свидетельств спорящие обходились письменными документами. Редко сей поиск выдвигался как ведущая задача исследователей, да еще целой школы. Задача эта интересовала Вирхова (Virchow 1984: 74; 1897: 69), но ставилась как попутная и в академической форме. Косинна поставил ее во главу угла, придал откровенно политическое звучание и заменил века тысячелетиями, историческую давность — доисторической, письменные документы — археологическими памятниками. Он призывал «отнять у богатых памятников родной земли их безличность» и определить, «где в нынешней Германии мы имеем в доисторические времена дело с германцами, а где — с не-германцами» (Kossinna 1896: 1). Места последних (кельтов на западе, славян на востоке) оказывались чрезвычайно узкими территориально и хронологически, роль — минимальной. Особенно интересовали Косинну спорные, недавно присоединенные к империи территории на востоке. Для Косинны имел значение не сам факт давности современного обитания, а величина давности появления и длительности обитания, сравнительный подсчет веков и тысячелетий: кто раньше, кто первый, тот законный хозяин.

Это убеждение водило его пером в 1918 — 1919 гг., когда он писал брошюру «Немецкая Восточная марка — исконная родная земля германцев» (Kossinna 1919) и отправлял ее делегатам Версальского конгресса, надеясь повлиять на решение. Затем отыскание все новых территорий, на которых германцы появились раньше современных обитателей, превратилось в увлекательную и весьма азартную игру.

8. Подбор археологических прецедентов современных планов агрессии.

С самого начала возможность подкрепить современные агрессивные политические планы и акции государства, обращаясь за примерами в древнейшее прошлое, широко эксплуатировалась Косинной. Уже кассельский доклад был опубликован со следующей концовкой: «Немецкая народная сущность и немецкая культура с их полным сил превосходством не нуждаются в том, чтобы обращаться за поддержкой их дальнейшего распространения или даже за гарантией их прочности к титулу обладателя доисторических тысячелетий. ...Нас, немцев, а с нами и всех других членов германского племени, может, однако, лишь наполнять гордостью и мы должны изумляться силе маленького северного пранарода, когда мы видим, как его сыновья в первобытности и древности завоевали всю Скандинавию и Германию, а в средние века распространились по Европе, в новое время — по далеким частям света» (Kossinna 1896: 14). «Завоевали», «распространились» — вот что оказывается исторической константой германцев. Косинна здесь извлекает стимул для национальной гордости. Но национальная гордость не беспредметна и не бесцельна. **Чем** предлагает Косинна гордиться «нам, немцам, а с нами и всем другим членам германского племени»? Завое-

ваниями. **Зачем**, однако, надо пробуждать *такую* национальную гордость? Для «дальнейшего распространения». А распространение культуры с севера шло, как гласит закон Косинны, только в порядке переселений, миграций, переселения же трактуется только как завоевания, походы.

9. Доктрина первородства.

Гипотезу о северной прародине «индогерманцев» Косинна (Kossinna 1912) потому с такой яростью «отобрал» у Муха (оспорив приоритет), что увидел в ней средство для утверждения особого места германцев среди других индоевропейских народов, особой роли Германии в истории. По этой гипотезе, только германцы остались сидеть на старых землях, унаследовав родительский очаг, и сберегли поэтому в наибольшей чи-

стоте культурное достояние предков. Это означает, что только германцы являются прямыми потомками и продолжателями тех, кто осуществлял «индогерманизацию» остальных территорий. Старшинство, привилегии и обязанности первенца, второстепенность «бастардов» — все это были ходячие представления, так что разъяснить аналогии не было надобности.

Три рассмотренных положения Косинны определяли выход его концепции этногенеза в политику. Ими завершается первый ряд Косинновских методологических принципов, который, собственно, и заслуживает наименования «археологии обитания» (Siedlungsarchäologie) в узком смысле, хотя сам Косинна распространял этот термин на всю свою методическую систему.

Г. Принципы изучения истории культуры

Между тем, остальные принципы — образующие второй ряд — не связаны непосредственно ни с задачами изучения этнических границ и территорий обитания, ни с соответствующими картами, ни вообще с территориальным аспектом археологии. Связь второго ряда с первым проходит через политический и биологизаторский узлы концепции. Принципы второго ряда (их 4) имеют дело с изучением прогресса культуры, движущих сил развития общества.

10. Декларация культуртрегерской миссии.

В основе лежит традиционное для тогдашней немецкой науки деление народов на «культурные» (исторические, творческие) и «природные» (близкие к животному состоянию). Германцы, конечно, были всегда Kulturvolk, не Naturvolk. Они несли культуру при своих завоеваниях во все стороны, были всегда культуртрегерами. Этим завоевания объясняются, оправдываются и подтверждаются. Пропаганда древнего культурного превосходства своего народа над всеми другими Косинна посвятил вышедшую накануне войны популярную книжку «Немецкая археология — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912a), а затем создал более короткую откровенную агитку «Древнегерманская культурная высота» (Kossinna 1919). Сравнительная оценка культурного уровня народов в ту или иную эпоху переносится из академических сопоставлений в сферу бурных эмоций и политики. «Отрицательные» оценки (например, утверждение, что древние германцы были варварами) воспринимаются как порочащие, враждебные, клеветнические выпады, доказательство противоположного — как священный долг и дело чести ученых. При этом речь идет не только о том, чтобы доказать, что древние германцы были не хуже других народов, а о том, чтобы доказать, что они были лучше, выше, культурнее всех других.

Для достижения этого вывода применяется несколько методических приемов:

1) Аккумуляция приоритетов и суперприоритетов — старательное накопление реальных или мнимых фактов о первенстве германцев в чем-либо: первыми взнуздали лошадь, создали лучшие в Европе бронзы и т.п.

2) Гиперболизация этих фактов и их значения — вплоть до фантастических размеров — при одновременном преуменьшении и замалчивании фактов противоположного характера (например, о внешних влияниях на германцев): алфавит изобрели не финикийцы, а европейцы каменного века; «величие германской спиральной орнаментации» (Kossinna 1912a) и т.п.

3) Генерализация и абсолютизация полученных выводов: «Германцы со времен первобытности — телесно, духовно и морально высоко стоящий народ»; «вандализм» — гнусная выдумка: разве могли так поступать «те германцы, которых преследовала сильнейшая жажда культуры, как это примечательно показывают все их племена без исключения при завоевании римских провинций» (Kossinna 1912a: 3) и т.п.

11. Наложение прошлого на современность.

Признание постоянства национальных особенностей и устойчивости культурных традиций было важно для распространения вывода предшествующего тезиса на современных немцев: «таковы же мы и сейчас», «так было и у германцев, так и **должно** было у них всегда быть» (Kossinna 1912a: 82). Развитие культуры, прогресс отрицаются или сводятся к несущественным, чисто внешним, формальным переменам. Современные немцы отождествляются с древними германцами.

А так как в первобытном обществе благодаря большей обособленности народы и культуры были чище и их особенности выступали в более ярком и самобытном виде, то и познать современные народы и культуры можно лучше всего по их предковым, первобытным формам. Отсюда — особое значение первобытной архе-

ологии для познания современных народов и, следовательно, для решения современных проблем. «... Все, что мы в этих кругах еще ожидаем от германства, — все это содержалось в нем изначально... Откуда нам, однако, лучше узнать наших предков, как не из их древнейшего и доступнейшего проявления? То есть из доисторического прошлого! И каким путем чище, чем из рассмотрения их собственных творений на родине?» (Kossinna 1912a: V).

12. Биологический детерминизм (расизм).

С самого начала дух нордического расизма присутствовал в учении Косинны. Но органической частью в структуру учения расовая теория была включена не сразу, из-за затруднений в увязке культур с расами. Ведь если для увязки культур с расами не обязательно принимать расизм, то для утверждения расизма увязка культур с расами, по-видимому, более важна, а уж тем более удобна она для внедрения расизма в археологию. В Кассельском докладе кооперация с нордическим расизмом лишь подготавливается — не столько различной интерпретацией культурных потоков (с юга диффузия, с севера миграция), сколько общей направленностью работы (совпадение некоторых косвенных и необязательных положений, например, о древности германцев в Северной Европе). В работе 1902 г. Косинна уже прямо ссылается на проповедников нордического расизма Ляпужа и Зиглина, однако воздерживается от жесткой увязки культур с расами. Вслед за работой Шлица (Schlitz 1908) начинают выходить специальные работы самого Косинны о связи индогерманцев с нордическим расовым типом (Kossinna 1910; 1914; 1921). В книге о «чрезвычайно национальной» преистории и в некрологе о Блюме (Kossinna 1912b) расистский колорит уже явно выступает в отдельных высказываниях, в выражениях типа: «среднеевропейская кровь», «расовый капитал», «кровь и определяет душу», «ценность истинно-германской крови» и т.п.

Собственно, идеи уже налицо. Но только с расами концепция была включена в методическую систему Косинны. Вот когда расовая теория в виде развернутых разработок вошла в структуру всего учения Косинны как объяснение многих положений, а тем самым как объединяющее звено всей концепции. Признание биологической обусловленности духовных качеств и культурных достижений подвело теоретическую базу под увязку культур с расами, а установление неравноценности рас, деление на высшие и низшие, принцип изначально превосходства нордической расы над всеми остальными пригодились для объяснения культурного превосходства древних германцев, а заодно — и завоеванных успехов германских культуртрегеров. Наконец, тезис о неизменности расовых признаков позволил объяснить постоянство этнических особенностей и устойчивость культурных традиций.

13. Извлечение идеалов и прямых уроков из археологии.

Косинна открыто провозглашал установку на политико-воспитательное использование культурных норм, оценок и традиций, восстанавливаемых археологией. Он не скрывал, что возвеличивание и восхваление древних германцев, проповедь их культурного, а затем и расового превосходства предпринимает для «напоминания о всемирно-историческом призвании наших племен» — тех самых, которые уже сумели одержать «в конце римского времени завоевать мир» (Kossinna 1912a: 82), а затем «все больше становились во главе европейской и, наконец, мировой культуры» (Kossinna 1912a: V). И заключил: «Вот то великое, что возвещает доисторическая археология» (Kossinna 1912a: 82) и к чему она должна «пробуждать воодушевление»... (Kossinna 1912a: 86).

Методика формирования идеалов и взглядов на мир из археологических образов сводилась к нагромождению упрощений: примитивные аналогии, прямые увязки разнородных фактов, прыжки через тысячелетия. Но изобретательность Косинны в отыскании поводов для таких манипуляций очень велика.

Почему, например, в эпоху бронзы германцы не сопровождали покойных сосудами с пищей, а лишь оружием и украшениями? Потому что «геройский дух, проявлявшийся германцем в любых жизненных ситуациях, сказывался также и в том, что именно только в полном вооружении германец вступал в неведомый мир... При этом они отрекались от предусмотрительных забот о повседневных нуждах, ибо герою все это должно приходиться само...

И кому не припомнится в этой связи героический, отрешенный всякой заботы о земных вещах способ, которым некогда команда нашей канонерки «Ильтис» при тайфуне на китайском берегу встретила свои последние минуты? Ну, а теперь свидетельства древнегерманского духа в мировой войне!» (Kossinna 1941: 59).

Иное дело славяне. О древних славянах сказано: «Они тогда уже исповедывали большевизм, смягченный невозможностью скоплений и жалким отсутствием потребностей, большевизм, который у германцев, требовавших везде, даже на войне, законности и права, вызывал только глубокое отвращение» (Kossinna 1940: 19).

Этим прямым выходом в политику завершается второй ряд принципов, входящих в методологическую систему Косинны. По аналогии с названием первого, этот можно было бы назвать «археологией культурной высоты» (Kulturhöhearchäologie). Он-то и был охарактеризован самим Косинной как «чрезвычайно национальная археология». Оба эти ряда в совокупности — 13 принципиально-методических положений, так сказать «чертова дюжина», — составляет методологическую систему Косинны — то, что и есть смысл назвать: косиннизм.

Д. Критики Косинны

Вот теперь любопытно будет проверить, какие же из этих догм подвергались критике со стороны того или иного противника косиннизма. Иными словами, кто и за что критиковал Косинну.

1. **Ранние критики** еще на рубеже XIX и XX веков — Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес — направили свой скепсис на первые пять догм, то есть на этническое использование археологических фактов и на прослеживание древних миграций. Но это вполне понятно: именно с этого и начинался косиннизм, прочие догмы были разработаны позднее. Корифеи тогдашней науки отметили слабость методов, примененных Косинной, бездоказательность положений, скудость фактов. «С такими аргументами, которые приводят-ся в пользу длительного заселения берегов Балтики индогерманцами, — заявил Эд. Мейер, — можно доказать преемственность населения почти для каждой страны на свете» (Meyer 1907: 55, 537, 735, 787, 800). Австриец Гёрнес (Hoernes 1903) написал, что готов был бы принять «эту упрощенную идентификацию доисторических горшков с историческими племенами за шутку,... пародию, если бы не святая серьезность автора». Шрадер выдвинул пять обвинений, указывая на:

1) «бездоказательные отождествления известных культурных районов с определенными народами, особенно — с пранародом индогерманцев»;

2) «объяснение различных культурных групп переселениями народов (а не, скажем, торговлей или передачей культуры)»;

3) отсутствие доказательств, что переселения шли с Севера на Юг и с Запада на Восток, а не в противоположном направлении;

4) скудость фактического материала;

5) происхождение материала «почти исключительно из Западной половины Европы» (Schraeder 1906-1907, II: 472-473).

Как видим, отзывы суровые, но лаконичные — опять же естественно: трудно было бы требовать обстоятельного критического разбора слабо разработанных и декларативно предъявленных положений. Косинна отвечал бранью (Kossinna 1906: 6-14).

Осторожными и узко ограниченными были возражения Рейнеке (Reinecke 1912). Баварский мэтр указывал на слабость фактологической базы для таких построений — шаткость хронологии, спорность культурно-типологической группировки и обилие белых пятен. Однако обстоятельный разбор Косинны все же был сделан в этот ранний период, но не в Германии, а в Польше. Он был сделан в блестящей по форме и основательной по содержанию статье Маевского (Majewski 1905) — первого польского критика Косинны, впоследствии заслоненного в критике другим польским археологом, учеником Косинны.

Объектом критического разбора послужила статья «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный». Маевский перевел ее целиком на польский язык и абзац за абзацем проанализировал в подстрочных комментариях. Иногда его контраргументы фактологического плана ошибочны (например, отрицание культур линейно-ленточной и шнуровой керамики) или спорны (отрицание миграций из Северной Европы), но сила его критики не в фактологических возражениях, а в методологических. Он верно оценил и политическую установку Косинны (раздувание шовинизма в немецком обществе), но сконцентрировал критику на методологических вопросах.

Маевский констатировал, что индоевропейская проблема «вообще еще не созрела для сколько-нибудь уверенного решения: исходных данных недостаточно». Не то скверно, что Косинна взялся доказывать ту, а не эту колыбель «индогерманцев», а то, что — методами, которые в науке непозволительны. Три коренные ошибки усматривает Маевский в рассуждениях Косинны:

1) отправным пунктом служат идеи, а не факты (пример: различный подход к объяснению достижений с севера и с юга),

2) археология объявлена главным и даже единственным средством решения явно лингвистической проблемы,

3) отсутствие строгих правил: сходство типов толкуется по произволу — то как свидетельство этнической общности, то — лишь культурной.

Взгляды Маевского на интеграцию наук предвосхитили позднейшую западногерманскую критику. Маевский отвергает априорное совмещение культур с этносами и языками, не принимает и уравнивания нордической расы с индоевропейцами — все это смешивание разноплановых понятий. Исследовательскую задачу Маевский предлагает разделить и сначала решать раздельно по наукам: «Сначала надо стремиться к расшифровке чисто археологической стороны остатков прошлого, а лишь когда будет точно определено их археологическое значение, можно будет приступить к подстановке под археологические понятия этнологических понятий. Тогда эта вторая работа будет благодарной, методичной и выполнимой» (Majewski 1905: 144).

Но даже если отвлечься от перечисленных грехов Косинны, если бы даже эти его установки были правомерны, то в основе всей его концепции остаются другие недоказанные допущения. Косинна делит неолитическое население Европы на «народ шаровидных амфор», «народ линейно-ленточной керамики», «народ шнуровой керамики» и т.д. Он объявляет первый из них северным по происхождению и индоевропейским по языку, остальным в этом отказывая,

и прослеживает его расселение во все стороны. Но требовалось бы доказать,

а) что выделенные в археологическом материале культурные районы реальны,

б) что их этнические идентификации удачны,

в) что в них и между ними проходили именно те процессы, о которых говорит Косинна.

Между тем, в неолите еще слишком много спорного, хронология недостоверна (шнуровую керамику сам же Косинна помещает то перед линейно-ленточной, то после), правильность выделения ряда культурных групп оспаривается (например, рёссенской). Порочен метод манипулирования отдельными типами вещей. Шаровидные амфоры могли распространиться не только переселением народа, но и в порядке обмена и т.п., притом в любом направлении. Кто бы осмелился по греческим амфорам или римским монетам реконструировать переселение греков или романизацию Германии? «Что же остается от основ Косинны? Немного или вовсе ничего. Его археологические группы и районы неизвестно чем были, неизвестно даже были или нет» (*szem sa, czy sa*). Если бы мы не должны были бы различать предметы и метод, то и беспорядочные удары по фортепиано (*bicie w fortepian*) были бы музыкой, но ведь такую музыку мы называем какофонией». И Маевский окрестил работу Косинны (кстати, любившего играть на фортепиано), «какофонией в области археологии» (Majewski 1905: 95).

Маевский — единственный ранний критик, которому Косинна ничего не ответил. Трудно сказать, потому ли, что Маевский критиковал на польском языке, или потому, что отвечать было затруднительно.

В самой Германии традиция скептического отношения к Косинне, занятая первыми критиками, нашла продолжение в дальнейших кратких высказываниях такого влиятельного авторитета как Пауль Рейнеке (Reinecke 1906), а затем была четко выражена в очень систематичной книге Якоб-Фризена о теоретических основах и методах археологии (Jacob-Friesen 1928). Якоб-Фризен резко отверг обыкновение смешивать и отождествлять понятия и задачи разных наук. Он призвал оставить расы антропологам, народы — этнографам, праязыки, пранароды и прародины — лингвистам. Археологи же должны заняться кругами форм, соотношения которых даже только с культурными кругами сложны и неоднозначны. Якоб-Фризен привел сводку аргументов антропологов против расовой теории в самой антропологии и указал на выступления в языкознании против теории праязыка (в том числе сослался и на Марра). В книге были также осуждены политические приложения археологических выводов об автохтонности, древних границах и т.п. — с чьей бы стороны такие приложения не делались: германской или славянской. «Расовая философия, — писал Якоб-Фризен, — в наши дни откристаллизовалась в

расовый фанатизм и даже внесена в политику. Многие непрофессионалы бросаются антропологическими понятиями, смысл которых они едва ли поняли, значение которых в здании науки они ни на йоту не могут взвесить» (Jacob-Friesen 1928: 35). В целом книга Якоб-Фризена была последним до войны крупным критическим выступлением против Косинны в Германии и самым глубоким из всех прижизненных по отношению к Косинне. Якобу-Фризену через несколько лет последовал Цейсс, убедительно опровергший попытки Косинны, Кюна и Прейделя узнавать племена по фибулам (Zeiß 1930; 1931).

Вскоре после того как нацисты пришли к власти в Германии, умерший незадолго до этого Косинна был посмертно беатифицирован в нацистской идеологии, а выступления против косиннизма подверглись преследованию и стали чрезвычайно опасными для критиков. Книга Якоб-Фризена была осуждена в партийной печати (Hülle 1935), а сам он отстранен от многих постов, кроме руководства Ганноверским музеем, где, однако, к нему был приставлен инспектор-эсэсовец (Zylmann 1956).

Все же отдельные критические выступления, по более узкому фронту, имели место. Так, профессор Карл Клемен из Бонна в газетных статьях 1935-1937 гг. отрицал автохтонность индогерманцев в Средней Европе и выводил их с востока (Clemen 1935; 1937). В 1936 г. даже был выпущен в Кёльне сборник в честь Пауля Клемена, содержащий статьи ряда авторов (в том числе Керстена и фон Услара) с изъятиями неприятия некоторых идей Косинны (Clemen-Festschrift 1936). Сборник вызвал резкую отповедь в «Маннусе» (Stampfuß 1937). В 1937 г. вышел школьный учебник по археологии Ганса Филиппа (Philipp 1937), молодого автора, не поддававшегося воздействию косиннизма, — опять же роковая отповедь в «Маннусе» (Frenzel 1937). Открытая критика явно угасала.

И лишь один критик в Германии продолжал изъяснять свою оппозицию Косинне открыто и во весь голос. Это Карл Шухардт.

2. **Перепалка с Шухардтом** разгорелась со времени раскола первобытной археологии Германии (1909 г.) на группу «Маннуса», возглавленную Косинной, и группу «Преисторише Цейтшрифт», консолидированную вокруг Шухардта, и продолжалась громогласно около десятилетия. Затем Шухардт продолжал более спокойно критиковать работы Косинны, также и после смерти последнего — в 30-е годы (Schuchhardt 1913; 1926: 200; 1928: X; 1934: III, V).

В основе этой перепалки лежали вовсе не случайные расхождения толкований и не только личная неприязнь и конкурентная борьба, но и некоторые принципиальные разногласия. Однако лишь яростность и громогласность перепалки придавали последним видимость значительных и широких. На деле они были весьма

ограниченными.

Идею совпадения археологических культур с этносами Шухардт принял (Schuchhardt 1926: 132), только исключая из признаков этноса язык. Совпадение культур с языковыми общностями он не считал обязательным (ibid. 3). Соответственно рассматривался и вопрос о преемственности (ibid. 8-9). Ретроспективный метод Шухардт отвергал (ibid. 280), но лишь как метод изложения, исследовательская суть этого метода (проецирование современных этносов и их родственных отношений на карту первобытных культур) оставалась и для Шухардта вполне приемлемой (Schuchhardt 1919: VIII-IX). Принцип этнического истолкования типологических соотношений (ср. третью догму Косинны) Шухардт даже разработал более полно и последовательно, чем Косинна, исходя из тех же предпосылок (понимание культуры как эманации народного духа) и используя в этом плане понятие «стиля». «Я хотел... показать именно стиль в культурах и типах, — заявлял Шухардт, — ибо именно по нему скорее всего можно узнать большие линии развития: дуализм древней Европы» (Schuchhardt 1926: X).

Таким образом, как раз те догмы Косинны, которые вызывали скептические насмешки ранних критиков, Шухардт в основном одобрил и даже развил. Зато Шухардт, хоть и лаконично, но решительно отверг шестую догму — совмещение народов и культур с расами: «Народ — не раса», — заявил он (Schuchhardt 1926: 3). В преистории он отмечал «часто полное расовое смешение» (ibid. 279); «расовая общность отступает на второй план за народной общностью» (ibid. 3); и т.п.

Чтобы понять, почему такая радикальность оказалась возможной в Третьем Рейхе и не вызвала гонений на Шухардта, надо вспомнить, что после прихода к власти нацистское руководство встало перед задачей национальной консолидации всех немцев в подготовке к близкой тотальной войне (ср. Schuchhardt 1934: 363). Перед лицом этой задачи воспринятый Косинной архаичный расизм гюнтеровского толка, с его резким противопоставлением северных немцев южным, оказался не совсем уместным и был отодвинут на задний план в пропагандистском арсенале. Этому соответствовала и произведенная Шухардтом (Schuchhardt 1926: 282-284; 1934: 34) передвижка очага праиндогерманцев из Северной Германии и Скандинавии в Центральную Германию (ср. другое объяснение мотивов этой передвижки у Артамонова — Артамонов 1947). В обстановке, когда нацистский Рейх вознамерился сколотить и возглавить интеграцию всего европейского Запада против большевистского Востока и временами искал союзников на Западе, более академичные и широкие шухардтовские идеализации первобытных европейцев пришлись больше ко двору, чем узкий нордический фанатизм Косинны.

Отошел ли Шухардт вовсе от расизма в своих трудах? Ни в коей мере. Мы находим у него типичные противопоставления высших народов низшим, только с другой конкретизацией: не одних лишь северных германцев всем остальным людям — от испанцев до жителей Южной Германии, как у Косинны, а германцев вкупе с западными соседями восточным соседям — прежде всего славянам (Schuchhardt 1926: VII, 281). «Первоначальное родство Запада и Севера можно узнать еще сегодня» (ibid. 280). Что же касается славянского мира, то «эти страны в те ранние времена не имели еще вовсе какой-либо собственной и единой культуры» (ibid. 284). Налицо и объяснение культурных традиций биологическими особенностями: «национальная кровь, однако, взяла свое и показывает... прежний народ на прежнем месте» (Schuchhardt 1919: 298), под чуждыми, наносными культурными формами «решительно пульсирует старая национальная кровь, говорящая о себе весьма ясно». Пусть не чистая, а смешанная, но — кровь. Есть у Шухардта и обращения к миграционному рецепту (Schuchhardt 1926: 2), и апология древних германских завоеваний (ibid. VIII; 1934: 363), и т.п. Можно было бы привести разительные соответствия принципиальных высказываний Шухардта почти всем теоретическим догмам Косинны. За некоторыми исключениями (особенно в вопросе о синтезе наук) немногим различались и методы: Шухардт был лишь обстоятельнее, осторожнее и вежливее Косинны.

Итак, теоретические взгляды Шухардта, которого сейчас нередко изображают не только оппонентом и врагом, но и антиподом Косинны (ср. Eggers 1959), оказываются на поверку всего лишь академическим и модернизированным вариантом косиннизма. Лишь его критика шестой догмы Косинны подтачивала основы косиннизма, но она-то как раз была сугубо лаконичной. В остальном же критическая деятельность Шухардта была направлена на упрочение позиций косиннизма, и руководящая работа Шухардта в организациях нацистских археологов не расходилась с этим направлением (Andree 1969: 129-130). Фигуру Шухардта не стоит идеализировать.

3. От вспышки националистических страстей, сопровождавших первую мировую войну, разгорелась **польско-немецкая археологическая баталия**, в основном вокруг конкретизации седьмого принципа Косинны. Этот принцип (апелляция к историческому праву), завершая логическую цепь предшествующего ряда догм, выливался в археологическое обоснование прав Германии на Силезию, Поморье и Великопольшу. С польской стороны борьбу возглавил ученик Косинны Юзеф Костшевский. В основу дискуссии легли две работы: брошюра Косинны «Немецкая Восточная марка — исконная родина германцев» (Kossinna 1918) и книга Костшев-

ского «Великопольша в доисторические времена» (два первых издания следовали быстро одно за другим: Kostrzewski 1914; 1923). Костшевский осуществил то, что предсказывал Эд. Мейер: методами Косинны построил систему доказательств постоянства обитания славян на землях, о которых шел спор, то есть построил по соседству с германской секвенцией культур другую, исключив из нее германцев.

Костшевскому возразил другой последователь Косинны Болько фон Рихтгофен брошюрой: «Принадлежит ли Восточная Германия к исконной родине поляков. Критика методов преисторического исследования в Познанском университете» (Richthofen 1923). Костшевский отпарировал яркой критической статьей «О наших правах на Силезию в свете преистории этой области» (Kostrzewski 1927). На это Рихтгофен переиздал свою брошюру (Richthofen 1929) и написал статью: «Является ли Познань прапольской страной?» (Richthofen 1929a). Костшевский ответил критическим разбором этой брошюры: «Исследование преистории и политика. Ответ на сочинение д-ра Болько фон Рихтгофена...» (Kostrzewski 1930). Немедленно последовал контрвыпад Рихтгофена: «Исследование преистории и политика. Слово возражения д-ру Ю.Костшевскому» (Richthofen 1929b). и т.д.

В ходе полемики у Костшевского вырывались фразы такого рода: «Польша не имеет ничего, что она могла бы отдать немцам, но она должна отобрать от них еще значительную часть чисто польской страны» (цит. по: Ostlandsberichte 1928: 4). (Само собой разумеется, что нынешнее вхождение этих территорий в состав Польского государства оправдано вовсе не славянской принадлежностью Лужицкой культуры и т.п., а событиями Второй мировой войны и задачами ликвидации очага агрессии в Европе).

Вся последующая научная деятельность Ю.Костшевского, приведшая к созданию фундаментальных трудов и образованию целой школы польских археологов, протекала под выкованным в этой баталии девизом: обосновать права поляков на указанные районы археологическими средствами — построением неразрывной цепочки культур от современной польской до каменного века (ср. «Преистория Польского Поморья», 1936; «Лужицкая культура в Поморье», 1958; «Проблема преемственности обитания на польских землях», 1960, и др. — Kostrzewski 1936; 1958; 1960).

Совершенно очевидно, что критика взглядов Косинны со стороны Костшевского была узко ограниченной и не носила принципиального характера. Методические позиции Костшевского носят отчетливое тавро школы Косинны. В польской печати понимание этого обстоятельства выражено уже в самом заголовке резкой и несколько односторонней статьи В. Антоневича «Юзеф Костшевский следом за Рихтгофеном» (Antoniewicz 1950). Все же критическая

работа Костшевского нанесла значительный урон авторитету косиннизма. Этот урон заключался в том, что

1) была наглядно и фундаментально продемонстрирована нестрогость методов, раз они допускают такую свободу построений;

2) была впервые обнажена империалистическая подоплека установок и целей косиннизма — притом (взаимными разоблачениями) с обеих сторон (что было немедленно отмечено в советской печати В. И. Равдоникасом — 1932);

3) была расшатана важнейшая для всей баталии восьмая догма Косинны. Правда, ни Костшевский, ни Рихтгофен не подвергали сомнению ее правомерность в принципе, они лишь оспаривали законность и правильность ее конкретизаций, но так как обе конкретизации были вполне последовательными, то доводы автоматически обращались и против самого принципа. Понимание этого было реализовано в блестящей статье Р. Якимовича (Jakimowicz 1929) в главе «О политическом значении доисторических находок».

Якимович очень трезво подошел к делу и показал несостоятельность самого принципа «исторического права», на который опирались Косинна и его немецкие последователи. «Дело касается у них того, — писал Якимович, — чтобы доказать, что германцы заселяли область Средней Европы до славян и что вследствие этого подчинение и истребление славян на Эльбе и Одере огнем и мечом было делом вполне справедливым и обоснованным. Согласно таким взглядам, немцы имеют право на эту страну как наследники старых традиций и старых прав отдельных германских племен. Это утверждение не допускает строго научного обоснования».

Вот именно! В этом-то суть дела, и Якимович, кажется, первым среди археологов отметил слабость этого устоя в концепции косиннизма.

«Но так называемый Drang nach Osten, — с иронией продолжал он, — открыто находит здесь сильную опору. Когда немецкая доисторическая наука доказывает, что нынешние чисто польские страны на Висле и Буге и даже области, лежащие еще дальше на восток, в эпоху до славян находились под господством германских племен, то на этом основании считается необходимым отнять эти страны у славян и возвратить их законным владельцам». И далее следуют высказывания, демонстрирующие коренное расхождение с Костшевским в выборе путей критики: «Мы не будем следовать немцам в обосновании нашего права на нашу страну при помощи доводов из области доистории. Мы имеем живое право, опирающееся на язык населения, которое живет в нашей стране и живет не со вчерашнего дня... Мы предоставляем другим их мнимонаучные обоснования, которые в будущем только поднимут их самих на смех... Как мало серьезно выглядят те «ученые» требования, которые опираются на время заселе-

ния. Может быть, бог создал немцев в области Вислы? Никто не жил до них в Средней Европе?... Путь, избранный большинством немецких доисториков, неверен и неправилен. Мы должны поднять брошенную перчатку только с той целью, чтобы показать всю несостоятельность подобного рода работ... При этом выводы доисторической науки не будут оружием нападения, но только оружием защиты» (Jakimowicz 1929: 16-18).

Эта линия критики совпадала с позициями тех советских историков, которые опирались на известное высказывание Маркса об абсурдности «исторического права». Маркс писал об Эльзасе и Лотарингии (немецкое «историческое право» на них, кстати, позже отстаивал Шухардт):

«Территория этих провинций некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Поэтому эта территория с ее населением, видимо, должна быть конфискована как не теряющая давности немецкая собственность. Если восстанавливать старую карту Европы согласно капризам любителей старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский в качестве прусского владетельного князя был вассалом Польской республики» (Маркс 1960: 276).

Принцип «исторического права» время от времени всплывает и в современной дипломатии — в недавнем прошлом его выдвигали реваншистские круги ФРГ и Японии, на нем замешаны споры арабов с Израилем, то и дело о нем вспоминают в разных местах на Балканах. Историкам уготовляется роль, которую для них давно уже наметил Фридрих II Прусский: оправдывать агрессию, основываясь на принципе «исторического права», в модернизированном варианте — с углублением в археологию. Фальсификации при этом возможны, но не обязательны. Суть дела не в их наличии или отсутствии, а в порочности самого принципа, который требует игнорировать «живое право», продолжающуюся традицию, патриотические чувства последних поколений, историческую реальность и приспособлен к обоснованию перекройки карт: почти у всякого народа бывали периоды, когда он жил и на других землях. Мало ли, что жил! Не все, что было в истории, возможно и нужно восстановить. Особенно если восстановление несет бедствия народам.

4. По способу и результатам с критической деятельностью Костшевского были схожи антикосинновские разработки более древних материалов, предложенные **рядом других известных европейских ученых** — Чайлдом, Борковским, Сулимирским. Начиная с 30-х годов, эти археологи не только отвергли принцип обязательной восточной или южной направленности миграций (четвертая догма Косинны), но и реконструировали на тех же материалах и теми же методами противоположно направленные миграции в позднем неолите как основу для

самого дорогого Косинне события — расселения индоевропейцев. Исходным очагом расселения были избраны понтийские степи, а основным направлением — с юго-востока на северо-запад. Принцип истолкования сходств и перемен оставался в значительной мере тем же, что у Косинны (за исключением неперменной направленности) (Childe 1926; Borkowskyj 1933; Sulimirski 1933). Методика доказательств миграции оставалась почти той же, что у Косинны. Косинновские походы индогерманцев были как бы вывернуты наизнанку. (Но Чайлд не принимал ни пятой, ни шестой догм Косинны).

Главным аргументом для всей операции послужил переход на короткую хронологию центральноевропейского неолита, но сам же Чайлд признавал, что эта хронология имеет не больше оснований, чем длинная, и что он предпочел короткую лишь по общим соображениям, субъективно (Чайлд 1952: 175-177, 452). При такой ситуации антикосинновская концепция расселения индоевропейцев побеждала лишь в тех кругах, которые и без того были настроены против выводов Косинны. В значительной мере это определялось политической расстановкой сил и национальной принадлежностью археологов. После войны в связи с общим крахом нацистской идеологии и с, казалось, окончательным научным упрочнением короткой хронологии понтийская концепция оказалась почти общепринятой, хотя новых конкретных доказательств не прибавилось. Новые опыты конкретной разработки этой концепции (Gimbutas 1956: 150-152; Брюсов 1961 и др.) не превосходили прежние ни фундаментальностью, ни строгостью методики, а скорее уступали им (Брюсов применял здесь с небольшими поправками все пять первых принципов Косинны), и уже явно уступали в злободневности критического запала; к тому времени наукой были уже накоплены более глубокие способы критической оценки методических принципов Косинны, чем простая и к тому же непреднамеренная дискредитация их расходящимися результатами применения. Авторы-то строили свои миграции не в виде пародии, а с той же «святой серьезностью», над которой иронизировал Гёрнес!

Чайлд продолжал традицию Софуса Мюллера в диффузионистской интерпретации культурных соотношений Центральной и Северной Европы с Ближним Востоком под девизом «Ex Oriente lux» (Childe 1925; 1929; 1930). Хотя и у Чайлда не обошлось (особенно вначале) без преувеличений и абсолютизации идеи диффузии культурных достижений с Юго-Востока, но в значительной части эта концепция была у него обоснована гораздо серьезнее, чем у его предшественников. Эта деятельность Чайлда имела большое значение в опровержении косинновской доктрины превосходства и культуртрегерской миссии германцев, хотя диффузионисты и не выступали непосредственно против самой

идеи культуртрегерства и деления народов на цивилизаторов и цивилизуемых (десятая догма Косинны).

5. Принципиально новые основы критики косиннизма представила «теория стадиальности», построенная **советскими археологами** в течение десятилетия с середины 20-х по середину 30-х годов в результате внедрения в археологию идей марксизма. Амброз (1969: 267), сравнивая два направления критики косиннизма — западнонемецкое и советское, — пришел к впечатлению, что советские ученые критиковали больше политические основы концепции Косинны, тогда как западно-немецкие ученые стали пересматривать методические корни ошибок Косинны. С аналогичным впечатлением связано и утверждение Монгайта (1967), что серьезная критика учения Косинны началась только после конца II мировой войны. Это мнение нуждается в существенных коррективах.

«Теория стадиальности» полностью отвергла этнический характер культур, не говоря уж о типах, а также роль этнической преемственности в формировании культур и народов и в определении культурных сходств. На первый план были выдвинуты экономические и социально-политические факторы, а в объяснении сходств на место родства было поставлено совпадение по уровню развития — синстадиальность. В проведении этого принципа адепты «теории стадиальности» впали в сугубые преувеличения и абсолютизацию, но все же нельзя забывать, что именно с позиций «теории стадиальности» был впервые подвергнут острой критике в целом самый принцип непременно этнического истолкования археологических фактов, были впервые рассмотрены другие факторы формирования культуры. Поиски иного содержания в реально выступающих из материала археологических культурах начались именно тогда. Принципиально новым было и объяснение смены культур стадиальным скачком, революционной трансформацией в обществе (Равдоникас 1932; Третьяков 1931; Круглов, Подгаецкий 1935; и др.) Это было использовано как база для практически полного отрицания миграций. Провозглашение «повсеместной автохтонности» было, конечно, преувеличением, но важно, что неизбежность миграционного объяснения была поставлена под вопрос и применительно к реальной и полной смене культур (те же, а также Мещанинов 1931).

Великолепным образцом конкретной разработки этих идей явилась статья Кричевского, точное критическое противопоставление которой Косинне подчеркнуто аналогичным названием: «Индоевропейский вопрос, археологически разрешенный» (1933). В этой статье, которую Чайлд назвал «выдающейся» (1952: 243), Кричевский предложил объяснение ряда сходств в позднем неолите Европы действием одних и тех же закономерностей в сходных условиях и по-

пытался показать местные корни нововведений в каждом крупном районе.

Большое внимание уделялось в советской археологической и антропологической науке теоретическому и особенно фактологическому опровержению расизма, доктрины расового и культурного превосходства германцев или нордических арийцев и принципа отождествления культур с расой, а также положения о расовой чистоте древних народов (6-я, 9-я, 10-я и 12-я догмы Косинны) (Петров 1934; Наука 1938; Кагаров 1939; Чебоксаров 1936; Бунак 1946; 1951; Гинзбург 1958).

В понимании советских ученых существенным для критики косиннизма было опровержение правомерности использовать понятия «нация», «народ» в применении к первобытным людям, а также неверие в реальность понятий «праязык», «пранарод» вообще (Быковский 1932; Арский 1941; Артамонов 1949; и др.).

В советской критике косиннизма, как и ряда других западных археологических концепций, выделялось требование отвергнуть формально-типологические построения (Брюсов 1935; Бернштам 1949). Это был доведенный до чрезмерности, но по замыслу логичный результат идеи отойти от распространившегося обыкновения извлекать непосредственно весьма широкие и уверенные выводы из узких данных изолированной топологической схемы. В статьях советских авторов была не только четко показана связь учения Косинны с агрессивной идеологией германского империализма, но и вскрыты социально-экономические, классовые корни этой идеологии и прослежены их проявления в археологических интерпретациях как в Германии, так и вне ее (Петров 1934; Равдоникас 1935; Артамонов 1947; Гейден 1960). Пожалуй, со стороны советской археологии на учение Косинны велось наиболее широкое наступление, критике подвергалось наибольшее количество принципиальных положений, и критика эта по характеру была наиболее глубокой и радикальной.

Эффективность этой критики ослаблялась теми преувеличениями и крайностями, в которые впали адепты «теории стадиальности», схематичностью концепций самих критиков и декларативностью некоторых их положений. Материалам, которыми оперировал Косинна, большей частью посвящались небольшие полемические статьи, и не было крупных позитивных разработок на иной методической основе. Падение и дискредитация «теории стадиальности» (Против 1953) не только восстановили в правах миграционные интерпретации в советской археологии (Брюсов 1957; Клейн 1962; Klejn 1963; Григорьев 1964), но и привели к некоторой реанимации отдельных косинновских догм. Пружиной реакции на засилье «теории стадиальности» явился временный уклон к противоположному, и парадоксальным образом в советской археологии нашли выражение такие идеи,

как узко этническое истолкование культур и их генетических и типологических соотношений (Брюсов 1956; Захарук 1964; Брайчевский 1968), этническая атрибуция типа (Брюсов и Зимина 1966: 7, 17), иногда даже появлялись гипертрофированные поиски собственных, славянских, праславянских и предславянских приоритетов и попытки доказать с помощью «археологического права» то, что вовсе не нуждается в таких доказательствах (Авдусин 1953; Брайчевский 1959: 5-6; ср. 1964: 10). И все же, конечно, это не было косиннизмом, а критическая работа 20-х–30-х и 40-х годов не прошла даром ни в самой советской археологии, ни за рубежом.

Впечатление, которое эта критика Косинны и миграционизма в целом производила на ученый мир, на трактовку материалов других стран, было значительным и нашло явное отражение в словах Чайлда: «Наши советские коллеги критиковали, быть может, немного чересчур резко это увлечение британских археологов (переселениями — Л. К.); они показали, как внутреннее развитие обществ может объяснить обширную область археологических фактов. Применение ими марксизма к археологии породило исследования, которые кажутся более историческими, чем перечни вторжений, и солидно обоснованы наблюдениями». И далее Чайлд указывает, что «решился применить» к шотландской преистории «метод, так успешно примененный Е. Ю. Кричевским, А. П. Кругловым, Г. В. Подгаецким, П. Н. Третьяковым и другими марксистами в русской археологии» (Childe 1946: V).

И в наиболее известной книге Чайлда «У истоков европейской цивилизации» мы также находим самокритичное признание. «Возможно, что черты, общие для всех культур боевых топоров, слишком немногочисленны и слишком расплывчаты, чтобы служить достаточным основанием для предположения миграций в каком бы то ни было направлении. Во всяком случае, советские археологи поставили это предположение под сомнение и попытались объяснить наблюдаемое сходство, не прибегая к миграциям». Изложив далее аргументы советских археологов, Чайлд признает, что в них, «несомненно, гораздо меньше недоказуемых предположений, чем в любом толковании миграционистов». Далее упоминается, однако, и «трудно объяснимые» с позиции Кричевского моменты (Чайлд 1952: 243 — 244).

Очевидно, влияние советских исследователей можно заметить и в более ранней работе Чайлда (Childe 1935), как и в почти одновременной работе Тальгрена (Tallgren 1936). Оба автора, хорошо знакомые с советской наукой, призывают к преодолению формально-типологических схем и примитивных отождествлений культур и народов. Такие призывы были тогда повседневными лозунгами и советской археологии.

6. Основоположник **современной критики косиннизма в западно-германской археоло-**

гии Эрнст Вале указывает на Чайлда и Тальгерна как на своих непосредственных предшественников в отвержении «скандинавизма» и в критическом отношении к учению Косинны (Wahle 1951: 90).

Он не упоминает советских археологов в числе своих предшественников, но если непосредственные влияния на формирование его взглядов оказали выступления Чайлда и Тальгерна, то это значит, что косвенное влияние оказали работы советских ученых. Во всяком случае, многие взгляды и положения советских критиков Косинны повторяются затем в творчестве Вале, хотя и в иной форме и ином контексте.

Вале начал свою научную деятельность как ученик Косинны задолго до I мировой войны. Среди учеников Косинны он принадлежал к тем немногим, которые не разделяли пламенного фанатизма своего учителя, не приняли расовой теории и сторонились политики. Стремлением к объективному изложению фактов некоторые его работы вызывали неудовольствие административных органов Третьего рейха (Wahle 1964: 495).

В 1941 году, когда II мировая война была в разгаре, когда в Германии опьянение победами усиливало разгул шовинистических страстей и особенно интенсивно переиздавались книги Косинны, Вале осмелился выступить со своей знаменитой работой «К этническому истолкованию преисторических культурных провинций» (Wahle 1941), в которой подверг коренной ревизии четыре первых догмы своего учителя. Правда, их критиковали и до него, но Вале первым проделал это фундаментально, обстоятельно, с обоснованием своих выводов на большом материале. Он показал, что во многих случаях границы археологических культур и отмечаемые древними авторами границы народов не совпадают. Он показал также, что в ряде других случаев смена культур произошла без смены населения и, наоборот, при смене населения сохранилась преемственность в культуре, что культуры, чуждые по языку, часто оказываются схожими археологически, а родственные — очень различными.

Работа Вале была сделана после войны и подкреплена несколькими другими работами его же (ср. Wahle 1964). В них он подчеркивает опасность прямолинейной интерпретации формально-типологических схем (он называет это «материалистическим обездушиванием» археологического материала) (Wahle 1951: 100), ставит под вопрос правомерность перенесения понятий «народ» — «этнос» из современности в первобытное время, предлагает отказаться от преувеличения роли миграций в преистории — по его мнению, их эффективность была незначительной, так как географическая среда воздействовала на культуру населения в большей мере, чем принесенное наследие. Из всего этого Вале сделал вывод, что в этническом определении лучше опереться на письменные ис-

точники, археологические же не могут нам помочь в этом деле: этническое определение находится вне «границ познавательных возможностей археологии» (выражение, вынесенное в подзаголовок его труда).

С возражениями выступил другой ученик Косинны — Мартин Ян. Еще в 1941 году он ответил небольшой статьей «Находится ли первобытная археология в тупике?», где привел ряд примеров, подтверждающих методические тезисы Косинны. Но ведь заведомо ясно, что раз есть несовпадения, то из совпадений уже нельзя вывести правила так, как это делал Косинна — не ограничив поле, не объяснив исключения. Тем не менее Ян показал, что такая возможность подтвердить в каких-то границах не исключена. После войны в более пространной статье Ян ввел некоторые частные поправки в «правила» Косинны: признал расплывчатость границ культур, наличие осложняющих факторов, как торговля и т.п. (Jahn 1953).

Взгляды Вале по этой причине защищали и развивали далее в западнонемецкой науке Вернер, Прейдель, Килиан, У. Фишер и особенно Эггерс и Гахман (Werner 1950; Preidel 1954; Kilian 1960; Fischer 1958; Eggers 1950; 1959; Nachmann, Kossack und Kuhn 1962; Nachmann 1970). Прейдель отметил, что история имеет дело с политическими, а не этническими общностями, которые и вообще-то с трудом уловимы. Он считает, что концепция праязыка обанкротилась, а, следовательно, поиски праиндогерманцев на археологической карте есть поиски фикции.

Эггерс и Гахман не пошли за Вале в полном отрицании возможностей археологии реконструировать этническую историю. Они заинтересовались коренным для данной проблемы вопросом: почему же все-таки в одних случаях «уравнение» Косинны подтверждается, а в других нет, и нельзя ли из этого извлечь какие-либо методологические заключения.

Косинна уклонялся от систематической проверки своего «уравнения» (для него это был «символ веры») и поэтому не замечал расхождений между письменными источниками и археологией. Он переносил имена и географические характеристики, взятые из письменных источников, на археологию, а археологические границы дописьменных культур уравнивал в правах с полученными от древних авторов. Многие его ученики и последователи, наталкиваясь на расхождения, решали спор в пользу археологии, так как древние авторы всегда были тенденциозны, а археологические памятники такими быть не могут. Вале ужаснулся размаху расхождений и, указав на неполноту, ограниченность и фрагментарность археологических материалов, решил спор в пользу письменных источников. Эггерс и Гахман расценили все эти выводы как неправомерные упрощения.

Эггерс подметил, что ходячее представле-

ние о «естественной объективности» археологических источников в противоположность письменным не соответствует истине. Древний мир отражается в археологических источниках не с прямолинейной адекватностью. Сама неполнота и фрагментарность археологических материалов происходит частично от действия природных факторов, а частично от избирательной деятельности древних людей (что из наличных вещей класть в могилу, что выбрасывать на помойку, которая достанется археологам, и т.п.). Этим вносится субъективный элемент, а дополнительный субъективный элемент обычно присовокупляется самим археологом, так как почти всякое опознание и определение находок уже есть реконструкция, всякое исследование начинается с отбора материала, и то и другое зависит от субъективных представлений археолога. Вот что предстает перед синтезирующим исследователем в виде данных археологии! «И археологические находки могут лгать!» (Eggers 1959).

Поэтому Эггерс выдвинул требование не ограничиваться в исследованиях общепринятой внешней критикой археологических источников, которая преследует цель проверить правильность и точность полученных данных о памятнике и аналогична текстологической критике письменных источников. Эггерс предложил, чтобы за этим этапом критики следовал (так же как при работе с письменными источниками) второй этап — внутренняя критика источников, имеющая задачей установить, как отражался древний мир в данном источнике, с какой полнотой и точностью, в каких-то вопросах — прямо, в каких — косвенно, в каких — вовсе не отражался. Для облегчения этой задачи Эггерс разработал концепцию различения «живой» и «мертвой» культур.

Гахман добавил к этому, что и на письменные источники археологи обычно опираются без предварительной квалифицированной критической проверки, без учета выводов исторической науки, добытых многими десятилетиями углубленной внутренней критики, трудом нескольких поколений историков. Особенно это относится к археологическому изучению древних германцев. Оно развивалось не в контакте с работой историков, а в рамках германистики, выросшей на почве филологии и фольклористики, где существовала только внешняя критика источников, текстологическая.

Эггерс и Гахман выдвинули новое требование к интеграции наук. Они решительно отвергли косинновскую манеру по ходу исследования заполнять лакуны одного вида источников данными другого вида источников, где молчат древние авторы, подставлять археологические факты, где отказывает археология в продвижении в глубь веков, перебрасывать мостик из антропологических связей (догмы 1 и 6) и т.п. По Эггерсу и Гахману, такой синтез источников не-

правомерен. Сначала каждая наука должна разработать полностью свою категорию источников по всем правилам своей собственной методики, и лишь полученные готовые результаты можно сопоставлять на уровне интеграции наук, сравнивать друг с другом, проводить взаимную проверку и извлекать общие выводы. Это требование выраженное старым девизом немецких стратегов: *getrennt marschieren, zusammen kämpfen*, было предвосхищено уже в начале века Маевским.

Первой догмы Косинны касалось также замечания Эггера и Гахмана, что письменные и археологические источники дают сведения в разных плоскостях. Кроме того, Гахман отметил, что для Косинны археологическая культура — всего лишь механическая сумма одинаково распространенных находок; отвергая помощь сравнительной этнографии, Косинна не представлял себе ни реальной жизни древних народов, ни сложных внутренних связей культуры. Третьей догмы Косинны касалось наблюдение Гахмана относительно еще одного промаха Косинны, допускаемого и другими исследователями и психологически коренящегося все в той же недооценке лимитов методики реконструкций. Косинна, реконструировав по наличным группам и остаткам крупные этнические массивы — ветви индогерманской семьи, заселяющие ныне всю Европу, переносил эту картину в прошлое, не учитывая, что ныне этими наличными заполнены и места выбывших членов семьи, и членов других семей, не доживших до нашего времени. Он не оставлял на древней карте места для несохранившихся и неведомых нам этнических массивов. Из решения его уравнений неизвестные (х, у и т.д.) изгонялись полностью, на что объективная наука часто идти не вправе. Гахман не только отверг пятую догму Косинны (этническую атрибуцию типа), но и рассмотрел ее гносеологические и исторические корни. Он показал, что истоки этой идеи кроются в романтическом представлении о культуре как эманации «народного духа». Отсюда мысль о неизбежном органическом единстве всех частей культуры и вывод о возможности восстанавливать по каждой небольшой части всю культуру (*pars pro toto*). С представлением о вечном и неизменном «народном духе» гносеологически связана и идея наложения прошлого на современность (11-я догма Косинны).

Большой интерес для археологов представляют разработки Эггера и Гахмана по методике исследования миграций.

Эггерс и Гахман расширили и углубили фактологическую базу выводов Вале о неправомерности всякую смену культуры, не говоря уже об элементах, объяснять миграцией, а всякую преемственность автохтонностью. Но Эггерс и Гахман поставили вопрос о том, что, вероятно, в каких-то условиях это все-таки возможно (Nachmann 1970).

Критика учения Косинны послевоенными западно-немецкими археологами отличается фундаментальностью, деловой серьезностью и поисками теоретических обоснований, но в основном ограничена пятью-шестью первыми догмами Косинны и уж во всяком случае нацелена только на первую часть его учения — «археологию обитания», оставляя совершенно без внимания вторую часть — «чрезвычайно национальную археологию». Критика концентрируется на Косинне и почти не затрагивает Шухардта. Это не значит, что то, что не критикуется, принимается. Некоторые тезисы, оставшиеся вне критики, декларативно отвергались (расизм, поиски приоритетов и супериоритетов и т.п.), другие игнорировались с молчаливым осуждением (апелляции к историческому праву, доктрина первородства, идеи культуртрегерства и т.п.). Почему эти тезисы ускользнули от критики, трудно сказать. Возможно, они потому остались в тени, что они в глазах западно-немецких археологов уже потеряли практическое значение для науки, тогда как методическое значение первых пяти-шести принципов еще не было освоено.

Возможно, однако, что общая идеологическая атмосфера в ФРГ, где в части общества культивировались идеи реваншизма и «интеграции Запада», тормозила спокойный и трезвый анализ основы апелляции к «историческому и археологическому праву», доктрины первородства и вопросов приоритета, представлений о культуртрегерстве и т.п. В ФРГ еще имелось видимо много личностей, для которых представления Косинны, Шухардта и Рихтгофена о «Восточной марке», о Силезии и других потерянных на Востоке территориях еще не потеряли эмоционального, актуально-политического звучания.

Существенно, что во взглядах самих критиков осталось нечто, что в ряде принципиальных вопросов связывало их с Косинной и Шухардтом. Это заметил и Гахман (Nachmann 1970: 177, 221-222), но совпадения глубже и шире по охвату, чем он это увидел.

Стоящее для Вале в начале начал членение народов на «делающих историю» и «получающих историю» — это лишь иное изложение старого и принятого Косинной деления на «естественные» и «культурные» народы. Археологическое представление «самодовлеющего патриотизма» («наше существо — в основных чертах еще сегодня это существо наших отцов», как одобрительно цитирует Вале — 1951: 89 — Хиллебрандт, «под чужим мы все те же, что и тогда») это отпрыск той же идеи жизненного «народного духа». Загадку смены археологических культур, происхождения культур Вале решает так: культуры не создаются народами, а навязываются им творческими личностями и маленькими группами, невидимыми и неуловимыми для археологии; поэтому они так внезапно возникают и исчезают. Внешнюю миграцию Косин-

ны здесь подменяет нечто типа внутренней миграции (миграции изнутри): и тут и там культура навязывается народу, а не создается им. Эту идею принимают и другие западно-немецкие археологи. Подобно Косинне, Вале и его последователи отказываются рассматривать историю культуры как единый логически последовательный и закономерный процесс. У Косинны его разрывали миграции и смена рас (у Вале — индивидуальный творческие деяния вождей (Führerpersönlichkeiten), но разрывы между периодами налицо там и тут. «Материал, — пишет Вале, — ... побуждает рассматривать разрывы между кругами форм (здесь: периодами. — Л.К.) как более важные, чем это археологически заметно» (Wahle 1951: 94).

Это сходство с общим подходом Косинны представляется мне гораздо более глубоким и коренным, чем чьи-либо совпадения в трактовке культур или методах выявления миграций.

В *Восточной Германии* критическая проработка наследия Косинны началась позже, и ей уделялось меньше внимания. Тому есть несколько причин. Вначале сказалось действие традиций. Дело в том, что из-за особой обостренности интересов Косинны к восточным землям разветвлялись его школы во многих городах разветвлялись именно на этой территории, где во многих городах работали преимущественно его ученики (Nachmann 1970: 145-147). Позиции же Юга и Запада Германии были частично захвачены соратниками Шухардта, а частично оставались в руках других старых противников Косинны. Начавшийся после II мировой войны на Востоке Германии бурный процесс денацификации и социалистических преобразований не мог, конечно, не затронуть и археологию, но для ряда ведущих местных археологов — старых учеников Косинны (Ян, Вальтер Шульц) и молодых (питомцев Ганса Гане и Вальтера Шульца) методологическая перестройка и критическая проверка укоренившихся в сознании установок была очень трудным (а для стариков, видимо, и невозможным) делом и, во всяком случае, требовала времени.

К тому же на этих особенно пострадавших от войны территориях был непочатый край организационной работы по восстановлению разрушенных научных учреждений и музеев, а задачи строительства новой науки под советским господством диктовали прежде всего позитивную разработку ряда проблем на базе марксизма с использованием опыта советской науки. На что и были направлены основные силы. Наследие Косинны просто игнорировалось. К тому времени, когда археологи ГДР приступили к критическому рассмотрению учения Косинны (Ян, Отто, Герман), в советской археологической науке произошло резкое изменение ряда теоретических положений (отказ от теории стадильности), служивших ранее исходными пози-

циями для критики ряда частей учения Косинны. Это привело к некоторому смещению позиций и к реанимации некоторых положений Косинны, о чем говорилось выше. В такой обстановке критическая проверка положений Косинны, начатая в науке ГДР, иной раз выливалась в исправление и защиту косинновских догм (разумеется, далеко не всех), а в других случаях критика оказывалась неполной и непоследовательной (напр., Отто принимал этническую интерпретацию культур и необходимость ретроспективного метода исследования этногенеза).

Все же критическая работа археологов ГДР содержала ряд новых элементов и была весьма плодотворной. В статье Отто особенно интересно было стремление определить этнографический облик тех ближайших реальных жизненных общностей прошлого, которые могут скрываться за археологическими культурами. Это стремление привело к различению хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей (Otto 1953). Более подробно эта идея была затем разработана советскими ученым — антропологом Левиным и этнографом Чебоксаровым, которые на ряде примеров показали, что обязательного совпадения у этноса нет ни с одной из этих общностей, что этнические общности в этнографии различаются как третья категория, способная совпадать или не совпадать с этими двумя (Левин, Чебоксаров 1955). Левин и Чебоксаров сами не сделали вывода относительно археологических соответствий их категориям, но нетрудно заметить, что непосредственное проявление в виде разных типов археологических общностей находят две первых этнографических категории, а третья — этнос — непосредственного выражения не находит и опознается в своих границах лишь постольку и лишь в тех случаях, когда они совпадают с одной из первых двух (преимущественно второй). Статья Левина и Чебоксарова снабдила Монгайта (1967) ресурсами примеров, сильно упрочившими его позицию.

Заслугой новейших работ критиков из ГДР явилась постановка вопроса (особенно острая у Германа) о необходимости перейти от одностороннего и внешнего понимания культуры как механической суммы элементов, на манер Косинны, к более глубокому и всестороннему ее пониманию, основанному на выявлении функциональных связей между элементами (Neumann 1965), хотя ясно и четко способов выявления такой связи не было указано. Именно Герман подметил некоторые черты сходства в положениях Косинны и его современных западнонемецких критиков и первым предпринял критику критиков с позиции марксизма.

Таково развитие взглядов в археологической науке на учение Косинны за 40 лет, если считать от года смерти Косинны или (так будет точнее) — за 75 лет, считая со времени первых откликов на «археологию обитания».

Е. Значение наследия Косинны

Многие критики справедливо отмечали дилетантизм Косинны, его неприязнь к собственному научному методу — систематической проверке выводов на фактах. Эггерс в своей замечательной книжке «Введение в археологию» (не устаревшей и несомненно заслуживающей перевода) пишет:

«Для многих его приверженцев его имя звучит так же, как имя Монтелиус. И все же следует воздержаться ставить эти две личности исследователей на одну доску.

Хоть Монтелиус тоже мог ошибаться, у него хватило характера и самокритичности видеть свои ошибки и устранять их. И если сегодня, например, «типологический метод» строжайше запрещен иными исследователями потому, что наследники великого шведского мэтра неверно применяли этот метод, то в этом Монтелиус не повинен — он-то все эти возможные недостатки уже предвидел и знал пути их преодоления: Монтелиус — классик археологии.

Иное дело Косинна. Когда сегодня его метод «этнического истолкования» тоже подвергается резкой критике, то он, к сожалению, сам в этом виноват. Ученики лишь повторяют недостатки, которые у их учителей имелись в большей мере... Косинна не довел до конца, до конечного выражения свои идеи. Это была, быть может, гениальная голова, но это не классик» (Eggers 1959: 199-200).

Что ж, может быть, тогда прав Даниел, вычеркивая из «ста лет археологии» 50 лет царствования и посмертной беатификации Косинны и 75 лет критики косиннизма? Вряд ли Эггерс так считает.

Далее Эггерс развивает свое противопоставление:

«Если Монтелиус сначала разъясняет понятия, а затем с классической ясностью нанизывает доказательство за доказательством и старается исчерпывающе разъяснить ход своей мысли также и археологически неподготовленному внимательному читателю, то Косинна противопоставляет всем сомневающимся в справедливости его метода «очевидность противоположного со всей определенностью». Он не приводит доказательств, он выдвигает утверждения» (Eggers 1959: 212).

Но ведь этой конкретизацией Эггерс снимает свой вывод из антитезы, а именно: что здесь с одной стороны — «классик», с другой — «быть может, гениальная голова, но не классик». Разве здесь классик противопоставляется не-классику? Да нет же: здесь ученый противопоставляется дилетанту. Не объем знаний, а именно отсутствие тяги к проверке выводов и доказательствам, отсутствие систематической работы в этом направлении и есть самое главное отличие дилетанта от ученого. Косинна всех против-

ников обзывал дилетантами — Шухардта, Гёрнеса, Эд. Мейера, козыряя их ошибками. На деле дилетантом был он сам. Ошибаться могут и ученые, но они владеют механизмом устранения ошибок, дилетанты — нет.

Вероятно, Косинна был ученым в своих ранних лингвистических работах, но в археологии чем дальше, тем меньше он доказывал, тем категоричнее и яростнее утверждал, вещал и проповедовал. Прodelав прыжок из филологической германистики в первобытную археологию, он оставил на старом месте строгие и обременительные правила проверки научных результатов и, как это бывает с учеными, пускающимися хотя бы с небольшими экскурсами в чуждую отрасль науки, вообразил, что там-то без них можно обойтись, там эти правила не действуют, там — пленительная свобода творчества. То есть превратился из вышколенного ученого в разнузданного и воинствующего дилетанта. Но такие дилетантские экскурсии (мы немало их наблюдали у солидных археологов — в топонимику, этнонимику, антропологию, фольклористику, даже письменную историю, равно как у историков — в археологию) не превращают ученого вообще в дилетанта, если он своим главным делом сохраняет свой труд в своей прежней специальности. Для Косинны переход в археологию был не мимолеетным экскурсом, а полной перестройкой жизненной программы. И он стал дилетантом. Этому способствовало и то, что в самой филологической германистике, в отличие от исторической науки, как уже было отмечено, критика нарративных источников была неполной — и эту «степень свободы» от критики Косинна просто захватил с собой из филологической германистики, остальные «степени свободы» добавил в прыжке.

И тем не менее, хоть это и показалось бы, быть может, странным Эггерсу, Косинна, конечно, классик археологии. Ибо он дал классическое выражение одной из главных тенденций развития археологической науки в его время — тенденции рассматривать развитие культуры как развертывание в пространстве и за социальными факторами развития увидеть биологические. У Косинны мы действительно находим классическое выражение этой тенденции. Классическое — значит самое яркое, самое отчетливое, самое развернутое, представительное и авторитетное.

А что классикой в данном случае оказалось дилетантство, что именно такая личность оказалась наиболее ярким и авторитетным носителем духа времени, классиком, тому есть свои причины: и сам характер этого «духа времени» (сей «дух» не был расположен к объективности), и ситуация в стране, где была осуществлена интенсивнейшая разработка указан-

ной тенденции, и, быть может, конфликт между запросами этой тенденции и тогдашним состоянием фактического материала.

В этих условиях односторонний эрудит и воинствующий дилетант Косинна оказался не только классиком, но еще и классиком первого разряда — основоположником нового учения в археологии. Здание этого учения, несмотря на дилетантскую слабость фундамента, вросло верхними этажами в строгую науку и различными деталями своей структуры цепко в ней укрепились. Задачи, принципы и приемы этого учения повлияли на ход многих вполне профессиональных исследований.

Я понимаю мотивы и глубинный смысл антитезы Эггера: в титуле «классик» подразумевается еще и качественная оценка, признание недостижимой высоты, идеальной нормы, эталонности, образцовости. Конечно, мы сейчас не воспринимаем Косинну образцом для подражания ни в реконструировании «походов», ни в сопоставлениях «культурной высоты», ни во многом другом. Но не следует забывать, что некоторые работы Косинны, все-таки служили в науке образцом для подражания — и не всегда бесплодно, и не во всем во зло. Сам же Эггерс отмечает (Eggers 1959) как образцовую работу Косинны «Железные орнаментированные наколенники копий как признак ранних германцев» и констатирует, что из этой работы выросли крупные и полезные труды трех лучших учеников Косинны — Блюме, Яна и Костшевского. Из работ других классиков археологии Винкельмана, Мортлье, Флиндерса Питри, Эллиота Смита и даже самого «короля археологии» Монтелиуса (кстати, «королем» его назвал впервые Косинна) тоже не так уж много читается археологами по сей день. Классики науки отличаются в этом от классиков поэзии. Стихи Шиллера и Пушкина воздействуют с прежней силой на современного читателя и не могут быть заменены стихами Гейне и Маяковского. Произведения классиков науки, при всех своих высоких качествах, имеют возрастной предел, устаревают и выходят на пенсию. Далее они уже не оказывают непосредственного воздействия на ход науки, а участвуют в нем лишь косвенно — своими результатами и идеями, включенными в более современные труды, нередко через ряд передаточных пунктов и иногда неосознанно. Как принято говорить, они сохраняют лишь историческое значение. «Историческое значение» — не значит: никакого значения для современности. Это историческое значение определяется вкладом в науку.

А только рассмотрев в исторической перспективе этот вклад и условия его введения в науку, мы можем правильно оценить его, легче отыскать слабые звенья, извлечь поучительные уроки для современности и наметить перспективы дальнейшего развития.

Вклад Косинны в археологическую науку

нельзя абсолютизировать, но нет надобности и отрицать.

Прежде всего, Косинна первым ввел пространственную определенность в восприятие одной из основных дискретных единиц археологического материала — культуры. Не он первым заметил, что материал на этом уровне дискретен: уже «века» Томсена, «периоды» Монтелиуса и «эпохи» Мортлье были шагами в этом направлении, но эволюционное понимание дискретности имело только временную определенность, временные границы. Не он первым обнаружил пространственную определенность вообще: уже у Шлимана выступали территориально-этнические цивилизации. Но Косинна первым ввел и дал первую характеристику понятия культуры. Теперь мы считаем его характеристику неполной и неглубокой, но включаем как часть в более полную (Клейн 1970; 1991: 125-153; Klejn 1971). Без учета его характеристики наше новое определение не будет достаточно полным.

Одна из почти общепризнанных заслуг Косинны — введение картографического метода в археологию. Это, однако, нуждается в уточнении. Археологи наносили находки на карты и до Косинны. Сам Косинна опубликовал не так уж много карт. Серию карт за него представили Вильке и Лиссауэр. И даже этническое расселение узнавали по картам находок и независимо от Косинны — например, Спицын (1899) в России по распространению типов височных колец выявлял территории восточнославянских летописных племен.

Но именно под влиянием Косинны всей этой деятельности был придан широкий размах, Косинна теоретически обосновал ее необходимость и сделал обыкновением в археологии не только карты распространения типов, но и карты культур. Кроме того, именно он породил традицию сопоставления карт, практику различных взаимоналожений и аппликации ареалов, и тем самым превратил карты из средства учета и наглядности в средство исследований. По почину Косинны на картах археологов появилась динамика культур и стали отрабатываться технические средства ее отображения. Позже нашли возможности проникновения картографического метода и в другие аспекты археологии — анализ экономических связей, взаимоотношения культуры со средой, оценку степени изученности и т.п. Но первый шаг труднее других. Если количество и разнообразие карт в археологических исследованиях растут, то это значит, что увеличивается место и значение вклада Косинны.

Вкладом Косинны является также постановка проблемы этнического истолкования археологических материалов. Вопросы этнической атрибуции тех или иных памятников изредка возникали и до Косинны, но решения строились как одиночные, по случайным наитиям. Косин-

на впервые поставил задачу этнического истолкования как научную проблему, причем проблеме первостепенной важности — широко, смело, с поиском общих принципов решения. Найти и обосновать убедительное решение ему не удалось, но и постановка проблемы была нужным и назревшим делом, а некоторые частные успешные отгадки, реализованные вместо ожидавшегося всеобщего решения, показали, что какое-то решение здесь в принципе возможно — не простое и не всеобщее, но и в достаточной мере общее. Надо заранее ограничить сферу приложения искомым правил, разделить и обусловить определенными обстоятельствами их функции, найти способ проверки на разнородных фактах и т.д. — это один из путей, по которому движется современная археология. В начале его стоит Косинна.

Еще одна часть его вклада — изучение культурной преемственности, постановка задач констатации автохтонности и миграций. До него такие вопросы вставали лишь спорадически и решались мимоходом. Эволюционистов это не интересовало. Косинна вывел эту задачу на первый план и первый использовал достижения эволюционистов (идею эволюции, типологический метод) для принципиального решения этой задачи. Предложенные им критерии констатации автохтонности или переселения оказались недостаточными, но ведь и выдвинутые Мортилье критерии отличия кремневых орудий от случайных природных обломков тоже пришлось впоследствии дополнять. Задача разработки строгих и полных археологических критериев, по которым можно было бы выявить автохтонность и миграции, стоит сейчас перед нашей наукой, но сколь бы ни усложнились эти критерии, в основе их останется то, что указывал Косинна: количественное и качественное соотношение между традициями (линиями непрерывной типологической эволюции) и инновациями, географическая локализация истоков того и другого. Его неполные критерии и его предрассудки стоит помнить — хотя бы для того, чтобы избежать его ошибок. Оправдание некоторых его предсказаний стоит учитывать — хотя бы для того, чтобы не впасть в искушение делать все наоборот по сравнению с Косинной — всегда утверждать нечто прямо противоположное.

Теперь стало модно говорить, что Косинна крайне преувеличивал место и значение этнических определений и выявления культурной преемственности (миграций и автохтонности) в археологии (Eggers 1959; Монгайт 1967). Это не совсем так. Косинна скорее искажил их роль, направляя эти исследования на прямолинейную увязку прошлого с современностью и на обслуживание современных политических задач. Раздутым их значение выглядит от того, что он при этом игнорировал и отбрасывал другие важные аспекты разработки археологических материалов: социально-экономическую интерпретацию,

выявление политических и религиозных общностей, прослеживание культурных влияний, роль географической среды и пр. Преувеличение относительно. На деле, так сказать, в абсолютном исчислении, важность того аспекта, который выдвинул на первый план Косинна, действительно очень велика, и то, что Косинна обратил археологию лицом к этому аспекту, — несомненная заслуга этого археолога при всей профанации, в которую он при этом впал.

Для эволюционистов XIX века был характерен сугубо общий подход к миру, представленному археологическими памятниками. Выявлялись самые общие законы, самые крупные процессы, мир рассматривался как единое целое, как одна весьма однообразная культура — снивелированная, усредненная и поэтому абстрактная. Это был необходимый этап познания, и он принес свои плоды. Однако было бы печально застрять на нем. У этого подхода были и слабости: с накоплением материалов становилось все труднее уложить конкретную историю и все богатство конкретных культурных явлений в узкое и жесткое русло стандартизированного единого культурного процесса.

Косинна был одним из тех, кто выступил с целью разрушить и опровергнуть это единство. Он воспринял этот мир расчлененным в современности и старался получить спроецировать эту расчлененность на прошлое. Для этого он прослеживал линии культурной преемственности. Представление о единстве мира было утеряно, зато начали отрабатываться средства вычленения и изолированного изучения отдельных процессов и участков. Это тоже был закономерный этап познания, и деятельность Косинны — часть этого этапа, сказавшегося на нашем сегодняшнем подходе.

Мы сейчас не отвергли единства мира и его основных законов, но мы уже не можем удовлетвориться общими контурами. Мы учимся понимать, чем определяются те или иные конкретизации этого общего, ибо без этого невозможно предсказывать и планировать. Мы стремимся распознавать общее в частном, не игнорируя различия конкретных путей истории и не теряя представления об общем, когда изучаем частности. А для этого необходимо изучать конкретные процессы развития в конкретных обществах (о значении этой смены подхода в палеолите см. Григорьев 1969). Но эти общества были различны по величине, они двигались, переселялись, смешивались. Поэтому необходимо определять их реальные границы и реальные генетически образованные культурные последовательности, в которых и протекали конкретные процессы развития. А для этого нужно проследить культурную преемственность, выявлять автохтонность и миграции. Иначе, изучая один район, мы окажемся в положении человека, читающего механически сшитые главы различных повестей как продолжение одного романа.

В археологии мы все время имеем дело с секвенциями — рядами последовательных культур. Изучая подробно районы и выявляя в них стратиграфические колонки, мы получаем ряды культур для каждого района — колонные секвенции. Соединив последовательно культуры, генетически связанные, безразлично, из одного района или разных, мы получаем генетические секвенции (во избежание биологических коннотаций лучше именовать их трассовыми). Суть дела в том, что археологические материалы предстают перед нами в колонных секвенциях, а развитие протекало в генетических (или трассовых) секвенциях, и наша неизбежная задача — перевести первые во вторые. А для этого необходимо прослеживание культурной преемственности — то, к чему Косинна повернул археологию и для чего он усердно разрабатывал технические приемы, хоть и имел перед собой иную конечную цель.

Проводя по-своему интеграцию археологии с исторической этнографией древних авторов, лингвистикой и антропологией, Косинна исходил из романтического представления о нераздельности различных проявлений культуры как эманации народного духа. Отсюда его многочисленные априорные «уравнения», подстановки и аметодичные переплетения данных разных наук. Его послевоенные западно-немецкие критики считают позволительным сопоставлять лишь готовые результаты исследований, проведенных по отдельности в каждой из наук ее специфическими методами. Привлекательны в этой постановке чистота операций и строгая адекватность методов специфике материала.

Но как обстоит дело с глубиной проникновения в исследуемый мир? Принцип взаимной проверки готовых результатов разных наук неправомерно укорачивает возможности исследователя, ибо игнорирует значение и многообразие связей между разными сферами функционирования системы, состоящей из популяции, культуры и среды. Никакое суммирование данных об элементах, изученных в расчлененном состоянии, не может подменить информацию об их облике, связях и деятельности в составе системы — это один из устоев современной науки: системного подхода. Косинна прямолинейно совмещал все части этой системы. Его критики разрывают их настолько, что вместо синтеза получают лишь сравнение. Смешанному применению разнородных методов аналитического исследования надо противопоставлять не одно лишь несмешанное применение, а и поиск методов синтетического исследования. На этом пути некоторые находки Косинны (например, заполнение лакун в одной категории материала данными другой) при введении соответствующих условий, ограничений и, так сказать, переводных коэффициентов, все же могут пригодиться. Сознанием закономерных связей наш системный подход, пожалуй, ближе

к наивному романтизму Косинны, чем к рационалистическому скептицизму его нынешних западно-немецких критиков.

В конце концов, ультраметодичное расчленение указанной системы вполне логично было бы продолжить и усугубить: почему бы не расчлечь и ее составную часть — культуру — на дальнейшие, более дробные подразделения, требующие отдельного изучения специфическими методами? Ведь ареалы могильников, жилищ, керамики, оружия и прочего инвентаря тоже далеко не всегда совпадают в своих границах. Но тогда культура исчезнет — и на это идут!

В наши дни с разных сторон то и дело раздаются голоса, утверждающие, что понятие археологической культуры устарело, да и с самого начала было лишь условным, что задача изучения конкретных культур искусственна, что нет ни единых общих законов, ни частных законов в культурно-историческом процессе, ни возможности проследить объективно отдельные конкретные процессы на значительном продолжении, ибо все определяется случайной и недетерминированной игрой волевых усилий отдельных личностей, а результаты к тому же безнадежно разрушены и обрывочно представлены в археологических материалах. С подобными идеями или их элементами выступали и выступают известные археологи Уолтер Тейлор, Стюарт Пигготт, Глин Даниел, Чжан Гуан-чжи, Мюллер-Карпе, Колин Ренфру (Taylor 1948; Piggott 1965; Daniel 1950; Chang 1958: 231 — 232; Müller-Karpe 1966: 187; Renfrew 1969: 149) и др. «Вполне может стать, — пишет Даниел, — что... мы в нашем новом, историческом подходе к преистории должны довольствоваться скорее историческим контекстом и культурой, чем эпохами и культурами». Даниел особенно активно и широко проповедует этот новый подход, который ему угодно именовать историческим. Вполне естественно, что Косинна с его культурами и надеждой выявить их конкретно-генетические связи, оказался, с точки зрения Даниела, далеко в стороне от генерального пути развития нашей науки и просто выпал из ее истории (в версии Даниела). Конечно, Даниел может сослаться на дилетантизм Косинны, но в той же мере дилетантом был и Эллиотт Смит, основоположник другого крупного течения первой половины XX века — диффузионизма, а Смита Даниел в своей книге не счел возможным обойти. Может быть, Смиуту оказано снисхождение из-за того, что он соотечественник Даниела, и еще из-за того, что Даниел сам вырос в рамках диффузионизма, преодолел его, и критика этого учения не была ему вовсе безразлична — несмотря на то, что впоследствии он стал одним из лидеров нового течения.

Наука, несомненно, сумеет извлечь пользу и из этого нового подхода — уточнит границы своих возможностей, усовершенствует критику источников, выявит долю условностей в поня-

тиях и научится полнее учитывать элемент случайности в конкретных исследованиях. Опасна та новая абсолютизация, которую принципам этого подхода стремятся придать его увлеченные проповедники. Отрицание закономерностей культурно-исторического развития, неверие в возможности исторических реконструкций, отказ от оправдавших себя понятий науки означают на деле отход от настоящей науки, ослабление научности археологии. Полный учет и дальней-

шая разработка того позитивного вклада, который Косинна внес в науку, и той дискуссии, которая была вызвана задачами критики всего учения Косинны, поможет предохранить нашу науку от этой новой ереси — ереси гиперскептицизма.

Археологам незначает бояться прикосновения к праху Косинны: опасность заразиться не грозит тем, кто, опираясь на собственные принципы, помнит, оценивает и различает.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А. 1953. Неонорманистские измышления буржуазных историков. // Вопросы истории 12: 114-120.
- Амброз А. К. 1969. Рецензия на книгу Гахмана и др. «Народы между германцами и кельтами». // СА 4: 266-272.
- Арский И. В. 1941. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе. // Ученые записки ЛГУ, сер. истор., вып. 12: 101-125.
- Артамонов М. И. 1947. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н.Я.Марра. // Вестник Ленинградского университета 2: 79-106.
- Артамонов М. И. 1949. К вопросу об этногенезе в советской археологии. // КСИИМК 29: 3-6.
- Бернштам А. Н. 1949. К пересмотру формально-типологических схем. // КСИИМК 29: 17-23.
- Богаевский Б. Л. 1931. К вопросу о теории миграций. // Сообщения ГАИМК 8: 35-38.
- Брайчевский М. Ю. 1959. Радянська наука про походження слов'ян. Київ, Тов-во для поширення політ. і наук. знань УРСР, сер. 10, № 9.
- Брайчевский М. Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності. Київ, Наукова Думка.
- Брайчевский М. Ю. 1968. Походження Русі. Київ, Наукова Думка.
- Брюсов А. Я. 1935. Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую (А. Брёггер). // Проблемы истории докапиталистических обществ 9-10: 213-221.
- Брюсов А. Я. 1956. Археологические культуры и этнические общности. // СА 26: 35-63.
- Брюсов А. Я. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. // СА 27: 5-13.
- Брюсов А. Я. 1961. О распространении «культур боевого топора» в конце III тысячелетия до н.э. // СА 3: 14-33.
- Брюсов А. Я. 1965. Восточная Европа в III тыс. до н.э. // СА 2: 47-56.
- Брюсов А. Я., Зимина М. Г. Каменные сверленные боевые топоры-молоты на территории Европейской части СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. В 4-4.
- Бунак В. В. 1946. Краниологические типы западноевропейского неолита. // КСИЭ 1: 51-54.
- Бунак В. В. 1951. Краниологические типы западноевропейского неолита в сравнении с более древними. // КСИЭ 13: 38-46.
- Быковский С. Н. 1932. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма. // Сообщения ГАИМК 3-4: 4-18.
- Гейден Г. 1960. Критика геополитических экспансионистских теорий немецкого империализма. // Против современной буржуазной идеологии. М.: 147-231.
- Гинзбург В. В. 1958. Человеческие расы и реакционная сущность расистских теорий. Л., Об-во по простран. полит. и научн. знаний.
- Григорьев Г. П. 1964. Миграции, автохтонное развитие и диффузия в эпоху верхнего палеолита (VII Международный конгресс доисторических и протисторических наук). М..
- Григорьев Г. П. 1969. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР. // Теоретические основы советской археологии. Л.: 12-17.
- Гейслер А. 1966. Письмо в редакцию. // СА 1: 323.
- Доклады 1953. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, АН Украинской ССР.
- Захарук Ю. М. (Ю. Н.) 1964. Проблемы археологической культуры. // Археологія 17: 12-42.
- Кагаров У. Г. 1939. Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными. // Против фашистской фальсификации истории. М.-Л.: 83-103.
- Клейн Л. С. 1962. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. // Вестник ЛГУ 2: 74-87.
- Клейн Л. С. 1955. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР. // Советская Археология (М.), XXII: 257-272.
- Клейн Л. С. 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. // Археологический Сборник Гос. Эрмитажа (Л.), 8: 5-17.
- Клейн Л. С. 1968. Происхождение Донецкой катакомбной культуры. Автореф. диссертации ... канд. истор. наук. Л., ЛОИА АН СССР.
- Клейн Л. С. 1970. Проблема определения археологической культуры. // СА 2: 37-51.
- Клейн Л. С. 1999. Норманизм-антинорманизм: конец дискуссии. // Stratum plus (Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса), 1999, № 5: 91-101 [в разделе: 30 лет Варяжской дискуссии (1965-1995)].
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С. и Назаренко В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Шаскольский И. П. (отв. ред.). Исторические связи Скандинавии и России в IX-XX вв. М.-Л., Наука, 1969, с. 226-252.
- Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы (Известия ГАИМК 119).
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. // СЭ 4: 3-17.
- Ленин В. И. 1914/1961. Еще одно уничтожение социализма. // ПСС, 25: 31-54.
- Максимов Е. В. 1956. Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР. // Краткие сообщения Института археологии

- хеологии (Киев), 5: 72-78.
- Маркс К. 1870/1960. Второе воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, 274-282.
- Мещанинов И. И. 1931. Теория миграций и археология. // Сообщения ГАИМК 9-10: 33-39.
- Монгайт А. Л. 1952. Предисловие. // Чайлд 1952: 3-18.
- Монгайт А. Л. 1963. Археология и современность. М., АН СССР.
- Монгайт А. Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности. К вопросу о методике историко-археологических исследований. // Народы Азии и Африки 1: 53-76.
- Наука 1938. Наука о расах и расизм. Труды НИИ Антропологии МГУ, вып. VI. М.-Л., АН СССР.
- Петров Г. И. 1934. Расовая теория на службе фашизма. // Известия ГАИМК 95.
- Против 1953. Против вульгаризации марксизма в археологии. М., АН СССР.
- Равдоникас В. И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. // Известия ГАИМК 12, вып. 1-8: 5-106.
- Равдоникас В. И. 1932. Археология на службе у империализма. // Сообщения ГАИМК 3-4: 19-35.
- Равдоникас В. И. 1935. Археология в Германии после фашистского переворота. // СЭ 1: 140-145.
- Спицын А. А. 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. // ЖМНП 8: 301-340.
- Сымонович Э. А. 1970. Страницы истории отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября. // КСИА (М.) 121, 1970: 82-88.
- Третьяков П. Н. 1931. Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК. // Сообщения ГАИМК 3.
- Третьяков П. Н. 1948. Восточнославянские племена. М., АН ССР.
- Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М., Иностран. лит.
- Чебоксаров Н. Н. 1946. Этническая антропология Германии. Короткий исторический очерк. // КСИЭ 1: 55-62.
- Щукин М. Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 18: 79-91.
- Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. СПб, Фарн.
- Энгельс Ф. 1883/1964. Письмо Лауре Лафарг от 16/17.2.1883. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 35: 366.
- Andree Chr. 1969. Geschichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1869—1969. // Festschrift zum hundertjährigen Bestehen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1869—1969. Teil 1. Berlin, Pohle und Mahr: 9-142.
- Antoniewicz W. 1950. Józef Kostrzewski śladami Richthofena. // Z otchłani wieków 11-12: 180-182.
- Blume E. 1912—1915. Die germanischen Stämme und Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Bd. (Mannus-Bibliothek 8 und 14. Würzburg).
- Borkovskij I. 1933. The origin of culture with corded ware in Central Europe. // Proceedings of the Prehistoric Congress (London 1932), London: 211-213.
- Boulainvillier J. comte de. 1727. Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Avec XIV. lettres historiques sur les parlemens ou etats-generaux. Haye et Amsterdam.
- Brjussow A. Ja. 1954. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. // Acta Archaeologica Kopenhagen 25: 309-321.
- Chamberlain H. S. 1899. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. München.
- Chang K. C. 1958. Study of neolithic social grouping: examples from the New World. // American Anthropologist: 298-334.
- Childe V. G. 1925. The dawn of European civilisation. London, Kegan Paul.
- Childe V. G. 1926. The Aryans. A study of the Indo-European origins. London-New York, Kegan Paul.
- Childe V. G. 1929. The Danube in prehistory. Oxford, Oxford University Press.
- Childe V. G. 1930. The Bronze Age. Cambridge, Cambridge University Press.
- Childe V. G. 1935. Changing methods and aims in prehistory. // Proceedings of the Prehistoric Society 1: 1-15.
- Childe V. G. 1946. Scotland before the Scotts. London, Methuen.
- Clemen C. 1935. Die Urheimat der Indogermanen. // Die Kölnische Zeitung.
- Clemen C. 1937. Indogermanenfrage und kein Ende. // Die Kölnische Zeitung.
- Clemen-Festschrift 1936. Festschrift für Paul Clemen. Zeitschrift des Rheinischen Vereins für Denkmalpflege und Heimatkunde 29, 1, Düsseldorf.
- Daniel G. E. 1950. A hundred years of archaeology. London, Duckword.
- Eggers H. J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. // Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift), Heidelberg, Winter: 49-59.
- Eggers H. J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München, Piper.
- Fischer U. 1958. Mitteldeutschland und die Schnurkeramik. // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 41/42: 254-298.
- Frenzel W. 1937. Besprechung von Philipp 1937. // Mannus 29: 150-151.
- Gimbutas M. 1956. The prehistory of Eastern Europe. Pt. I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age cultures in Russia and the Baltic area. American School of Prehistoric Research Bulletin 20. Cambridge, Mass.
- Gobineau J.-A. comte de. 1853—55. Essai sur l'inégalité des races humaines. 4 vols. Paris, Didot.
- Gummel H. 1938. Forschungsgeschichte in Deutschland. Die Urgeschichte und ihre historische Entwicklung in den Kulturstaaten der Welt. Bd. I. Berlin, de Gruyter.
- Günther H. F. K. 1925. Klerine Rassenkunde Europas. München, Lehmann.
- Günther H. F. K. 1926a. Adel und Rasse. München, Lehmann.
- Günther H. F. K. 1926b. Rasse und Stil: Gedanke über ihre Beyiehungen im Leben und in der Geistesgeschichte.
- Günther H. F. K. 1928. Rassenkunde des deutschen Volkes. 12. Aufl. München, Lehmann.
- Günther H. F. K. 1930. Rassenkunde des jüdischen Volkes. München, Lehmann.
- Günther H. F. K. 1934. Die nordische Rasse bei den Indogermanen Asiens. München, Lehmann.
- Günther H. F. K. 1935. Herkunft und Rassengeschichte der Germanen. München, Lehmann.
- Hachmann R. 1970. Die Gothen und Skandinavien. Berlin, Walter de Gruyter.
- Hachmann R., Kossack G. und Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, Wachholtz.

- Hahne H. 1922. 25 Jahre der Siedlungsarchäologie; Arbeiten aus dem Kreis der Berliner Schule. Mannus-Bibliothek 22. Leipzig.
- Hensel W. 1971. Archeologia i prahistoria. Studia i szkice. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, Ossolineum.
- Herrmann J. 1956. Archäologische Kulturen und sozialökonomische Gebiete. // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 6: 97-128.
- Hoernes M. 1903. Das Campignien, eine angebliche Stammform der neolithischen Kultur Westeuropas. // Globus 83: 139-144.
- Hoernes M. 1905. Die Hallstattperiode. // Archiv für Anthropologie, N. F., 3: 233-235.
- Hülle W. 1935. Vorwort zu: Kossinna G. Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft, 7. Aufl.
- Jacob-Friesen K. H. 1928. Grundlagen der Urgeschichtsforschung. Stand und Kritik der Forschung über Rassen, Völker und Kulturen in urgeschichtlichen Zeit. Hannover.
- Jacob-Friesen K. H. 1951. Vorgeschichte oder Urgeschichte? // Festschrift für Gustav Schwantes. Neumünster: 1-3.
- Jahn M. 1916. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit. Mannus-Bibliothek 14. Würzburg.
- Jahn M. 1941. Die deutsche Vorgeschichtsforschung in einer Sackgasse? // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit 17: 73-82.
- Jahn M. 1952. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte. // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Phil.-hist. Klasse. Berlin 99, 3: 1-27.
- Jakimowicz R. 1929. Ochrona zabytków przedhistorycznych. // Wiadomości archeologiczne 10: 1-26.
- Kikebusch A. 1928. Siedlungsarchäologie. // Ebert M. (Hrsg.). Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, Walter de Gruyter. Bd. 12: 102-117.
- Klejn L. S. 1969. Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur. // Die neolithischen Becherkulturen im Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 24: 275-285).
- Klejn L. S. 1969. Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur. // Behrens H. und Schlette F. (Hrsg.). Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften: 192-200.
- Klejn L. S. 1971. Was ist eine archäologische Kultur? // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 12: 321-345.
- Knoke F. 1910. Carl Schuchhardt als römisch-germanischer Forscher. // Mannus II: 255-265.
- Kossinna G. 1896. Die vorgeschichtliche Ausbreitung der Germanen in Deutschland. // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Berlin, 6, 1: 1-14.
- Kossinna G. 1902. Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet. // Zeitschrift für Ethnologie 34: 161-222.
- Kossinna G. 1905. Die verzierten Eisenlanzen spitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. // Zeitschrift für Ethnologie 37: 369-407, 596-598.
- Kossinna G. 1910. Zum Homo Aurignacensis. // Mannus II.
- Kossinna G. 1911a. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Mannus-Bibliothek 6, Würzburg, Kabitzsch.
- Kossinna G. 1911b. Zur ältesten Bronzezeit Mitteleuropas. // Mannus 3: 325-326.
- Kossinna G. 1912a. Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft. Mannus-Bibliothek 9, Würzburg Kabitzsch (8. Aufl. 1941).
- Kossinna G. 1912b. Dr. Erich Blume †. // Mannus 4: 451-456.
- Kossinna G. 1913. Der Goldfund von Messingwerk bei Eberswalde und die goldenen Kultgefäße der Germanen. Mannus-Bibliothek 12. Würzburg, Kabitzsch.
- Kossinna G. 1914. Der «nordische» Körpertypus der Griechen und Römer. // Deutsche Volkswart (Leipzig) 1: 265-272.
- Kossinna G. 1919a. Die deutsche Ostmark, ein uralter Heimatboden der Germanen (Monatsschrift für Oberschlesien 17, H. 12).
- Kossinna G. 1919b. Die altgermanische Kulturhöhe. Ein Kriegsvortrag. // Die Nornen (Jena).
- Kossinna G. 1920. Das siegreiche Vordringen meiner wissenschaftlichen Anschauungen als Ergebnis meiner wissenschaftlichen Methode. // Mannus 12.
- Kossinna G. 1921. Die Indogermanen. Ein Abriß. I. Das indogermanische Urvolk. Leipzig, Kabitzsch (Mannus-Bibliothek 26).
- Kossinna G. 1926—27. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Teile 1-2. Irmisul, Blätter für deutsche Art und Kunst (2. Aufl. 1934. Mannus-Bücherei 6).
- Kossinna G. 1934, 1935. Die altgermanische Kulturhöhe. Eine Einführung in die deutsche Vor- und Frühgeschichte. 3. Aufl. Würzburg, Kabitzsch (5. Aufl. 1935, 7. Aufl. 1939).
- Kossinna G. 1940. Das Weichselland ein uralter Heimatboden der Germanen. 3. verarb. Aufl. Würzburg, Kabitzsch.
- Kostrzewski J. 1914. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań, Niemcewicz.
- Kostrzewski J. 1918. Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit. 2 Bde. Mannus-Bibliothek 18 und 19. Leipzig—Würzburg.
- Kostrzewski J. 1927. O prawach naszych do Śląska w świetle pradziejów tej dzielnicy. // Z otchłani wieków 2: 1-9.
- Kostrzewski J. 1930. Vorgeschichtsforschung und Politik. Eine Antwort auf die Schrift von Dr. Bolko von Richthofen «Gehört Ostdeutschland zur Urheimat der Polen?». Poznań, Jakowski.
- Kostrzewski J. 1936. The prehistory of Polish Pomerania. Toruń, The Baltic Pocket Library.
- Kostrzewski J. 1958. Kultura łużycka na Pomorzu. Poznań, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kostrzewski J. 1961. Zagadnienie ciągłości ziem polskich w pradziejach. Poznań, Polskie wydawnictwo przyjaciół nauk, Prace komisji archeol., T. 10, z. 3: 219-360 (il. čč. Wrocław 1965).
- Kostrzewski J. 1964. W walce y szowinizmem. // Z otchłani wieków 30, 4.
- Lapouge, G. Vacher de. 1899. L'Arien, son rôle social. Paris, Fontemoing.
- Majewski E. 1905. Hipoteza Kossiny o germanskim pochodzeniu indoeuropejczyków a prawda w nauce. Studium krytyczne. // Światowit 6: 89-144.
- Meyer E. 1899. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, M. Niemeyer.
- Meyer E. 1907. Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Bd. II. Stuttgart-Berlin, J. G. Gotta.
- Montelius O. 1888. Über Einwanderung unserer Vorfahren in den Norden. // Archiv für Anthropologie 17: 151-160.
- Moszyński K. 1957. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego (Prace językoznawcze PAN 16.

- Wrocław—Kraków).
- Much M. 1901. Die Heimat der Indogermanen im Lichte der vorgeschichtlichen Forschung. Jena, Costenoble (2. Aufl. 1904).
- Müller-Karpe H. 1966. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. II. München, C. H. Beck.
- Ostlandberichte 1928, 4.
- Otto K. H. 1953. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkern. // *Ethnographisch-Archäologische Forschungen* 1: 1-27.
- Otto K. H. 1954. Über den Standort der Archäologie in der deutschen Ur- und Frühgeschichtsforschung. // *Forschungen und Fortschritte* 28: 339-341.
- Pearson R. 1966. Early civilisations of the Nordic peoples. London, Clair Press.
- Preidel H. 1954. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens. Bd. I. Gräffeling bei München, Gans.
- Ratzel F. 1882-1892. Anthropogeographie. 2 Bde. Stuttgart, Engelhorn.
- Reinecke P. 1902. Neolithische Streitfragen. Ein Beitrag zur Methodik der Prähistorie. // *Zeitschrift für Ethnologie* 34 223-272.
- Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. // *Mainzer Zeitschrift* 24-25: 58.
- Renfrew C. 1969. Trade and culture process in European prehistory. // *Current Anthropology* 10 151-169.
- Richthofen B.von. 1923. Gehört Ostdeutschland zur Urheimat der Polen? Kritik der vorgeschichtlichen Forschungsmethoden an der Universität Posen. Danzig, W. F. Burau (2. Aufl. 1929).
- Richthofen B.von. 1929a. Ist Posen urpolnisches Land? *Deutsche Blätter in Polen* 2, H. 9.
- Richthofen B.von. 1929b. Vorgeschichtsforschung und Politik. Ein Wort der Erwiderung an Museumsdirektor Universitätsprofessor Dr. J. Kostrzewski. // *Die Provinz Oberschlesien* 4, Nr. 45.
- Schrader O. 1906-1907. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Bd. I-II. Jena, Costenoble.
- Schrader O. 1912. Die Indogermanen. Leipzig, Quelle und Meyer (3. verb. Aufl. 1919; russk. перев. Индо-европейцы. М., 1913).
- Schuchhardt C. 1889. Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft. Leipzig, Brockhaus.
- Schuchhardt C. 1909. Die Römerschanze bei Potsdam nach den Ausgrabungen von 1908 und 1909. // *Prähistorische Zeitschrift* 1.
- Schuchhardt C. 1913. Besprechung von G. Kossinna «Der germanische Goldfund...» // *Prähistorische Zeitschrift* 5: 585-587.
- Schuchhardt C. 1914. Der Goldfund vom Messingwerk bei Eberswalde. Berlin, Verlag für Kunstwissenschaft.
- Schuchhardt C. 1919. Alteuropa in seiner Kultur- und Stilentwicklung. Straßburg-Berlin, Trübner.
- Schuchhardt C. 1926. Alteuropa. Eine Vorgeschichte unseres Erdteils. 2. Aufl. Berlin-Leipzig, Walter de Gruyter.
- Schuchhardt C. 1928. Vorgeschichte von Deutschland. München (2. Aufl. 1934 München-Berlin), Oldenbourg.
- Seger H. 1931. Gustaf Kossinna. // *Prähistorische Zeitschrift*, Bd. 22: 293-295.
- Sieglin W. 1901. [Die blonden Haare der homerischen Helden]. // *Verhandlungen des 46. Versammlung deutscher Philologen zu Strassburg i. E.*: 121.
- Sieglin W. 1902. Ethnologische Eindrücke aus Italien und Griechenland. // *Verhandlungen des sechsendvierzigsten Versammlung deutschen Philologen und Schulmänner in Straßburg (Elsaß)*, 1901. Leipzig, Teubner: 121-122.
- Sieglin W. 1935. Die blonden Haare der indogermanischen Völker des Altertums. München.
- Stampfuß R. 1935. Gustaf Kossinna. Ein Leben für die deutsche Vorgeschichte. Leipzig, Kabitzsch.
- Stampfuß R. 1937. Besprechung der Clemen-Festschrift. // *Mannus* 29: 453-454.
- Stampfuß R. 1942. Germanen in der Ukraine. // *Germanen-Erbe*, 7: 131-135.
- Suliminski T. Die Schnurkeramischen Kulturen und das Indo-Europäische Problem. // *La Pologne au VII-me Congrès Internationale des Sciences Historiques (Varsovie, 1933)*. Vol. I: 287-308.
- Taylor W. 1948. A study of archaeology (Memoir No. 69, *American Anthropologist* 50, 3, part 2).
- Tischler O. 1886-1890. Ostpreußische Gräberhügel I-III. // *Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*, 27: 113-178; 29: 106-135.
- Virchow R. 1884. Über ostdeutsche prähistorische Altertümer. // *Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft* 15 (9): 65-75.
- Virchow R. 1886. Eröffnungsrede des Vorsitzenden. // *Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft* 17 (9): 67-80.
- Virchow R. 1897. Eröffnungsrede. // *Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft* 28 (9): 67-75.
- Virchow R. 1900. Die armenische Expedition Belck-Lehmann. // *Zeitschrift für Ethnologie*, 31, H. VI: 579-586.
- Virchow R. 1900. Verwaltungs-Bericht für das Jahr 1900. // *Zeitschrift für Ethnologie*, 31 (9): 578-580.
- Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. *Grenzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis*. I. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Jg. 1940/41, 2 Abh. Heidelberg (2. Aufl. 1952).
- Wahle E. 1950/51. Geschichte der prähistorischen Forschung. // *Anthropos (Freiburg)* 55, 1950: 497-538, 1951: 49-112.
- Wahle E. 1964. Tradition und Auftrag prähistorischen Forschung. *Ausgewählte Abhandlungen*. Berlin, Duncker & Humblot.
- Werner J. 1950. Zur Entstehung der Reihengräberzivilisation. Ein Beitrag zur Methode der frühgeschichtlichen Archäologie. // *Archaeologia Geographica* 1: 23-32.
- Werner J. 1954. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik? // *Forschungen und Fortschritte* 28: 246-248.
- Westphal-Hellbusch S. 1969. Hundert Jahre Ethnologie in Berlin, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung an der Universität. // *Festschrift zum hundertjährigen Bestehen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1869-1969*. Teil 1. Berlin: 157-183.
- Zeiß H. 1930. Zur ethnischen Deutung frühmittelalterlicher Funde. // *Germania* 14: 14-24.
- Zeiß H. 1931. Aktuelle Probleme der frühmittelalterlichen Archäologie. // *Prähistorische Zeitschrift* 22: 240-242.
- Zylmann P. Karl-Hermann Jacob-Friesen. Leben und Werk. // *Zur Ur- und Frühgeschichte Nordwestdeutschlands* (hrsg. von P. Zylmann). Hildesheim: 1-20.